

26.
349

ТАКЪ БЫЛО СУЖДЕНО.

ПОВѢСТЬ

А. М. ПАЗУХИНА.

ИЗДАНИЕ

„МОСКОВСКАГО ЛИСТКА.“

МОСКВА.

Типографія Е. И. Погодиной, Софійская набер., д. Котельниковой.

1882.

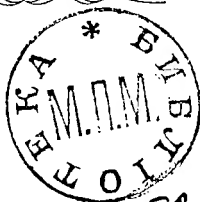
ТАКЪ БЫЛО СУЖДЕНО.

П О В Ъ С Т Ъ

А. М. Пазухина.

ИЗДАНИЕ

„МОСКОВСКАГО ЛИСТКА.“

5211-0

М О С К В А

Типографія Е. К. Погодиной, Софійская набер., д. Котельниковой.
1882.

Дозволено цензурой. Москва, Января 21 дня 1882 г.

2007064481

I

Въ жаркій лѣтній полдень 1881 года по Калужской дорогѣ, по направленію къ Москвѣ, шажкомъ ѣхали два путешественника въ легонькомъ тарантасѣ, запряженнымъ рослымъ, сильнымъ конемъ, который, не смотря на удушливую жару, порывался впередъ, безпокойно трясъ головой и отмахивался хвостомъ отъ мучившихъ его оводовъ; молодой парень, одѣтый въ красную рубаху и атласный черный жилетъ, по которому висала серебряная часовая цѣпочка, насилу сдерживалъ его. Другой путешественникъ, повидимому купецъ, поминутно утиралъ лицо платкомъ и тяжело дышалъ отъ невыносимой жары. Это былъ плотный, широко сложенный брюнетъ, лѣтъ 40 съ небольшимъ. Окладистая, черная, какъ смоль, борода его, серебрилась легкой сѣдиной; умное энергичное лицо выражало досаду.

— Эка, прости, Господи, жарыща-то! воскликнулъ онъ. Дышать просто не въ ногу.

— Страхъ какъ палить! Индо въ голову ударило! сказалъ парень. Да этотъ еще чертъ-то рвется да шалить—вѣй руки оттянулъ, окаянный!

И парень сердито передернулъ возжами.

— Ему, братъ, хуже нашего: вишь, какъ его оводы-то жараютъ!

— Да, донимаютъ! А пустить нельзя: кладъ-то ваша такая...

— Кладъ, братъ, хрупкая, нѣжная, и шагомъ-то ѣхать надо

съ опаской, а то одни череня привезешь, а вѣдь штука-то двѣ сотѣльныхъ стоитъ! Купецъ поправилъ ящикъ, стоявшій у него въ ногахъ.

— Что говорить!

— А далече еще до Москвы-то?

— Да верстъ тридцать еще будетъ, коли не больше....

— Гм! Издохнешь просто!... Рази вотъ что....

— Что-съ?

— Не переждать-ли намъ жару-то?

— Чтоже, очинно можно; въ деревню, что-ль, свернуть?

— Зачѣмъ въ деревню? Свернемъ вотъ въ кусточки-то, да и переждемъ; закусимъ, чайникъ разогреемъ....

— Отлично-съ! А тутъ вотъ, съ полверсты подальше, ручеекъ есть, вода въ немъ ахтителъная! Я, какъ у Сатина жилъ, часто тутъ бывалъ: на охоту хаживали съ нимъ, угокъ тутъ страсти!

— Ну, вотъ и отлично! въ холоду-то и буланка не такъ эфти дьяволы-то будутъ кусать....

— Конечно-съ!

И проѣхавъ еще съ полверсты, путешественники свернули съ дороги въ лѣсокъ и расположились на отдыхъ. Парень отпрегъ лошадь, привязалъ ее къ тараптасику и, доставъ изъ подъ сидѣнья корзину съ закуской и мѣдный чайникъ, побѣжалъ къ ручейку добывать воду, и скоро путешественники сидѣли въ тѣни кустарника и закусывали, попивая чаекъ.

— Ловкій ты парень, Серега: вишь, какъ у тебя все скоро поспѣло! похвалилъ купецъ парня.

— Спасибо на добромъ словѣ, Григорій Максимовичъ!... Привычка-съ къ эфтому... Бывало съ Сатинымъ все въ дорогахъ, да въ дорогахъ, а то на охотѣ,—онъ вѣдь охотникъ страсть какой!

— Что же ты не жилъ-то у него?

— А какъ женился онъ, такъ и пошли у нихъ въ домѣ переполохи да неудовольствія разныя, а потомъ и дѣло хуже по-

шло, такъ что ему свою часть бросить пришлось, да къ дядѣ въ Питерь, въ родѣ прикащика, ѣхать, ну, я и отошелъ, а то житье важное было-съ, и по сейчасъ поминаю!

— Ничего, и у меня хорошо будетъ.... Со мной жить можно, только приноровиться нужно—горяченекъ я....

Парень улыбнулся.

— Говорили миѣ-съ, какъ порядится къ вамъ. «И недѣли, говорить, не проживешь: крутъ больно Григорій-то Максимычъ!» Одначе, вотъ живу-съ....

Купецъ помолчалъ.

— У тебя ссоровки много, знаешь, какъ подойти, за дѣло схватиться, а это-то самое первое дѣло и есть!.... Крутъ, крутъ!.... Будешь крутъ, какъ сотпи двѣ осталоповъ у тебя живетъ, одинъ другого норовиетъ! Помаянъся съ ними, съ дьяволами, день-то деньской—по неволѣ осатанѣешь, да въ ухо иному дашь! Ангела изъ терпимости выведутъ, а не то што!... Ихъ не бить, чертей, такъ съѣдятъ тебя!

— Эфто вѣрно-съ.

— Ну, и лунись съ плеча, и дуешь ихъ, а по привычкѣ, и дома-то злобствуешь, да рвешь, вотъ и крутъ... Хмѣльной я точно что крутенецъ, шутить въ тѣ поры со мной не нужно...

Купецъ выпилъ изъ походной бутылки глотка два рому.

Молодой парень посмотрѣлъ на него съ боку и малость самую вахмурился: глотки эти были далеко не первыми, брюнетъ ужъ начиналъ хмѣлѣть.

— Ты у Сатина-то сколько получалъ?

— Четыре сотельныхъ въ годъ; я вѣдь у него почти за главнаго былъ....

— Ну, я тебѣ пять положу съ зимы, только живи хорошо.

— Благодаримъ покорно, Григорій Максимовичъ, заслужи-съ!

— Вечеръ мы луга у мужиковъ снимали, ты ловко орудовалъ: видно, что у тебя смѣтка есть, а миѣ это и надо, потому я съ

ними самъ говорить не могу: задоръ меня беретъ и норовишь кому нибудь въ ухо заѣхать, а нѣтъ такъ и леворверомъ свистнешь! Пршшлое лѣто я одного парня такъ леворверомъ огрѣлъ, што на-силу отдышался онъ!... Три сотельныхъ выплатилъ ему.... Подлый и народъ, чортъ ихъ обдери!

Купецъ опять глотнулъ изъ бутылки.

— Нѣтъ, вотъ тоже съ Сатянымъ мы.... заговорилъ было парень, но въ эту самую минуту, почти надъ самымъ ухомъ его, грянулъ выстрѣлъ и раскатился по лѣсу.

Купецъ вскрикнулъ даже отъ испуга, а буланка рванулся назадъ, взвился на дыбы и, порвавъ недоуздокъ, во весь опоръ поскакалъ изъ лѣсу, храпя и вскидывая задомъ.

Оба путешественники вскочили.

— Кой это дьяволъ пальнулъ тутъ? оглянулся купецъ, сверкая глазами и сжимая къ рукѣ бутылку съ ромомъ.

— Кто его знаетъ, оглашеннаго! проворчалъ парень, подбѣгая къ наклонившемуся на бокъ и чуть не упавшему тарантаску. Вишь, его угораздило, проклятаго, чтобъ ему лопнуть!.. Что теперь съ конемъ-то дѣлать? Ускачетъ онъ и не вѣсть куда!...

Въ это время изъ за кустовъ орѣшника вышелъ на полянку виновникъ переполоха. Это былъ худенькій старичекъ, съ сѣдыми баками, съ морщицистымъ лицомъ, одѣтый въ сѣрый суконный сюртукъ и въ бѣлые коломенковыя брюки, заправленныя за худенькіе сапоги; на головѣ у него была соломенная старинная фуражка, въ рукахъ плохенькое ружьецо. Такъ и накинудся на охотника освирѣпѣвшій брюнетъ.

— Ты што это, чортъ тебя задави, окаяннаго, стрѣляешь тутъ?... Убить, што-ли, насъ хотѣлъ, анаеема? Убійца ты, што-ли, какой? Разбойникъ!...

— Палить, дьяволъ, зря! Лошадь-то убѣгла теперь, убьется еще.... Эхъ ты, провалъ тебя возьми! закричалъ и парень. Шею тебѣ намять нужно, проклятому!...

— Лошадь-то вѣдь пятьсотъ цѣлковыхъ стоитъ, оголѣтый ты чортъ! свирѣно прохрипѣлъ брюнетъ и со всего размаху ударилъ охотника бутылкой по виску.

— Ой! вскрикнулъ старикъ и схватился за голову.— Убили, Убили! слабо проговорилъ онъ и, покачнувшись, упалъ на траву обливаясь кровью.

— Григорій Максимычъ! Что вы надѣлали?... Батюшки мои, вѣдь вы убили его! отчаянно вскрикнулъ парень, подбѣгая къ старику, который конвульсивно хватался за орошенную кровью траву и хрипѣлъ, въ предсмертной агоніи.

Мрачно стоялъ брюнетъ надъ распростертымъ у его ногъ охотникомъ, и смертная блѣдность покрыло его лицо.

— Убилъ!... Господи, помилуй меня, окаяннаго!... Убилъ!... Убійца, злодѣй, прошепталъ онъ и наклонился надъ старикомъ.

— Сережа, голубчикъ, что онъ?... Господи!...

— Что, Григорій Максимычъ, плохо дѣло: скончался вѣдь старикъ-то!

Дико вскрикнулъ купецъ, и схвативши себя за волосы, упалъ головой на убитаго охотника.

Парень понурилъ голову и растерянно теребилъ часовую цѣпочку, пачкая ее еще теплой кровью убитаго старика, которая покрывала его атласный жилетъ и трясушіяся руки.

Купецъ истерически рыдалъ на тепломъ еще трупѣ своей жертвы.

II

Въ это же самое время и по той же Калужской дорогѣ ѣхалъ всадникъ на приземистой *низовой* лошаdkѣ. Бойкая выносиливая лошаdка, покрытая пылью и изъ вороной казавшаяся сѣрой—легко шагала по пыли дороги и въ тактъ помахивала хвостомъ, не обращая большаго вниманія на оводовъ и только изрѣdко сердито

взглядывала на докучнаго врага, аппетитно впивнагося ей въ крупѣ. Всадникъ былъ молодой еще человѣкъ, лѣтъ 23—4 средняго роста блондинъ, съ вьющимися свѣтло-русыми волосами, съ маленькой кудрявой бородкой и съ бойкими плутовскими глазами, которые такъ и сверкали изъ подъ тонкихъ, энергично сдвинутыхъ бровей. Стройный широкоплечій станъ всадника облегалась сѣрая поддевка изъ лѣтней матеріи; на ногахъ были надѣты высокіе сапоги, простроченные шелками и украшенные лаковыми широкими отворотами; кудрявую голову покрывала черная суконная фуражка съ лакированнымъ козырькомъ.

Ловко и крѣпко сидѣлъ всадникъ на казацкомъ сѣдлѣ и, бросивъ поводья, мурлыкалъ какую-то пѣсенку, похлестывая по сапогу нагайкой.

Когда раздался выстрѣлъ, всадникъ проѣхалъ уже то мѣсто, гдѣ расположились наши путешественники. Онъ слегка вздрогнулъ и оглянулся; конь его только повелъ ушами и покосился на лѣсъ.

— Экъ его! сказалъ всадникъ и поправился на сѣдлѣ. Въ это время по лѣсу раздался конскій топотъ, и буланый, пенуганный выстрѣломъ, бѣшено вылетѣлъ на дѣрогу и, круто повернувшись, проскакалъ мимо самого всадника и понесся по дорогѣ къ Москвѣ, вздымая пыль.

— Напугался конь-то, убіѣлъ, проговорилъ всадникъ, и подобралъ поводъ. Надо догнать, а то уйдетъ, дорогой конь-то.... Наклонился всадникъ къ передней лукѣ, махнулъ плетью, гикнулъ, и степной конь его вихремъ полетѣлъ въ догонку буланого, разстилаясь по дорогѣ.

Минуть черезъ пять бѣшенной скачки всадникъ догналъ буланого и поскакалъ съ нимъ рядомъ, оттѣсняя его къ лѣсу и, ставя своего степняка па перерѣзъ. Буланый свирѣпо храпѣлъ, и на скаку подымался на дыбы, пытаясь смять всадника.

— Врешь, не уйдешь! вскрикнулъ всадникъ и ловко схватилъ горячаго коня за узду сильной желѣзной рукой. Бѣшено рванулся

буланый въ сторону, но всадникъ соскачилъ съ своего степняка и, повиснувъ на поводѣ буланого, удержалъ его.

— Тсъ, тсъ!.... Тихе, тихе, шалишь! началъ онъ успокаивать трясущуюся лошадь и гладилъ ее по крутой, взмыленной шеѣ. Когда буланый успокоился, молодой человѣкъ оглянулся на своего стаяника, очень покойно щиплющаго траву, и свистнулъ ему; тотъ поднялъ голову, весело заржалъ и подошелъ къ хозяину.

— Откуда же ты, красавецъ, удралъ это? осматриваясь кругомъ, проговорилъ молодой человѣкъ, лаская буланого. Не иначе, какъ въ лѣсу кто нибудь жару переждалъ.... Пойдемъ хозяина искать!

Молодой человѣкъ окончательно умирилъ испуганнаго коня и пошелъ по опушкѣ, ведя его въ поводу; степнякъ шелъ сзади, срывая траву и пережевывая ее взнузданнымъ ртомъ.

Молодой человѣкъ прошелъ сажень двѣсти.

— Кой чортъ! проговорилъ онъ. Вѣдь выстрѣлъ-то раздался сію минуту, да и близко—что же не видать никого? Пора бы бѣжать, кажись, за лошадыю-то.... Ужъ не въ лобъ-ли себѣ всадилъ нулю хозяинъ буланого коня? Чудно!... Пойдемъ, поищемъ....

Молодой человѣкъ опять пошелъ по опушкѣ.

— Эге? вотъ гдѣ слѣдъ въ лѣсѣ то, тутъ они свернули, тутъ, должно быть, и найду кого....

Когда молодой человѣкъ, ведя въ поводу буланого и сопровождаемый своимъ степнякомъ, прошелъ лѣсомъ шаговъ сто, въ сторонѣ, за кустами орѣшника, послышался шепотъ.

Молодой человѣкъ остановился и сталъ прислушиваться.

— Что за чудеса такія! подумалъ онъ. Не придорожные ли развѣ молодцы уклонили кого? Въ такомъ разѣ они и мнѣ спуска не дадутъ.... надо того, иоопасись!

Молодой человѣкъ вытащилъ изъ-за голенаща сапога револьверъ и, осмотрѣвъ заряды, смѣло пошелъ на голосъ.

Убитый старикъ лежалъ все въ томъ-же положеніи, но ужъ по-

сивѣлъ весь и похолодѣлъ. Черноватый кунецъ мрачно стоялъ около него и зорко озирался по сторонамъ; молодой парень облокотился о тарантасъ и въ глубокомъ отчаяніи шепталъ: «убили старика то, ухлспали сердечнаго!... Куда теперь головы наши поспѣли?... Господи, Господи!... Не повиненъ я ни въ чемъ, а, глядишь, и и меня затакають, да засудятъ, а вѣдь у меня жена, ребенокъ!... О, Господи, Господи!...

Когда всадникъ, поймавшій коня, раздвинувъ кусты, вышелъ на полянку и въ недоумѣніи остановился, увидавъ описанную сцену, брющеть безумно уставился на него и сдѣлалъ два шага впередъ.

— Тебѣ чего нужно?... Ты что за человѣкъ? глухо спросилъ онъ. — Свидѣтель, доносчикъ!...

— И этого еще убейте! крикнулъ парень. — ума въ васъ нѣтъ!.. Родной, голубчикъ! обратился онъ къ молодому человѣку, — вызвали насъ на бѣды, помоги головы спасти, научи, какъ быть!.. Человѣка, вѣдь, хозяинъ-то убилъ!...

— Какъ человѣка убилъ?! За что?

— Ой, бѣда наша!... Пришли мы тутъ отдохнуть, жару переждать, чайникъ вскиятили... Сидимъ мы это, чай пьемъ, разговариваемъ... Вдругъ, братецъ мой, выстрѣлъ!... Испугались мы, потому очень ужъ громко пальнулъ-то онъ, а лошадь вотъ тутъ привязана была, оторвалась да бѣжать... Глядимъ, а онъ, сердешный, старичекъ то вотъ эфтотъ!...

Парень покосился на убитаго и глубоко вздохнулъ.

— Выходить изъ за кустиковъ; мы на него; ругать зачали, а хозяинъ какъ подскочилъ къ нему, да какъ свистнетъ его бутылкой плетеной по виску—онъ только ахнулъ, голубчикъ!.. Ой, бѣда наша, ой, гибель неминуемая!...

Во время разказа парня, кунецъ стоялъ, потупивъ голову, и шепталъ что-то подъ носъ.

— Плохо дѣло! проговорилъ молодой человѣкъ и подошелъ къ убитому, привязавъ сначала пойманную лошадь къ тарантасу.

— Э! воскликнулъ онъ,—да старикъ-то знакомый мнѣ...

— Что ты?! Кто онъ? вскрикнули и купецъ, и парень.

— Такъ, бобыль одинокій, изъ дворовѣхъ прежнихъ; вотъ тутъ онъ, въ сельцѣ Панкратьевѣ проживалъ, а мы туда по дѣлу ѣздимъ.... Эхъ, старикъ, старикъ, попался, сердешный, на медвѣдя лютаго!.. За что ты ухлопалъ его, купецъ? Старикъ-то какой душевный былъ!.. Хорошо, что не осталось у него ни роду, ни племени.... Вы то кто такіе? обратился молодой человѣкъ къ парню.

— А это....

— Погоди! порывисто подошелъ купецъ къ разговаривающимъ.— Слушай, молодецъ, обратился онъ къ незнакомцу,—мой грѣхъ былъ, я и въ отвѣтъ за него на томъ свѣтѣ стану, я здѣсь молиться буду, добро творить, коли ты захочешь укрыть грѣхъ мой, не оонесешь на меня... Хочешь доносить—иди, объявляй, а не хочешь, желаніе имѣешь пощадить человѣка—не пошто тебѣ и званіе мое знать!.. Вотъ тебѣ за молчанье отъ меня и поѣзжай съ Богомъ!..

Купецъ досталъ бумажникъ.

— Погоди, купецъ; денегъ я за такое дѣло не возьму—не подбаетъ это—а молчать, Богъ съ тобой, буду.... Замаливай свой грѣхъ, а деньги, што мнѣ хотѣлъ дать, лучше нищимъ раздай... Прощайте, Богъ съ вами.

Молодой человѣкъ пошелъ было къ своему степняку, но вернулся и подошелъ къ убитому.

Прости, сердешный, вѣчная тебѣ память, голубчику! проговорилъ онъ и перекрестившись поклонился до земли. Помни же, купецъ: много тебѣ добра надо дѣлать, чтобъ замолишь грѣхъ свой: добраго ты человѣка, хорошаго человѣка убилъ!

Незнакомецъ сѣлъ на своего степняка и повернулъ его на дорогу.

— Погоди, молодецъ! остановилъ его купецъ. Не знаешь ты какъ зовутъ *его*?

— Кого?

— А вотъ... Старика-то, мной убитаго, какъ зовутъ? рѣзко крикнулъ купецъ.

— А! Звали его Степаномъ, а теперь ужъ никакъ не зовутъ!.. Молись за убиеннаго Степана, да добро дѣлай, не скупясь!... Прощайте!

Молодой человѣкъ крупной рысью выѣхалъ изъ лѣсу.

Когда уже было совершенно темно, изъ лѣсу выѣхала знакомая намъ телѣжка, запряженная буланымъ конемъ, и быстро покатила къ Москвѣ; не боялся ужъ, видно, теперь хозяинъ ея за цѣлость своей поклажи—не до нее ему было!...

На томъ мѣстѣ, гдѣ утромъ расположились наши путешественники на отдыхъ, теперь никого не было, а подъ густымъ кустомъ орѣшника, закиданный травой и прошлогодними листьями, лежалъ старый охотникъ....

Ружье его было заброшено въ ручей, бѣдное платье на теплинкѣ сожжено, и не найти никому убійцу старика!...

Придетъ осень, опадутъ листья, посохнеть трава, и увидятъ люди убитаго охотника.

— Ухлопали тебя, скажутъ, злодѣи какіе-то! Польстились на одежанку твою бѣдную, на ружьишко дряпное!

И похоронятъ старика,

«Будутъ пѣсни къ нему хороводныя

«Изъ села по зарѣ долетать;

«Будутъ пивы ему хлѣбородныя

«Безгрѣховные сны навѣвать...

III.

На Большой Ордынкѣ, въ Грибоѣдовскомъ переулкѣ, въ собственномъ домѣ, живетъ купецъ Петръ Максимовичъ Сальниковъ, крупный торговецъ.

Петръ Максимовичъ слыветъ богачемъ, капиталистомъ; его обороты, которые онъ ведетъ вмѣстѣ съ холостымъ братомъ, доходятъ, говорятъ, до милліона, но и по его обстановкѣ, и по его жизни, этого незамѣтно: онъ живетъ скромно, даже сѣро, ничѣмъ не отличаясь отъ своихъ сосѣдей, небогатыхъ торговцевъ, и только щеголяя лошадьми, которыя считаются лучшими во всемъ Замоскворѣчьи. Домъ у Сальникова большой, много въ немъ комнатъ; но эти комнаты, обставленныя старинной мебелью, со стѣнами, украшенными иконами, стоятъ запертыми и открываются раза три, четыре въ годъ, а остальное время онъ довольствуется съ семействомъ пятью комнатами въ нижнемъ этажѣ, да небольшимъ флигелемъ на дворѣ, гдѣ помѣщается его контора и живутъ прикащики.

Громадный садъ при домѣ запущенъ; нѣтъ въ немъ ни изящныхъ бесѣдокъ, ни куртинъ, ни подстриженныхъ деревьевъ, какъ у другихъ богатыхъ купцовъ; но за то въ саду такое обиліе ягодъ — крыжевнику, малины, смородины, вишенъ, что ихъ хватаетъ на все семейство, и многочисленныя варенья и соленья готовятся на круглый годъ изъ своихъ ягодъ.

Рѣдко бываютъ гости у Сальникова, и узорчатые, окрашенные зеленой краской ворота, стоятъ постоянно запертыми; громадныя окна съ зеркальными стеклами никогда почти не блещутъ огнями, и лишь только упадутъ сумерки, какъ домъ точно засыпаетъ, и тишина въ немъ и на обширномъ дворѣ нарушается только злобнымъ лаемъ двухъ, спущенныхъ по блоку, овчарокъ.

Петръ Максимовичъ, лѣтъ пять тому назадъ, овдовѣлъ, и жен-

ское хозяйство въ домѣ ведетъ его сестра, старая дѣвица, лѣтъ 40, Марья Максимовна, да дочь невѣста, Катя; эта сестра и дочь оставляютъ все семейство; братъ живетъ въ своемъ домѣ на Пятницкой улицѣ; живетъ холостымъ бобылемъ съ старухой-матерью.

Катя Сальникова, единственная наслѣдница всего движимаго и недвижимаго имущества отца и холостяка дяди, считается невѣстой настолько заманчивой, что свахи чуть-ли ни каждый день по нѣскольку разъ бѣгаютъ на дворъ, предлагая свои услуги и переговаривая съ Марьей Максимовной, но до сихъ поръ уходятъ ни съ чѣмъ, къ великому неудовольствію жениховъ. Свахи, впрочемъ, ходятъ въ домъ «съ опаской», избѣгая встрѣчи съ самимъ Петромъ Максимовичемъ, который ихъ не долюбиваетъ и крѣпко пугаетъ.

Одинъ разъ, заставъ у сестры извѣстную всему Замоскворѣчью сваху *Лимониху*, Петръ Максимовичъ сурово оглядѣлъ ее съ ногъ до головы и, не отвѣчая на ея почтительный поклонъ, спросилъ:

— Зачѣмъ Богъ принесъ? Какое такое дѣло до насъ у вашей милости?

— Побесѣдовать къ сестрицѣ вашей, золотой мой, пришла, къ Марьѣ Максимовнѣ забѣжала, про здоровьице провѣдать, на доченьку вашу, красавицу, глазкомъ взглянуть, благодѣтель, заплѣла сваха.

— Мы здоровы, да и ты не докторъ—не пошто шлаться-то, пороги обивать!...

— Ай, золотой мой, неоцѣненный!... Вѣдь у меня мастерство знаешь какое—авось и пригожусь чѣмъ!

— Береги для другихъ, намъ не нужно!

И Петръ Максимычъ пошелъ.

— Вотъ что я тебя скажу, Передрыга Завариховна, остановился онъ въ дверяхъ,—ходить ты ходи, коли охота тебѣ есть, а только безъ сказокъ своихъ, а то пускать не велю! Слышишь? У Катерины моей есть женихъ, и другаго намъ не нужно. Такъ и скажи всѣмъ...

Петръ Максимовичъ вышелъ.

— Кто же такой, Марья Максимовна, голубушка моя, женихъ-то у Катеньки вашей? съ любопытствомъ спросила сваха.

Марья Максимовна пожала плечами.

— Не знаю, милая! Говорилъ про это мнѣ братецъ, а кто женихъ -- не знаю! Ты, вѣдь знаешь его — скажетъ-ли онъ что намъ!

— Гдѣ сказать, матушка! Петръ Максимовичъ, Богъ съ нимъ, карахтерный мужчина и, не въ обиду будь ему сказано, не больно-то ласковъ, крутенокъ!...

И Лимониха больше жениховъ не сватала, да и женихи, которые скоро узнали отъ нея, что Катя Сальникова уже просватана за кого-то отцемъ — перестали мечтать о ней и лишь только завидовали тому счастливцу, которой будетъ обладать этимъ лакомымъ кусочкомъ.

Помимо богатства, Катя была дѣйствительно кусочекъ лакомый: по всему Замоскворѣчью не было такой красавицы, какъ она.

Блондинка, росту немного болѣе чѣмъ средняго, она поражала кажлаго сочетаніемъ правильныхъ, но не рѣзкихъ, а мягкихъ, нѣжныхъ линій лица.

Мягкость линій не переходила впрочемъ въ ту аляповатость и рыхлость, какимъ особенно блещутъ лица кормленныхъ купеческихъ дочекъ, хотя красота Кати и была чисто русская. Полныя щеки, подернутыя нѣжнымъ, какъ утренняя заря, румянцемъ: нѣжная атласистая кожа; носикъ немного вздернутый, но маленькій, тонкій, полныя губы маленькаго, мягко разрѣзаннаго ротика и синіе, то задумчивые, то блистающіе радостью, какимъ-то дѣтскимъ весельемъ, — глазки, полузакрытые длинными рѣсницами — все это въ стройной гармоніи было такъ прекрасно, такъ симпатично, что Катя могла назваться красавицей и удовлетворить вкусу и самаго строгаго цѣнителя, и простаго смертнаго.

Сложена Катя была замѣчательно хорошо, и вся фигура ея ды-

шала граціей и изяществомъ, рѣдкимъ въ кругу упитанныхъ, ожирѣлыхъ «барышенъ» изъ купечества.

Знающіе близко Катю, любили ее не за одну внѣшность: не было, кажется, существа добрѣе, симпатичнѣе и отзывчивѣе на каждое доброе дѣло этой милой дѣвушки! Всѣ бѣдные околотка находили всегда помощь у Кати; ея карманныхъ денегъ, довольно большихъ, не хватало ей для вспомоствованій различнымъ сиротамъ и бѣднякамъ. Прислуга, прикащики ея отца, навлекшіе на себя чѣмъ нибудь гнѣвъ Петра Максимовича и приговоренные суровымъ хозяиномъ къ увольненію «безъ рашмета» обращались «къ матушкѣ Катеринѣ Петровнѣ» и всегда находили защиту: отецъ, при всей своей суровости, не могъ отказать страстно любимой дочкѣ и провинившійся прощался.

— Ты, Катерина, балуешь у меня ребятъ, говорилъ Петръ Максимовичъ, — я, такъ и быть, прощу Ивана, но больше ты ко мнѣ съ защитой эфтой ходить не смѣй, а нѣтъ -- я тебя шугну!

Но не проходило и недѣли, какъ Катя снова приходила къ отцу съ какимъ нибудь ходатайствомъ и всегда, лаской, задушевнымъ словомъ, умѣніемъ найти слабую струну у отца, смягчала суроваго родителя и достигала цѣли.

Петръ Максимовичъ смотрѣлъ на добрыя дѣла дочки нѣсколько насмѣшливо: онъ всегда скептически относился къ филантропіи и въ каждомъ бѣднякѣ видѣлъ прежде всего лѣнтяя, тунеядца, но Катя умѣла и тутъ доказать не обходимость помощи, такъ что старикъ, въ душѣ по крайней мѣрѣ, соглашался съ нею и нѣтъ-нѣтъ, да и давалъ ей небольшія суммы денегъ «на тряпки», исполнѣ увѣренный, что онѣ уйдутъ не на тряпки, а какому нибудь бѣдняку. Особенно увѣровалъ Петръ Максимовичъ въ добродѣтель дочери послѣ слѣдующаго:

Пришлось какъ-то ему изъ города возвращаться домой на извозикѣ.

— Вы, ваше степенство, живете въ Грибоѣдовскомъ переулкѣ, али ѣдете туда къ кому? спросилъ по дорогѣ извозникъ.

— Живу. А тебѣ что?

— Знаете, стало быть, купца тамъ Сальникова, Петра Максимовича?

— Знакомства съ ними не вожу, а знаю. А что?

Извозникъ поѣхалъ потише.

— Дочь у яво есть, Катерина Петровна ее зовутъ...

— Ну? крайне заинтересованный, спросилъ Сальниковъ.

— Штой-то за ангелъ барышня, Господи!... Изъ петли она меня вынула, отъ гибели всю семью спасла! восторженно заговорилъ извозникъ, обернувшись къ сѣдоку.

— Какъ такъ?

— А вишь ты, какое дѣло: пала у меня нонѣ весной лошадка, добрая лошадка была, сто съ четвертью далъ за нее... Оноили ее ребята на постояломъ дворѣ и пала, сердешная! Што дѣлать? Семья у меня большая, достатковъ нѣтъ—погибать пришлось! И туда, сюда—негдѣ и краснаго билета достать, а не то што сотни, али тамъ сколько на лошадь. «Удавлюсь, думаю, больше дѣлать нечего»!... Убиваюсь я такъ-то, реву, словно ребенокъ малый, а ко мнѣ и приходитъ одинъ сусѣдъ, я за Крестовской заставой живу—то. «Што, говоритъ, Степанъ, плохое твое дѣло»? — «Смерть, говорю, пришла, одно слога! Только и осталось, говорю, петлю на шею надѣть!» — «Погоди, говоритъ мнѣ сусѣдъ-то, авось твое дѣло поправится...—«Какъ, молъ, такъ?—«А иди», гыть, «ты на Ордынку въ Грибоѣдовскій переулокъ, отыщи тамъ домъ купца Сальникова и попроси у дворника дочкѣ того купца записочку передать; ангелъ,» говоритъ, эфта барышня—она тебѣ поможетъ». — «Гдѣ, говорю, помочь: вѣдь мнѣ нужно рублевъ сто на лошадь-то!» — «Поможетъ,» говоритъ сусѣдъ: «мнѣ, гыть, самому она помогла»...

— А онъ, вишь ты, изъ торговцевъ, посудой нонѣ торгуешь, да прошлаго года погорѣлъ и остался нищимъ, такъ ему, слышь ты, эфта же самая купецкая дочка денегъ на поправку дала; прознала она про него отъ кого-то и захотѣла челоуѣка спасти...—Экій ангелъ, Господи!.. Ну написалъ мнѣ сусѣдъ, записку, пошелъ я; къ Иверской Богородицѣ зашелъ, свѣчу поставилъ... Прихожу. Велѣла меня позвать къ себѣ въ горницу. Вхожу я. Красавица она писаная, барышня эта Сальникова! Не видывалъ я такихъ красавицъ!... Вы выдали ее когда, ваше степенство?

— Видалъ. Ну?

— Ну, выходитъ ко мнѣ и спрашиваетъ: — «Ты, говоритъ, извоишь Степанъ?» — «Я, молъ, матушка». — «Лошадка у тебя пала?» — спрашиваетъ. «Пала, говорю, барышня; обездолила меня, погибать приходится!» — «Зачѣмъ, говоритъ, погибать — я тебѣ дамъ денегъ, поправляйся»... Я такъ и упалъ въ ножки къ ней, поймалъ башмачекъ-то, да и ну цѣловать, да слезами обливать его!.. Подняла меня, смѣется, ангелъ Божій! — «Сколько, говоритъ, тебѣ на лошадь-то нужно?» «Матушка, — говорю, сударыня, сколько милости вашей будетъ — помогите, плательщикъ, говорю, буду»... — «Иванъ Ивановичъ, эфто сусѣдъ-то мой — пишетъ мнѣ, говоритъ, што тамъ гдѣ-то у васъ извоишь лошадь продаетъ?» — «Продаетъ, молъ, барышня, да мнѣ эфту лошадку не осилить: полтора ста цѣлковыхъ, говорю, за нее онъ проситъ»... Што-же думаешь, браисъ ты мой?

Извоишь совершенно обернулъ къ Петру Максимовичу и, какъ то восторженно глядя на него, со слезами на глазахъ воскликнулъ:

— «На, говоритъ, тебѣ полтора ста рублей, купи себѣ лошадку»!.. Не вѣрю я, сударь! Смѣется, думаю, барышня надо мной! А она деньги въ рученькахъ держитъ и подаетъ мнѣ, голубушка!... Взялъ я, повалился ей въ ножки, да и заревѣлъ, какъ ребенокъ!... Тетенька тутъ ея была, та индо прослезилась, надо

мною! А она деньги въ рученькахъ держитъ и подаетъ мнѣ, голубушка!...

— Взялъ я, повалился ей въ ножки, да и заревѣлъ, какъ ребенокъ!... Тетенька тутъ ея была, та индо прослезилась, а допрежь того сурово таково смотрѣла на меня... «Я, говорю, матушка, спасительница моя, уплачу тебѣ, повремени эфти деньги; ты, молю, съ меня записку возьми.» — «Не нужно, говорить, записки, а если поправишься, говорить, такъ принеси мнѣ, сколько можешь,—я, говорить, тѣми деньгами кому и другому помогу»... Экой ангелъ, экая добродѣтель, Господи!...

Петръ Максимовичъ какъ-то особенно радостно улыбался и сквозь обычную суровость его проглядывала теплота и нѣжность.

— Не уплатишь, чай, ничего ей? съ улыбкой спросилъ онъ извозчика.

— Какъ можно не уплатить!... Какъ только сколотилъ малость, такъ и отнесъ ей, голубушкѣ, четвертной билетъ, да потомъ опять десять цѣлковыхъ приносилъ—не взяла.

— Не взяла?

— Нѣтъ.— «Дарю, говорить, тебѣ эти деньги, молись за меня; ты, говорить, видно, честный человекъ, Богъ, говорить, съ тобой»!... И молюсь же я, грѣшный, за нее! То-ясь ни единого дня не пропускаю, што бы за ея здоровье свѣчи не поставить! И ребятишкамъ наказываю молиться за нее: «вы, молю, погибли-бы безъ нее, голубушки нашей»!... Такъ вѣрнѣе-ли, господинъ купецъ,—коли долго не повидаю ее—скука меня беретъ, словно по дочкѣ родной! Ну, и поѣду къ Миколѣ Пыжи за всенощную поглядѣть на ее; она тамоди завсегда бываетъ...

Петръ Максимовичъ ухмылялся себѣ въ бороду, слушая разсказъ извозчика и, доѣхавъ до Грибоѣдовскаго переулкa, приказалъ ему остановиться.

— Мнѣ зайти тутъ еще нужно, стой здѣсь, сказалъ онъ и подалъ извознику рубль.

— Эхъ, ваше степенство! сдачи то у меня нѣтъ.

— Возьми себѣ весь; лишнюю свѣчу когда за купеческую дочь-то поставишь; она и мнѣ тоже доброе дѣло однажды сдѣлала...

— Ну?

— Да. Ну, прощай, пора мнѣ.

Петръ Максимовичъ торопливо пошелъ. Придя домой, онъ зашелъ въ контору, гдѣ засталъ у конторщика гостей, сидящихъ за водочкой и поющихъ пѣсни. Въ другое время вышла бы «исторія», досталось-бы и прикащику, и гостямъ, но на этотъ разъ Петръ Максимовичъ только покосился на водку и ничего не сказалъ, къ великому недоумѣнію конторщика. Изъ конторы Петръ Максимовичъ зашелъ прямо къ дочери. Катя вышивала въ пальцахъ и пѣла, когда вошелъ отецъ.

— Что распѣлась больно? сказалъ Петръ Максимовичъ, входя въ комнату.

Катя встала изъ за пальцевъ и, видя веселое лицо отца, улыбнулась.

— Такъ, тятенька, вышиваю, да пою себѣ...

— Приданое, што-ль, вышиваешь?

— Нѣтъ, не приданое. Мнѣ приданого не нужно: я замужъ не пойду....

— Што такъ? Ай тетка уговорила старой дѣвкой быть?

— Не тетка уговорила, а сама не пойду, шутливо, но съ отѣнкомъ грусти сказала дѣвушка.

— Анъ, пойдешь! Я тебѣ и женишка ужъ принасъ....

Катя подняла на отца свои лучезарные глаза; въ нихъ была написана пытливая тревога.

— Што смотришь? Вѣрно говорю.

У Кати дрогнула нижняя губка, а въ глазахъ блеснула слезинка.

— Нѣтъ... Не отдавайте меня, тятенька....

Катя вдругъ зарыдала и порывисто бросилась къ отцу на шею.

— Што такъ? Аль отца жаль?

— Жаль, тятенька!... Я не пойду отъ васъ....

— Ну, ладно, будетъ объ этомъ... Я къ тебѣ по дѣлу пришелъ: хочу у тебя должникомъ быть. Дай-ка мнѣ рублей сто денегъ, у тебя я чай есть, а мнѣ нужно сейчасъ, а нѣту денегъ-то при себѣ....

Катя вспыхнула и смѣшалась. Петръ Максимовичъ съ усмѣшкой смотрѣлъ на нее.

— Давай-ка скорѣй, я тебѣ отдамъ опять, въ заемъ беру....

— Я.... У меня... Я, тятенька, ключъ отъ шкатулки потеряла....

— А? Эка бѣда какая!... Какъ же ты безъ денегъ-то будешь теперь? Я вѣдь думаю, въ шкатулкѣ у тебя есть: помнишь, я тебѣ на Святую сотенный билетъ подарилъ?

— Есть... Я подберу какънибудь ключъ-то, а ломать жалко: шкатулка-то хорошенькая....

— Зачѣмъ ломать! Ужъ я обойдусь какънибудь, а штобъ тебѣ безъ денегъ не быть — на вотъ тебѣ на расходы на твои; я ужъ какънибудь обойдусь, говорю... На вотъ.

Петръ Максимовичъ подалъ дочери сто рублевую бумажку и улыбаясь вышелъ изъ комнаты.

Катя, по уходѣ отца, крѣпко задумалась. Она представила себѣ, что отецъ далъ ей денегъ, чтобы утѣшить ее, огорченную рѣчью о женихѣ.

— Женихъ! проговорила она. — Отдадутъ меня нынѣ зимой, чувствуетъ мое сердце, что отдадутъ.... Отдадутъ за немилаго, за чужаго. А!... *онъ*-то!.. Господи! Матерь Божія, Заступница, спаси меня!

И дѣвушка бросилась на колѣни передъ большой иконой Богородицы и горько, горько зарыдала...

Катя любила своего суроваго, но съ нею всегда, по своему, нѣжнаго и ласковаго отца, и вѣсть о женихѣ, мѣсяць или два тому назадъ, не испугала бы ее и не огорчила бы такъ сильно: она была увѣрена, что отецъ за дурнаго ее не отдастъ и ужъ

если выберетъ ей мужа, то мужа хорошаго, добраго, который будетъ любить ее; теперь же, послѣ одного роковаго дня, послѣ одного отраднаго, но даващаго ей потомъ много горя, свиданія -- она съ ужасомъ, съ глубокимъ отчаяніемъ думала о замужествѣ и страшно, страшно боялась его!...

Катя *любила*, любила нѣжно, страстно, всѣмъ существомъ любила, но была увѣрена, что любовь ея не принесетъ ей ничего кромѣ горя, страшнаго горя!...

IV.

Катя воспитывалась, какъ большинство дѣвушекъ изъ старинныхъ купеческихъ семействъ. Отецъ ея былъ богатъ, но я уже говорилъ, что онъ не лѣзъ въ аристократію, а жилъ по примѣру отцовъ и дѣдовъ: носилъ русское платье, не посѣщалъ ни театровъ, ни, тѣмъ болѣе, клубовъ, велъ знакомство только съ людьми ему нужными, да и тѣ бывали у него раза три въ годъ, въ какіе нибудь особо торжественные дни, а большею частію семейство его проводило время одиноко, развѣ пріѣдетъ кто-нибудь изъ родныхъ, да и тѣхъ было немного.

Катя росла одна. Оставшись послѣ матери почти уже взрослой дѣвушкой, она поступила подъ надзоръ тетки Марьи Максимовны, родной сестры отца. Марья Максимовна, не вышедшая замужъ по какой-то скандальной, надѣлавшей въ свое время много шума въ Замоскворѣчьи, исторіи, была дѣвица довольно пылкаго темперамента и, не смотря на свои, для дѣвицы уже очень почтенныя лѣта любила *пожить*, не прочь была и въ любовь поиграть,

но тщательно скрывала свои симпатіи къ веселой жизни, отчасти изъ боязни братьевъ, отчасти изъ опасенія попасть на зубокъ до-сужимъ кумушкамъ: извѣстно, какъ боялся купеческія женщины суда своего общества. Скрываясь ото всѣхъ и втихомолку любя одного, очень еще молодаго и красиваго прикащика и покучиваясь двумя—тремя подругами, молодыми вдовами, Марья Максимовна особенно таилась отъ племянницы. Причина тому была отнюдь не боязнь доноса: она знала, что благородное сердце Кати неспособно къ этому; нѣтъ, она чувствовала какую-то нравственную потребность не показывать свою закулисную жизнь чистой, какъ голубка, дѣвушка и считала своею священной обязанностію уберечь племянницу отъ всѣхъ тѣхъ искушеній и соблазновъ, которые выпали на долю ей, достаточно впрочемъ и потерпѣвшей за нихъ!..

Подруги Кати были тоже дѣвушки крайне скромныя, крайне робкія и совершенно ужъ неопытныя въ дѣлахъ любви, такъ что это чувство, иногда слишкомъ рано приходящее къ дѣвушкамъ иного общества, моею скромной героинѣ было совершенно чуждо.

Свадьбы подругъ и родственницъ, устраиваемыя родителями, почти безъ вѣдома своихъ невѣстъ, тоже, конечно, не могли дать толчка для любви, и любовь была Катѣ знакома лишь по наслышкѣ, или по какому-нибудь трогательному роману, изрѣдка, какъ запрещенный плодъ, попадавшему въ ея руки.

Эта *романная* любовь казалась дѣвушкѣ выдуманной, или *старинной*, отошедшей въ вѣчность, вмѣстѣ съ тѣмъ, какимъ-то другимъ, не похожимъ на нашъ, вѣкомъ, про который говорилось въ романахъ, въ родѣ «Юрія Милославскаго», или т. п.

Такое воспитаніе въ невѣдѣній жизни, тепличное и полумонашеское, припело, впрочемъ, Катѣ и свою пользу: оно спасло ее отъ того пошлаго «манерничанья», подражанія барышнямъ, ломанья и отвратительнаго кокетства, которыя присущи многимъ купеческимъ дочкамъ, нигдѣ не учившимся, но, благодаря состоянію батюшекъ, посѣщающимъ балы и вечера.

Не глупая отъ природы, всегда почти одинокая, погруженная въ тихія думы, Катя была натура цѣльная, нетронутая жизнью и если не вкусившая отъ древа познанія добра и зла, зажигающаго кровь и окрыляющаго мысль, то и не познавшая зла.

Мірѣ Божій открывался передъ нею не широко, но дуна ея была такъ впечатлительна, что изъ малаго она брала много!...

Тихи были думы дѣвушки и никогда не появлялся въ этихъ думахъ образъ мужчины; не было ему мѣста въ тѣхъ цѣломудренныхъ думахъ!

Бѣдность людская, хорошо знакомая только по наслышкѣ, но тронувшая сердце, наполняла думы дѣвушки и давала пищу и для размышленій, и для труда: то приходилось отыскать средство помочь какой-нибудь сиротѣ, то готовить на свои карманные деньги приданое какой-нибудь бѣдной дѣвушкѣ околотка.

Сознаніе, что ей суждено идти въ жизни по волѣ отца, заставляло много работать мысль въ другомъ направленіи: приходилось думать о бракѣ. Но и бракъ являлся въ мысляхъ только переходомъ изъ одного дома въ другой, изъ-подъ покровительства отца — подъ покровительство мужа, и вотъ тутъ только смутно являлось желаніе имѣть этого будущаго покровителя подобрьѣ и... покрасивѣ. Чувство красоты всегда живетъ въ человѣкѣ, кто бы тотъ человѣкъ ни былъ, при какихъ бы обстоятельствахъ ни слагалась его жизнь!

Но это чувство у Кати не было любовью! любовь пришла позднѣе; ее *не разбудила* жизнь, а *родила*, до извѣстнаго момента совершенно не существующую. Струны были, но онѣ дали звукъ, когда до нихъ коснулась рука...

Такія натуры любятъ безъ порывовъ, безъ страстныхъ вспышекъ, но прочно и отдаваясь любви всецѣло. Огонь любви у такихъ натуръ, особенно женскихъ, разъ зажженный, не пылаетъ съ трескомъ и шумомъ, а горитъ спокойно, но сильно и безъ пищи извнѣ — сожигаетъ сосудъ, въ которомъ хранится.

А полюбила Катя просто.

Собрались онѣ одинъ разъ съ теткой за всенощную. Дѣло было въ концѣ прошлаго лѣта, и вечеръ въ тотъ день былъ роскошный.

— Знаете что, тетя, предложила Катя,—попросимъ у тятеньки лошадь, да поѣдемъ въ Симоновъ монастырь?

Тетка согласилась, и онѣ поѣхали.

Не доѣзжая до монастыря, пришлось имъ наткнуться на такую сцену: три мужика, огородника съ сосѣдняго огорода, держали у самой дороги какую-то женщину за руки и, страшно ругаясь, приготавливались учинить надъ нею самосудъ за то, что она нарвала на ихъ огородѣ огурцевъ, для своего сынишки, мальчика лѣтъ шести, который тутъ же стоялъ и отчаянно плакать.

— Мы те дадимъ огурцы красть, проклятая!.. Мы те отучимъ отъ эфтого! кричали пьяные мужики.

— Ванюха, давай сюда прутьевъ—отноримъ ее, анаѣму, на обѣ корки, забудеть въ тѣ поры огурцы красть!...

Женщина плакала, умоляла, отдавала свой платокъ, но пьяные, освирипѣлые мужики ничего не слушали, и одинъ уже готовился повалить ее на землю.

— Оставьте ее, голубчики, мы заплатимъ за огурцы, сказала Марья Максимовна, а Катя, возмущенная до глубины души, взволнованная, испуганная—готова была, кажется, броситься и отнять женщину.

— Проѣзжай, проѣзжай своей дорогой! крикнулъ одинъ изъ огородниковъ.—Не огурцовъ жаль, а отучить нужно!...

— Вали ее, чорта! Чаво тутъ зубы-то точить?... А вы убейтесь, покуда цѣлы! Мы вѣдь и вамъ баяю зададимъ, коли не увесете ноги-то!... Жирны бока-то! заоралъ другой.

Кучеръ струсиль и сказалъ: «надо ѣхать: эфто разбойники сущіе, подгородные эфти—убьютъ! Но въ это время къ мужикамъ во весь опоръ подскакалъ какой-то всадникъ, ѣхавшій сзади Сальниковыхъ и обогнанный ими недавно. Всадникъ былъ молодой че-

ловѣкъ, высокаго роста, могуче сложенный брюнетъ; одѣтъ онъ былъ по русски.

— Что вы тутъ, молодцы, дѣлаете! звучнымъ голосомъ крикнулъ онъ и ловко осадилъ, передъ самыми мужиками, своего гнѣдаго, горячаго коня.

— А тебѣ што за дѣло? Ишь, какимъ чортомъ налетѣлъ!... Проваливай по добру, по здорову!...

— Батюшка, не велите имъ женщину то бить, избьютъ они ее! крикнула Марья Максимовна. Огурцовъ она у нихъ нарвала, вотъ они и хотятъ ее бить!...

— Заступитесь за нее!... Бога ради, заступитесь! вѣ себя крикнула Катя.

Незнакомецъ повелъ на нее глазами.

— Оставьте бабу!.. Вы! крикнулъ онъ, повернувъ коня къ мужикамъ. Вотъ вамъ полтина за огурцы ваши.... Оставьте!...

— А ты што за командиръ такой, заорали мужики. Тебѣ чего хотца? Ай не бить давно, чортовъ пасынокъ?... Пошелъ къ дьяволу, покула цѣль!...

— Оставьте ее, говорятъ вамъ! снова крикнулъ всадникъ и соскочилъ съ лошади.— Ну!...

— Ай, убьютъ молодца-то! крикнулъ кучеръ Сальниковыхъ, но не успѣлъ онъ договорить, какъ незнакомецъ схватилъ огороdnика, державшаго женщину, и швырнулъ его, какъ щенка. Двумъ другимъ, бросившимся было на него, незнакомецъ моментально влѣпилъ по затрещинѣ и, загоредивъ собою женщину, всталъ въ оборонительное положеніе.

— Не подходи! крикнулъ онъ, опять было бросившимся на него мужикамъ и, наклонившись, быстро вынулъ изъ-за сапога револьверъ.

— Знаемъ васъ, голубчики, безъ опаски не ѣздить!.. Бывали въ передѣлахъ-то!.. Мужики испуганно отбѣжали и ограничились только страшной бранью и угрозами.

— Погоди — мы те запомнимъ это, чортовъ сынъ!... Знаемъ тебя!...

— Какъ Гришку Волкова не знать!.. Приѣдешь къ намъ въ деревню коровъ покупать — мы тебѣ дадимъ звону! — Незнакомецъ, не обращая вниманія на ругань, подошелъ къ пролеткѣ и поклонился.

— Напугали васъ? улыбнулся онъ. — Народъ грубый, балованный эти подгородные, мы то ихъ хорошо знаемъ!...

Катя посмотрѣла теперь на незнакомца и опустила глаза, встрѣтивъ его пристальный, любознательный взглядъ.

— Благодарю васъ, батюшка, заговорила Марья Максимовна, — избавили вы бабу-то отъ бѣды, досталось бы ей!...

— Да-съ, они бы ужъ натѣшились... Ты, тетка, въ которую сторону идешь-то? обратился онъ къ плачущей еще женщинѣ.

— Къ монастырю, кормилецъ, я изъ-за монастыря, изъ деревни Горово... Спасибо те, батюшка!..

— Ну, ладно, ладно!.. Я тебя до монастыря-то провожу, шагомъ поѣду, а то эти разбойники и догонять, пожалуй!... Мое почтеніе! поклонился онъ Сальниковымъ и направился къ оставленной во время схватки лошади; та очень покойно пощипывала траву.

— Не убѣжала лошадь то ваша, смирная какая, замѣтила Марья Максимовна.

— Да; у насъ привычная лошади, всегда безъ привязи оставляемъ....

— До свиданья, господинъ! кивнула Марья Максимовна и приказала кучеру ѣхать.

Пролетка быстро покатила.

Катя оглянулась назадъ и увидала, что незнакомецъ, держа въ поводу своего коня, пристально смотрѣлъ имъ вслѣдъ.

— Экій бравый дѣтина! сказалъ кучеръ, обернувшись къ едокамъ. — Какъ онъ ихъ ловко раскидалъ всѣхъ!

— Да. Кто онъ такой, какъ полагаешь? спросила Марья Максимовна.

— Мясникъ, надо полагать; скотъ по деревнямъ скупаютъ, такъ и огородники-то проговорили: «пріѣдешь де къ намъ коровъ покупать»...

— Красавецъ какой собой-то!.. Вотъ бы тебѣ жениха такого красавца, Катя....

— Ну, вы ужь, тетя!.. Поѣзжай, Иванъ, опоздаемъ мы....

За всеюнощной мысли Катя невольно направлялись на сцену у огорода, и образъ незнакомца рисовался передъ нею во всѣхъ подробностяхъ. Она видѣла передъ собою статную фигуру отважнаго всадника, точно чувствовала на себѣ взглядъ его черныхъ, пристально устремленныхъ на нее глазъ.

— Какой онъ смѣлый, сильный! думала она. — И какой онъ добрый!... Вступился за женщину, денегъ за нее хотѣлъ дать... А тетя-то, тетя то! Жениха бы, говорить, тебѣ такого!... Ахъ, тетя!.. А онъ красивый...

Катя начинала усердно молиться, чтобы отогнать мысли о женихѣ, объ этомъ красавцѣ, обо всемъ постороннемъ, не нужномъ здѣсь, въ церкви, гдѣ надо только молиться и молиться, но мысли не слушались дѣвушки, и образъ незнакомца невольно являлся ей. Подъ конецъ всеюнощной Катя оглянулась зачѣмъ-то назадъ; оглянулась — и вспыхнула, какъ зарево: незнакомецъ стоялъ шагахъ въ пяти назадъ и пристально смотрѣлъ на нее...

— Здѣсь онъ! подумала Катя, и сердце ее забило какую-то незнакомую ей тревогу, а лицо горѣло огнемъ.

Когда всеюнощная кончилась, Катя тревожно какъ-то обернулась, чтобы идти и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, подняла глаза на то мѣсто, гдѣ стоялъ незнакомецъ; его уже не было.

— Увижу еще на дворѣ, подумала Катя и дѣйствительно: въ

оградѣ незнакомецъ поправлялъ сѣдло у своего коня и разговаривалъ съ кучеромъ Сальниковыхъ.

Замѣтивъ Катю съ теткой, незнакомецъ отошелъ отъ ихъ экипажа, сѣлъ на свою лошадь и шагомъ поѣхалъ въ ворота; поравнявшись съ Сальниковыми, онъ поклонился имъ, слегка приподнявъ фуражку и, тронувъ коня, галопомъ выѣхалъ на дорогу.

— Такъ и есть — мясникъ онъ, сообщилъ по дорогѣ кучеръ. — Изъ Коломны онъ. Волковымъ прозывается, а по имени Григорій Стенанычъ. Экій бравый молодецъ! Да и важеватый такой: долго со мной разговаривалъ, а за то что я коня его подержалъ, полтину на чай далъ... «Чьи такіе хозяева твои? говорить, а про Катерину Петровну сказалъ: этакой, гытъ, красавицы я и не видалъ!» Ей-Богу-съ!...

Марья Максимовна засмѣялась и посмотрѣла на плывшую румянцемъ племянницу.

— И онъ-то, нечего сказать, красавецъ! замѣтила Марья Максимовна.

— Да-съ, видный мужчина! Вотъ-бы парочка съ Катериной-то Петровной была!... Да, нѣтъ, куда ему! Онъ, чай, не изъ богатыхъ, а нашей Катеринѣ Петровнѣ миллионера мужа-то надо-съ!..

Во всю дорогу до дому Катя молчала. Ей пришла въ голову мысль, что вотъ ее, можетъ быть, и замужъ отгадуть, что начнется другая жизнь, съ какимъ нибудь неизвѣстнымъ ей нынѣ и чужимъ человѣкомъ. Какой-то онъ будетъ, этотъ человѣкъ?... А образъ незнакомца съ черными глазами такъ и носился передъ нею!...

— Какой онъ мнѣ женихъ! вздохнувъ, подумала Катя. — И не увижу его больше никогда, а не то что!...

Но судьба рѣшила не только увидать, но и познакомиться, а познакомившись — полюбить....

V.

Григорій Степановичъ Волковъ былъ родомъ изъ Коломны и имѣлъ тамъ свой домъ, но жить дома ему приходилось не часто: торгуя скотомъ, онъ былъ въ постоянныхъ разъѣздахъ, то скупая коровъ, то пригоняя ихъ въ Москву, то отираваясь на югъ, гдѣ у него были гурты. Съ юныхъ лѣтъ велъ онъ такую кочующую жизнь, и она наложила на него извѣстный отпечатокъ: въ немъ не было того гостиннодворскаго «*чего извольте-съ*», которыми такъ отличаются исковерканныя «дѣти прилавковъ.»

Свободная, чуждая всякаго лomanья, манера, ловкость и сметка, своеобразная рѣчь, бойкая и сильная, какая-то удалъ и молодечество, но безъ малѣйшаго признака нахальства — все это давало ему положительное преимущество предъ его собратами кунцами, а степи Украйны, въ которыхъ онъ провелъ дѣтство и первые годы молодости, наложили на его складъ ума ту поэтическую особенность, которой отличаются люди, близко соприкоснушіеся съ природой, особенно съ роскошной природой юга.

Особенность эта заключается въ томъ, что люди, ею обладающіе, не поддаются ломкѣ жизни, не срастаются съ грязью, ихъ окружающей, а при возможныхъ условіяхъ остаются привлекательно-чистыми, съ добрымъ сердцемъ, съ постоянной готовностью на добро, «душевные люди», какъ зоветъ ихъ народъ.

Вотъ такимъ-то «душевнымъ» человекомъ и былъ Григорій Степановичъ.

Честный, прямой, немного наивный, добрый до нѣжности, онъ шелъ по жизненному пути и съ этими качествами, не особенно пригодными для торговли, велъ свои дѣла все же отлично. Честность не позволяла ему иногда положить руку на выгодный кусокъ, но за то она же давала ему довѣріе, кредитъ, влекла къ нему и продавца, и покупателя.

Прямота коробила инсгда какого-нибудь, черезъ-чуръ любящаго наживу, прасола, но эта же прямота каждого убѣждала, что парень-де этотъ кривить душой не станетъ и ужь, какъ слово скажетъ—такъ оно и есть. Хитрые, но добродушные хохлы, съ которыми часто приходилось имѣть дѣло Волкову, говорили про него: «вінъ скаже слово, то слово якъ молоко біло, а що у него въ думкѣ, то и въ устахъ, тако и выходитъ, що у него и думкѣ гарны!»

Доброта Григорья Васильевича не была, впрочемъ, та мякишеннодобная доброта, которая позволяетъ дѣлать съ обладающимъ ею человѣкомъ что угодно; нѣтъ, онъ былъ добръ съ добрыми, а лишь только замѣчалъ въ человѣкѣ каверзность, то сразу отворачивался отъ него, и ужь такой человѣкъ никогда не могъ имѣть мѣста въ его сердцѣ. Эта же доброта не мѣшала ему быть твердымъ и энергичнымъ, а вращаясь съ различными людьми, часто съ очень гаденькими, онъ научился надѣвать на себя для случая, маску суровости, почти жестокости.

Природа, выпустивъ его въ свѣтъ съ нѣжнѣйшею душою, не обдѣлила его и практическимъ умомъ, который давалъ ему возможность сразу оріентироваться въ извѣстномъ положеніи, въ извѣстной обстановкѣ и знать, какъ нужно вести себя.

Григорья Степановича любили всѣ, съ которыми ему приходилось болѣе или менѣе соприкасаться, а люди, близко знающіе его — положительно ужь привязывались къ нему.

Особенно крѣпко былъ привязанъ къ нему его прикащикъ, молодой парень, во многомъ сходный съ своимъ хозяиномъ, Сеня.

Безродный сирота, онъ поступилъ къ отцу Григорья Степановича, нынѣ умершему, мальчишкомъ и росъ вмѣстѣ съ Гришей; вмѣстѣ потомъ ѣздили съ нимъ по торговымъ дѣламъ на югъ, и по смерти отца Григорья Степановича, сильно запутавшаго, благодаря запоямъ, дѣло, — сдѣлаясь главнымъ прикащикомъ и довѣреннымъ своего молодого хозяина. Неусыпными трудами, энергіей и замѣчательною честностью онъ помогъ Григорью Степановичу попра-

виться такъ, что къ началу нашего разсказа дѣла его были не дурны, между тѣмъ, какъ лѣтъ пять тому назадъ они чуть-чуть не лопнули окончательно.

Григорій Степановичъ очень любилъ Сеню и жилъ съ нимъ душа въ душу; отношенія ихъ были скорѣе похожи на братскія, чѣмъ на отношенія хозяина къ прикащику.

Въ то время, когда Волковъ повстрѣчался съ Сальниковыми близъ Симонова монастыря, онъ жилъ съ Сеней въ Москвѣ, пріѣхавъ туда по торговымъ дѣламъ. Неожиданно получивъ очень выгоднаго ко-
купателя поставщика, которому требовалось значительное количество быковъ, Волковъ послалъ одного изъ своихъ прикащиковъ на югъ за покупкой скота, а самъ съ Сеней началъ усиленно скупать таковой по окрестнымъ деревнямъ, сгоняя его къ Коломнѣ, гдѣ у него подъ самымъ городомъ были сняты луга и выгоны. Дѣла было много, но это дѣло веселило, потому что барышъ очевидно предстоялъ хорошій, тѣмъ болѣе, что покушникъ очень богатый и солидный торговецъ, выдалъ задатки, да и самый расчетъ обѣщалъ сдѣлать сейчасъ же по доставкѣ нужнаго количества скота. Квартировалъ въ это время Волковъ вмѣстѣ съ Сеней въ Замоскворѣчьи на подворьѣ.

Пріѣхавъ послѣ встрѣчи съ Сальниковыми поздно ночью, Григорій Степановичъ засталъ Сеню, тоже только-что вернувшагося, за самоваромъ.

— Ну, Григорій Степановичъ, встрѣтилъ Сеня хозяина, — какъ я важно луга снялъ у Еремовскихъ мужиковъ! Думалъ, что дешевле семи сотъ ни за что не отдадутъ, а они, неожиданно, не-гаданно, — за пять радужныхъ отдали!...

— Спасибо, равнодушно отвѣтилъ Григорій Степановичъ и сѣлъ къ столу. — Налей-ка мнѣ, Сеня, стакачикъ чайку....

Сеня посмотрѣлъ на хозяина.

— Устали, Григорій Степановичъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ; я ѣздилъ недалеко: въ Карачиху.

— Купили что?

— Пять коровъ купилъ въ Карачихѣ, да у Соболева телятъ полсотни; завтра вечеромъ доставить.

— Аль не выгодно купили?

— Нѣтъ, купилъ хорошо. А что?

— Да хмуры вы что-то: думалъ, неудачно съѣздили. Нездоровы, можетъ?

— Слава Богу—здоровъ.... Такъ что-то....

— Ужъ не полюбили-ли какую красавицу московскую, Григорій Степанычъ? улыбнулся Сеня.

Григорій Степанычъ тоже улыбнулся.

— А вѣдь, пожалуй, и такъ, Сеня....

— Ну?!

— Полюбить-то пока еще не полюбилъ, а приглянуться—приглянулась одна!... Да вѣдь какая, Сеня! Такой красотики мнѣ видать еще не приводилось, а мы ли ужъ съ тобой не насмотрѣлись на всякихъ, какъ по Украинѣ-то колесили?... Взглянешь на такую красоту—но вѣкъ она и западетъ тебѣ въ душу!

Сеня свистнулъ.

— Вотъ оно што дѣло-то!... То-то я смотрю — хозяинъ мой голову повѣсилъ, хмурый, прехмурый сидить, анъ, ему красавица приглянулась!... Дѣло, хозяинъ, дѣло.... Этакъ мы, глядишь, по осени-то и на свадьбѣ загуляемъ!

— Нѣтъ, братъ, до свадьбы тутъ далеко: не для насъ та невѣста!

— Что такъ? Аль принцесса какая?

— Не принцесса....

— А коли не принцесса, такъ и толковать нечего—добудемъ! Коли такому молодцу хорошую невѣсту не дать, такъ куда же ихъ и дѣвать? Въ соль солить развѣ!... Кто она такая, красавица-то ваша?

Григорій Степановичъ подробно разсказалъ свое приключеніе близь Симонова монастыря.

— Оказія! воскликнулъ Сеня, выслушавъ разсказъ. Нужно-же было такъ случиться!... Это судьба, Григорій Степанычъ, ей Богу, судьба! Посмотрите, вотъ, что будетъ вашей эта самая красавица!... Сальниковы? Слыхалъ я такую фамилію, — люди богатые, точно, ну, да вѣдь и мы, слава Богу, не нищіе!... Да знаете, что, Григорій Степанычъ — коли дѣвушка пригласится молодецъ — такъ до свадьбы рукой подать! А неужто ей, этой Катѣ-то *вашей*, не пригласились вы? Навѣрно пригласились...

— Ну, ты скажешь!... Не видала она тоже.

— Да вѣрно, что не видала такихъ! Ужъ такого молодца, какъ вы, — понскать!... Вотъ пойдемъ-ка завтра за обѣдню въ ихъ приходъ.... Никола Пыжи, сказывалъ вашъ кучеръ?

— Да.

— Ну, вотъ и пойдемъ — навѣрно увидимъ ее, посмотрите, какъ вспыхнетъ, да глазками поведетъ, когда васъ увидитъ, а ужъ коли дѣвица вспыхнетъ — вѣрно пригласился!...

Григорій Степановичъ ничего не отвѣтилъ.

Задумчиво сидѣлъ онъ; воображеніе его рисовало заманчивыя картины въ будущемъ, а прошлое.... Прошлое представлялось такимъ сѣрымъ, будничнымъ, скучнымъ, одинокимъ!...

VI.

Я не стану утомлять вниманіе читателей длинной исторіей о томъ, какъ полюбила Катя Волкова.

Случилось это такъ естественно, такъ просто....

На другой день послѣ встрѣчи близь Симонова монастыря, Григорій Степановичъ, вмѣстѣ съ Сеней, отправился за обѣдню въ

приходскую церковь Сальниковыхъ — Никола Пыжи, и дѣйствительно, какъ говорилъ Сеня, увидалъ Катю. По выходѣ изъ церкви, онъ поклонился ей и Марьѣ Максимовнѣ, какъ знакомымъ.

— А, вотъ гдѣ еще привелось встрѣтиться! воскликнула Марья Максимовна, съ улыбкой отвѣчая на поклонъ. — Недалеко, стало быть, живете тутъ?

— Нѣтъ.... Да, недалеко-съ.... Тутъ вотъ, въ переулкѣ, на подворьѣ....

— Сосѣди, выходить!

— Да-съ.... Во снѣ не снились-ли мужики вчерашніе, барышня?... Напугали они васъ! обратился Григорій Степановичъ къ Катѣ.

— Снилось и то! улыбнулась Катя. Даже вскрикнула ночью, тетю испугала....

— Она у насъ трусиха страшная, сказала тетка.

Немного помолчали.

— Ну, до свиданія, сосѣдъ, проговорила Марья Максимовна, протягивая руку Волкову. — Будемте знакомы, очень пріятно....

— Съ великимъ удовольствіемъ-съ.... До свиданья.... Катерина Петровна! Катя, вспыхнувъ, подала руку Григорію Степановичу и тихо, тихо проговорила: «до свиданья».

Сеня, стоявшій не подалеку, громко крикнулъ.

— Что, Григорій Степановичъ, не правду я говорилъ? обратился онъ къ хозяину, когда Сальниковы ушли.

— Что такое?

— А то—приглянулись-то вы барышнѣ этой.

— Ну!... Откуда ты взялъ это?

— А вспыхнула какъ она?... Э, Григорій Степановичъ, не говорите ужъ, знаемъ! Ну, и красавица же барышня!... То есть такой красавицы, что ахъ ты мнѣ!... Глазки-то, ротикъ-то!... Ахъ ты, Господи!... Родятся же этакія!... Коли вы, Григорій

Степанычъ, да такую краличку изъ рукъ выпустите, не будетъ вамъ отъ меня покою—застыжу!

— Да что ты угорѣлъ, что-ли, Семень?

— Словно-бы нѣтъ-съ! А что?

— Да развѣ она пара мнѣ? Я-жь тебѣ говорилъ, что у ней отецъ чуть-чуть не миллионеръ....

— Это-то и хорошо: приданое у ней, у Катеньки-то вашей, большое, значить!

— *Вашей!*... Эхъ, Сеня, Сеня!...

Григорій Степановичъ задумался.

Въ слѣдующую субботу онъ опять былъ у Николы Пыжи за всенощной и опять встрѣтилъ Катю съ теткой.

На этотъ разъ Марья Максимовна предложила Волкову проводить ихъ до дому. Опасаться было нечего: Петра Максимовича не было дома, а кто нибудь изъ сосѣдей увидать и осудить не могъ, такъ какъ, благодаря концу уже лѣта, вечеръ былъ совершенно темный. Григорій Степановичъ съ восторгомъ принялъ предложеніе и, такъ какъ до дому Сальниковыхъ было очень недалеко, самъ уже предложилъ немного пройтись. «Отличный вечеръ такой-съ, совершенно охоты нѣтъ дома сидѣть!» сказалъ онъ.

Марья Максимовна, очень любя Катю, жалѣла иногда ее: «вотъ-де живетъ дѣвушка одна одиनेшенька, не съ кѣмъ слова сказать, а поди, хочется иногда и съ мужчиной поболтать—дѣло дѣвичье!» Разсуждая такъ, она съ удовольствіемъ готова была поддерживать это уличное знакомство съ красавцемъ Волковымъ. Чего нибудь ерзознаго отъ этого знакомства она не ждала.

— Катѣ онъ не женихъ, объ этомъ и толковать нечего, а поболтать, погулять—пусть погуляютъ, весело имъ, чай, это, потому я и не въ Катины годы, а люблю.... А вотъ придетъ зима, Катю замужъ отдадутъ навѣрно, тогда прощай, добрый молодецъ.... А пока пусть понѣжничаютъ!...

И такимъ образомъ Волковъ раза два-три въ недѣлю видался

съ Катей, провожалъ ее до дому; въ хорошую погоду гулялъ иногда, и молодая кровь сдѣлала свое дѣло: крѣпко полюбилась Григорію Степановичу красавица Катя!...

Что касается до нее, то она почувствовала влеченіе къ Волкову съ первой же встрѣчи, а дальнѣйшее сближеніе съ нимъ не могло не влечь къ нему женщины и выдавшей болѣе Кати; ея же нѣжное сердце, не испытавшее еще никогда чего нибудь хотя-бы похожаго на любовь—отдалось красавцу Григорію Степановичу беззавѣтно, безусловно и всецѣло!...

Катя даже и не подыскивала названія своему чувству къ Волкову. Ей было пріятно вспоминать объ немъ, еще пріятнѣе видѣть его, говорить съ нимъ,—но любовь это или нѣчто другое—Катя не пыталась опредѣлить, и вотъ только послѣ словъ отца, въ тотъ день, когда тотъ, послѣ бесѣды съ извозчикомъ, объявилъ ей о женихѣ, она ужаснулась при мысли объ окончательной разлукѣ съ Волковымъ и поняла, что любить его, любить страстно, сильно и принадлежать ему всею сердцемъ и душой!... Тутъ только поняла она, что одинъ Волковъ можетъ дать ей счастье, и если у ней отнимутъ его—для нее все потеряно!

И страстная нѣжность къ «Гришѣ», какъ она мысленно назвала его въ эту минуту, наполнила ея сердце....

— Дорогой мой, радость мое, счастье мое — отнимутъ тебя у меня! Другому отдадутъ!...

Впрочемъ она утѣшала себя мыслию, что это, быть можетъ, шутка, или если и не шутка, то дѣло отдаленнаго еще будущаго.

Но скоро пришлось убѣдиться, что женихъ дѣйствительность, и свадьба предстоитъ скорая: Петръ Максимовичъ объявилъ Катѣ, что на дняхъ будутъ «смотрины», а затѣмъ и помолвка.

— Къ Рождеству, Катюша, ты будешь ужъ замужемъ! закончилъ свои слова Петръ Максимовичъ и съ грустной нѣжностью поцѣловалъ дочку.

Всю ночь не смыкала глазъ дѣвушка послѣ этого, и подушка ей впервые оросилась слезами любви...

Черезъ два дня послѣ роковыхъ словъ отца, Катя пошла съ теткой за всенощную и, по обыкновенію, увидала тамъ Григорія Степановича.

Простоявъ съ полчаса, Катя подошла къ теткѣ и сказала ей: «тетя, у меня что-то голова кружится — я выйду на минутку на улицу».

— Иди, милая.... Не домой-ли идти? Пожалуй, и я пойду....

— Нѣтъ, тетя, достоинъ до конца.... Я такъ, на минутку.... Душно очень....

— Ну, иди, прогуляйся около церкви-то....

Катя пошла и, проходя мимо Волкова, взглянула на него долгимъ, долгимъ взглядомъ.

— Дорогой мой!... Какой онъ красавецъ! подумала она, выходя изъ церкви, и оглянулась назадъ. Стройная, высокая фигура Григорія Степановича тихо двигалась среди богомольцевъ къ выходу.

— «За мной идетъ!» подумала Катя. Дѣйствительно въ оградѣ Волковъ подошелъ къ ней. Катя остановилась у церкви, и свѣтъ изъ окна падалъ прямо на ея лицо и освѣщалъ это милое личико, блѣдное, блѣдное въ эту минуту, съ печатью страшной скорби и муки.

— Не поздоровилосьъ, знать, вамъ. Катерина Петровна? Подышать воздухомъ вышли? обратился къ ней Волковъ.—Ай, ай, какія же вы блѣдныя!... Что-съ вами?!..

— Да... Голова немного закружилась.... Душно.... Ничего, это пройдетъ....

— Не позвать-ли тетеньку, Катерина Петровна? Быть можетъ, вы домой пойдете?...

— Нѣтъ, не надо.... Я ничего....

Катя собрала все силы, чтобъ совладать съ собой и не зарыдать. Слезы такъ и душили ее.

— Жарко въ церкви то, душно, а вы вонъ пѣжненькая какая! съ участіемъ проговорилъ Григорій Степановичъ и какъ-то безсознательно взялъ руку дѣвушки.

— Теперь вотъ долго ужъ не буду ходить никуда, Григорій Степановичъ: некогда будетъ, тихо проговорила Катя, не отнимая руки.

— Что-съ?!.. Некогда будетъ?.... То-есть отчего-же вамъ некогда будетъ? дрогнувшимъ голосомъ спросилъ Волковъ.

— Да, некогда.... Мы вотъ знакомы были съ вами, видались, гуляли, вы такой.... такой добрый, и я. ..

Катя остановилась на минуту

— Я сегодня пришла проститься съ вами. Григорій Степановичъ, проговорила она, собравъ всѣ силы, довольно покойно.

— Проститься.... Проститься со мной? Волковъ поблѣднѣлъ и крѣпко сжалъ руку дѣвушки. — Да вы....

— Меня замужъ выдаютъ скоро, Григорій Степановичъ....

— Выдаютъ?... Катерина Петровна!... Катя!... Этого не будетъ.... не будетъ!... Катя, Катя, голубушка!... Вѣдь я люблю тебя, Катя!... Вѣдь я умру безъ тебя!... Господи!...

Волковъ вѣтъ себя бросился къ Катѣ.

— Тихше, Григорій Степановичъ, увидетьъ, народъ тутъ.... Вы любите меня? Правда это?... И я.... и я люблю....

Катя зарыдала и упала головой на грудь Волкова....

— Дорогая моя!... Радость моя!... Я не отдамъ тебя никому! съ рыданіемъ говорилъ Григорій Степановичъ и покрывалъ лицо, губы, глаза Кати поцѣлуями.

На наперти слышались шаги, и Катя оттолкнула Волкова.

— Идетъ кто-то!... Увидимся въ ту субботу.... Прощайте!...

Волковъ быстро отошелъ за уголъ.

— Катя, гдѣ ты? слышался голосъ Марьи Максимовны.

— Здѣсь, тетя.... Дурно мнѣ, милая, пойдите домой....

— Пойдемъ, Катенька, пойдѣмъ.... Я говорила тебѣ, что надо

домой идти, угорѣла, видно, дома, печку нонѣ топили въ твоей горницѣ-то....

Марья Максимовна нѣжно поцѣловала племянницу и подѣ руку съ нею пошла домой.

Это прощальное свиданіе Волкова съ Катей было въ концѣ октября, на другой день послѣ того, какъ Петръ Максимовичъ объявилъ дочери о найденномъ для нее женихѣ.

Чтобы познакомить читателя съ этимъ нежеланнымъ женихомъ, мы должны вернуться немного назадъ.

VII.

Старшій братъ Петра Максимовича, Григорій Максимовичъ, жилъ, какъ я уже сказалъ, отдѣльно отъ брата, хотя и велъ съ нимъ общее дѣло ва одинъ капиталъ.

Отличаясь съ молодыхъ лѣтъ крутымъ, неуживчивымъ нравомъ, Григорій Максимовичъ не женился, благодаря, кажется, исключительно этому нраву. Онъ жилъ совершеннымъ бобылемъ со старухой матерью, въ собственномъ домѣ, на Пятницкой улицѣ.

Если домъ Петра Максимовича не отличался оживленіемъ, то домъ брата ужь совершенно походилъ на монастырь, и его ворота отворялись единственно для того, чтобы впустить воза со льномъ, торговлю которымъ и производили оба брата въ широкихъ размѣрахъ.

Весь погруженный въ торговлю, которую любилъ съ какою-то особенной страстью, Григорій Максимовичъ ничего не зналъ и не хотѣлъ знать кромѣ. Контора, льяные амбары и базары, да отчасти биржа—вотъ гдѣ бывалъ Григорій Максимовичъ, вотъ что любилъ онъ, къ чему былъ привязанъ, а до остальнаго міра ему, кажется, не было никакого дѣла. Развѣ только лошади, до кото-

корыхъ оба брата были охотники, нѣсколько отвлекали его отъ торговли.

Покупая ленъ въ Вологодской и Ярославской губерніяхъ, иняа агентовъ въ Твери, въ Костромѣ, скупая его на всѣхъ базарахъ и доставляя затѣмъ на многія льнопрядильныя фабрики, Григорій Максимовичъ, вникая на каждую малость своего дѣла, зпалъ это дѣло въ совершенствѣ и велъ его замѣчательно хорошо.

Его обороты считали въ милліонъ.

Не смотря на такой ходъ дѣла, онъ не заводилъ никакого «новшества»; не было у него ни бухгалтеровъ, ни свѣдующихъ конторщиковъ, а всѣ книги велись имъ самимъ, съ помощію двухъ полуграмотныхъ «молодцовъ». Не было также особыхъ амбарщиковъ, а принимался ленъ простыми рабочими, хорошими, конечно, практиками и знатоками своего дѣла, не смотря на то, что суровый хозяинъ не стѣснялся не только ругать ихъ, а подъ часъ и бить!

Будучи хозяиномъ дѣла, Григорій Максимовичъ и брату не давалъ заводить что нибудь новое, особенно послѣ неудачной аферы Петра Максимовича, аферы, которая подорвала бы совершенно торговлю, еслибъ не подоспѣлъ на помощь братъ, къ которому, благодаря этому обстоятельству, Петръ Максимовичъ и всталъ въ положеніе зависимое, сдѣлавшись уже не самостоятельнымъ хозяиномъ, а какъ бы прикащикомъ брата или пайщикомъ, и пайщикомъ не крупнымъ.

Григорій Максимовичъ былъ старше брата лѣтъ на двадцать, но ему никто бы не далъ болѣе сорока, сорока пяти лѣтъ—такъ хорошо онъ сохранился. Брюнетъ, высокаго роста, съ могучими плечами, съ глазами, всегда блестящими энергіей и непреклонной волей—Григорій Максимовичъ каждаго поражалъ своею мощью и ничѣмъ неодолимой, кажется, силой. Онъ даже человѣка, нисколько не зависящаго отъ него, какъ-то невольно заставлялъ преклоняться предъ собою и чувствовать уваженіе, смѣшанное со страхомъ къ

своей особѣ. Люди, зависящіе отъ него, положительно трепетали одного его взгляда. Петръ Максимовичъ, человѣкъ, обладающій тоже не дюжиннымъ характеромъ и далеко не изъ смиренныхъ, опускалъ глаза и какъ-то робѣлъ передъ братомъ, а въ минуты его вспышекъ, когда онъ рвалъ и металъ, что называется, и когда его зычной голосъ раскатывался перекатами грома по обширнымъ комнатамъ, Петръ Максимовичъ блѣднѣлъ и только нервно подергивалъ себя за бороду,

И такимъ-то человѣкомъ вдругъ вздумалъ помыкать какой-то несуразный прикащикъ, недавно принятый въ домъ, отчасти, какъ скушникъ льна, а отчасти какъ конюхъ по конскому заводу, ради того, что онъ зналъ это дѣло, состоя ранѣе наѣздникомъ у какого-то прогорѣлаго барина, или кунца. Дивилися люди на этого прикащика!

Поступилъ онъ къ Григорію Максимовичу весной и все разбѣжалъ съ нимъ по дѣламъ или находился при заводѣ, который былъ на дачѣ Григорія Максимовича, вѣрстахъ въ сорока отъ Москвы. Парень этотъ, звали его Сергѣемъ, былъ такой смирный сначала, податливый и не только съ хозяиномъ, а съ любымъ изъ прикащиковъ былъ тихъ и почтителенъ. Особыхъ познаній въ льняномъ дѣлѣ онъ не имѣлъ, да и наѣздникъ былъ не важный, однако при заводѣ состоять могъ, и Григорій Максимовичъ хотѣлъ было его совершенно водворить на своей дачѣ, въ родѣ надсмотрщика за заводомъ и за покосами, которые снимались у мужиковъ для того же завода. Къ концу лѣта Григорій Максимовичъ почему то измѣнилъ свое намѣреніе и оставилъ Сергѣя при себѣ.

Съ этого времени и пошелъ молодецъ въ гору.

Жалованье ему было увеличено, отношенія съ хозяиномъ стали какія-то странныя, и смирный Сергѣй обратился въ нахальнаго и дерзкаго Сергѣя Ивалыча. Въмѣсто простаго русскаго платья, онъ сталъ носить сюртукъ, манишку, завелъ золотые часы и приобрѣлъ

какія-то новыя манеры, беспощадно ломаясь надъ прочими прикащиками и съ самимъ хозяиномъ обращался черезъ-чуръ свободно, а подъ часъ и дерзко.

— Обошелъ, ребята, околдовалъ Сергѣй Григорья Максимовича! говорили прочіе прикащики и начали ломать передъ фаворитомъ шапки, величая его Сергѣемъ Ивановичемъ, «сударемъ» и вмѣстѣ съ тѣмъ занеживали въ немъ.

Этотъ Сергѣй Ивановичъ былъ женатъ. Жена его, простая деревенская женщина, но очень красивая и симпатичная, жила ранѣе въ деревнѣ; съ возвышеніемъ-же мужа переехала къ нему, и они поселились совершенно отдѣльно въ небольшомъ флигелѣ въ саду. Сергѣй началъ одѣвать и жену «по модному»; у ней появились и шелковыя платья, и бархатныя пальто; не доставало только шляпокъ для полного сходства съ барыней. Но наряжая жену, Сергѣй обращался съ нею варварски; онъ кричалъ на нее, какъ на послѣднюю судомойку, билъ иногда, не стѣсняясь свидѣтелей, а старикъ садовникъ часто слыхалъ по ночамъ во флигелѣ стоны, вопли и свистъ ременной плети.

— Ой-ой, какъ тиранить свою жену-красавицу Сергѣй Ивановичъ нашъ! говорилъ садовникъ.

— Гуляетъ, можетъ, она? догадывались прикащики и прислуга.

— Они-то? Да она окромя храма Божьяго и не ходитъ нигуда!... Баба душевная, добрая!.. Такую хозяйку иной бы мужъ на рукахъ носилъ!... Не знаю ужъ, чѣмъ не угодила эта жена нашему Сергѣю Ивановичу!

— Можетъ, охота ему овдовѣть, да на купчихѣ жениться, говорили прикащики.—По теперешнему его положенію, деревенская то жена ему и не подъ пару!...

— Похоже на то. Да и скоро, надо полагать, овдовѣть, потому таетъ хозяйка его, какъ свѣча; и такъ то бабочка она слабая, да и еще жистъ такая—не заживется!

И догадки старика садовника оправдались: жена Сергѣя Ива-

ныча въ сентябрѣ, вмѣстѣ съ первыми желтыми листьями, увяда и пришлось ему хоронить ее!...

Богатня, чисто купеческія похороны справилъ Сергѣй Ивановичъ женѣ и плакалъ на похоронахъ, какъ о потерѣ нѣжно любимой подруги. Люди только головами качали.

Послѣ смерти жены, Сергѣй Ивановичъ зажилъ еще «форсистѣ»; еще ближе сталъ онъ къ хозяину, и его ужъ стали называть не иначе, какъ «главнымъ прикащикомъ.»

Служащіе рѣдко видали Григорья Максимовича вмѣстѣ съ Сергѣемъ, но когда это случалось, то все дивились на ихъ отношенія.

Видя такое быстрое повышеніе новаго прикащика, служащіе вправѣ были, конечно, думать, что хозяинъ ласковъ съ нимъ, близокъ, а прикащикъ почтителенъ за эту ласку — ничуть не бывало! Григорій Максимовичъ какъ бы чуждался Сергѣя; мало говорилъ съ нимъ, точно дичился своего фаворита, а Сергѣй держалъ себя нагло, подымалъ носъ и «фыркалъ» передъ хозяиномъ.

Одинъ разъ принимали въ амбарѣ большую партію льна.

Сергѣй, покуривая сигару, сидѣлъ недалеко амбара на скамьѣ и не обращалъ никакого вниманія на рабочихъ. Другаго прикащика не было.

— Сергѣй Иванычъ, ленъ-то разныхъ сортовъ, не худо бы его и разложить по сортамъ; какъ бы не прогнивался Григорій-то Максимычъ, замѣтилъ одинъ изъ рабочихъ.

— Клади вмѣстѣ, все равно, вебрежно сказалъ Сергѣй.

— Какъ бы, молъ, Григорій-то Максимычъ....

— Пошелъ къ черту, вмѣстѣ съ Григорьемъ Максимычемъ! крикнулъ Сергѣй. Што ты мнѣ тычешь Григорьемъ-то Максимычемъ? Больно боюсь я его!... Клади, какъ я велю!

Подъ конецъ пріемки, Григорій Максимовичъ пріѣхалъ посмотреть.

— Что вы, лѣшіе, угорѣли, что-ли? закричалъ онъ, взглянувъ на лень. Какъ вы клали-то, идолы?

— Сергѣй Ивановичъ такъ приказали, Григорій Максимычъ... Мы докладывали имъ ...

— Пьянъ ты, что-ли, дурень, что не видишь, какой лень принимаешь? обратился Григорій Максимовичъ къ Сергѣю. — Двойной работы надѣлалъ, чертъ Веревкинъ!...

— Чиво-съ? нагло улынулся Сергѣй.

— Пьянъ, что-ли, ты, спрашиваю?

— Я вообще въ пьяномъ видѣ не бываю-съ, штобъ на свою душу грѣха въ такомъ видѣ не принять-съ: соблюдаемъ себя, а коли не по нраву вашей милости, такъ и мы не гонимся — другое мѣсто найдемъ-съ!...

Сергѣй выхнулъ своей сигарой и, повернувшись, пошелъ отъ амбара. Григорій Максимовичъ поблѣднѣвъ, затрясся, сжалъ кулаки и сверкающимъ взглядомъ проводилъ Сергѣя, но ничего не сказалъ.

— Диво, братцы, да и только! говорили потомъ прикащики. — Другаго бы кого за такую вздѣвку Григорій Максимычъ въ порошокъ стеръ, и Сергѣю все сходить!.. Околдовалъ онъ хозяина, ей Богу, околдовалъ!...

Но народу суждено было еще болѣе недоумѣвать и дивиться: Сергѣй Ивановичъ былъ скоро объявленъ женихомъ племянницы хозяина, единственной дочери его брата и наследницы всего состоянія отца и дяди.

Ее всѣ считали невѣстой одного богатаго фабриканта, большого пріятеля Григорія Максимовича; даже самъ отецъ поговаривалъ объ этомъ и отказывалъ многимъ, очень солиднымъ и во всѣхъ отношеніяхъ хорошимъ женихамъ, ожидая только конца годового траура, который носилъ молодой фабрикантъ по отцѣ. И вдругъ...

Пріѣхалъ одинъ разъ Петръ Максимовичъ домой; пріѣхалъ взволнованный, блѣдный и заперся въ конторѣ. До поздняго вечера онъ

сидѣлъ тамъ за книгами, считалъ, дѣлалъ выписки и потомъ съ бѣшенствомъ швырнулъ счеты и книги и началъ ходить изъ угла въ уголъ.

Марья Максимовна, приготовивъ ужинъ, нѣсколько разъ подходила въ конторѣ и прислушивалась у дверей. Слыша порывистые шаги брата и зная, что онъ въ такія минуты бываетъ крайне гнѣвенъ, она не смѣла звать его ужинать. Наконецъ Петръ Максимовичъ самъ позвалъ ее въ контору.

— Что прикажете, братецъ? робко спросила Марья Максимовна, войдя и останавливаясь въ дверяхъ.

— Сядь, сестра, поговорить нужно....

Марья Максимовна сѣла.

— Готовься къ свадьбѣ, сестра, — Катю замужъ выдавать будемъ... На той недѣлѣ помолвка будетъ...

Петръ Максимовичъ не переставалъ ходить.

— Хорошо, братецъ..... Особыхъ-то приготовленій не требуется; готово, почитай, все у Катеньки....

— Ну, все же нужно!... Мало ли тамъ что. Ты подумай обо всемъ и скажешь мнѣ, я денегъ дамъ и все такое....

— Хорошо-съ. А кто женихъ-то, братецъ?...

Петръ Максимовичъ сѣлъ у стола и вздохнулъ.

— Женихъ, сестра, не больно важный, съ несвойственной ему нѣжностью и мягкостью, заговорилъ Петръ Максимовичъ и помолчалъ.

— Воля брата выдать за этого жениха Катю, а противъ брата мнѣ идти не рука.... Не рука, говорю, противъ брата идти.... Правда, вѣдь?

— Правда, братецъ; конечно, воля братца, Григорья....

— Ну, вотъ.... Оно-бы я и подумалъ, да дѣла такъ идутъ, што нельзя, безъ брата я погибъ, все дѣло въ его рукахъ!.. Да ничего не подѣлаешь!...

Петръ Максимовичъ глубоко вздохнулъ.

— Знаешь ты молодца у брата Григорія, Сергѣемъ Ивановымъ зовутъ? За главнаго онъ у него.

— Знаю, братецъ.... Это что овдовѣлъ-то недавно?

— Да... Ну, вотъ онъ и женихъ....

Марья Максимовна широко раскрыла глаза.

— Што глаза-то таращишь? вдругъ крикнулъ Петръ Максимовичъ. — Не за черта, прости Господи, отдаю!... Онь человѣкъ хорошій... братъ его любить... Со всякими живутъ!... Гордость насъ одолѣла — богачей все подавай намъ!... Братъ не глупѣй насъ, знаетъ, что дѣлаетъ... Ну, иди... Катѣ пока нячего не говорить ..

— Ужинать, братецъ, пожалуйте...

— Поди къ дьяволу!.. Какой теперь ужинъ ночью!.. Пошла!..

VIII.

Мрачнѣй темной ночи шель Григорій Степановичъ Волковъ домой послѣ свиданій съ Катей за всенощной. Любя Катю, какъ я говорилъ, чуть-ли не съ первой-встрѣчи, онъ не давалъ себѣ отчета въ томъ, что можетъ выйти изъ этой любви. Имѣть ее женой онъ не мечталъ, знал, что она ему не пара; ему даже не хотѣлось останавливаться на этой мысли, и онъ гналъ ее отъ себя прочь, чтобы не отравлять пріятно, дорогаго чувства любви. Любилось такъ хорошо, такъ сладко, а тамъ... А тамъ что будетъ! И вотъ пришла нежданная, негаданная завязка...

Если-бъ Волковъ узналъ стороной, что обожаемая имъ дѣвушка выходитъ замужъ, онъ бы погоревалъ, быть можетъ, потосковалъ бы, но это чувство улеглось бы скоро, отчасти исцѣленное временемъ, а отчасти убаюканное холоднымъ разсудкомъ, логикой жизни. «Не пара она мнѣ! Мало-ли красавицъ на свѣтѣ, да не всѣ про

насъ!»! Но въ данномъ случаѣ было уже не то. Катя, оказалась, любила его, принадлежала ему сердцемъ; значитъ, готова была сама по себѣ отдаться ему на вѣки, и только чужая воля не давала совершиться этому.

Тутъ помириться съ судьбой было не легко и отдать свое счастье, имѣя уже на него право, безъ бою—невозможно. Но какъ биться? Съ кѣмъ?...

Голова кругомъ шла у Григорья Степановича, и сердце било страшную тревогу....

— Въ одинъ день и радость такая, и горе! думалъ онъ, возвращаясь домой. Открылась мнѣ, голубушка моя, что любить меня, и тутъ же.... Кто онъ такой? Кому хотить отдать ее? Вотъ не знаю его, а какое зло къ нему въ душѣ!... Попадись онъ мнѣ теперь вотъ... вѣдь я убить его готовъ!... Нѣтъ, нѣтъ, не отдамъ я тебя, моя радость, никому! Коли-бъ не любила ты меня, да сосватали тебя за кого, такъ тому и быть! Ну, а коли любишь!...—я добуду тебя! Любить, любить!.. Что дѣлать? Какъ быть? И голова-то словно не своя!... Сенькѣ все скажу, авось онъ совѣтъ дастъ....

Сеня широко раскрылъ глаза, взглянувъ въ лицо хозяина, когда тотъ, придя домой и швырнувъ на полъ пальто и шапку, сѣлъ у стола.

Блѣдное, блѣдное было это лицо, безъ кровинки, словно мертвое, и только глаза сверкали изъ подъ сдвинутыхъ бровей.

— Аль нездоровится, Григорій Степанычъ? тихо спросилъ Сеня, садясь по другую сторону стола.

— Нѣтъ, ничего.... Такъ, тяжело что-то, отвѣтилъ Волковъ и прошелся по комнатѣ.

— Не ничего ужъ, Григорій Степанычъ, а есть что-то: вишь, у васъ лицо-то, словно у мертвеца!... По торговлѣ, слава Богу, все хорошо, такъ стало быть съ другой стороны вѣтеръ подулъ.... Коли вы на счетъ этой купеческой дочки што думаете, такъ

скажете мнѣ; первое — потому, что завсегда надо вдвоемъ такіа дѣла дѣлать, а второе — легче бываетъ, когда человѣкъ свое любовное горе пріятелю, али кому тамъ ни на есть откроеть, это ужъ вѣрно, Григорій Степанычъ, повѣрьте мнѣ!

Сеня ужъль заговорить съ хозяиномъ во всякую минуту, и въ какомъ-бы тотъ расположеніи духа ни былъ—всегда добивался отвѣта. Такъ и теперь: Григорій Степановичъ остановился передъ Сеней и положилъ ему обѣ руки на плечи.

— Ну, братъ Сеня, помогай мнѣ въ бѣдѣ! заговорилъ онъ задушевымъ голосомъ.—Завсегда ты мой пріятель былъ, завсегда мы съ тобой душа въ душу жили, потому къ тебѣ и въ бѣдѣ иду къ первому, больше у меня никого нѣтъ.... Вѣрно ты сказалъ, Сеня: вдвоемъ надо дѣлать такіа дѣла, одному ничего ни придумать, ни уладить нельзя—головы на плечахъ не слышишь, мысли нейдуть, словно дурной какой ходишь!...

— Завсегда такъ!... Я хоть и не очень охочъ до красавицъ-то, а все бывала энта болѣзнь-то сердешная, знаемъ тоже!... Такъ, что же такое случилось съ вами? Ужъ не отбилъ-ли кто у васъ барышню-то? Сами вы виноваты! Давно я говорю, что вамъ сказать ей нужно про любовь-то свою, тогда бы и дѣло по другому пошло; она бы тоже призналась вамъ, а коли бы призналась и толковать нечего!..

— Такъ и вышло, Сеня....

— Ну?!

— Да; вышла она сегодня во время всенощной на дворъ, я за ней пошелъ, и встрѣтились мы.... Гляжу я на нее, она такая блѣдная, скучная, не радостная, какъ, бывало, раньше бывала.... Я заговорилъ съ нею, а она ... Эхъ, Сеня, Сеня, не на радость я повстрѣчалъ ее, не на радость познакомился!...

— А вы погодите горевать-то до поры до времени!... Ну, дальше-то что?

— Взялъ я ее этакъ за руку, въ очи ей гляжу, а она и

говорить: «вотъ, говорить, вѣдалисъ мы съ вами, знакомы были, а теперь, говорить, все кончено»!... Словно свѣтъ у меня выкатился, словно сердце выскочило изъ груди, когда она сказала мнѣ слово это!... «Что, молъ, такое? Отчего все кончено»? А она, тоскливымъ голосомъ такимъ, и говоритъ: «меня замужъ, Григорій Степановичъ, отдають»!... Я ужъ и не знаю, что было со мной, а только сказалъ я ей, что не бывать этому, что я люблю ее больше свѣта бѣлаго, больше жизни своей!!

— Ну, ну! Что же она?

— А она.... Она бросилась ко мнѣ, головку на грудь ко мнѣ склонила, да и сказала слово... Такое слово, Сеня, что вѣкъ это слово помнить я буду!... «Я, говоритъ, тоже люблю тебя»!... Эхъ, Сеня, Сеня, не сносить мнѣ головъ своей!... Все пропадай! Все прахомъ иди!... Катя, Катя, голубушка моя, радость моя!...

Григорій Степановичъ отнялъ руки съ плечъ Сени и бросился на стулъ, закрывъ лицо.

— Ха, ха, ха! раскатился Сеня звонкимъ смѣхомъ на всю комнату.

Волковъ порывисто вскочилъ со стула. Лицо его было блѣдно, глаза засверкали бѣшенствомъ.

— Ты тѣшишься надо мной?!.. Смѣешься? Я тебѣ душу свою открываю, все мысли свои выложилъ, про *нее* сказалъ, а ты хохочешь?... Тѣшишься надо мной?... Я тебя, песъ проклятый, какъ щенка, задупу!... Ну!....

Волковъ шагнулъ впередъ.

— Хозяинъ! съ укоромъ воскликнулъ Сеня, я то тѣшусь надъ вами? Эхъ, Григорій Степановичъ, Григорій Степановичъ!... И впрямь видно, вы голову потеряли, бѣда съ вами!... Радуюсь я, а не тѣшусь надъ вами!... Ну, чего вы чудите-то такъ? Чего вы горюете-то?... Дѣвка ему въ любви своей открылась, а онъ голову повѣсилъ!... Да коли она, Катя ваша, любитъ васъ, такъ и толковать нечего—будетъ ваша!... Вѣдь не сегодня ее отдають?

Не завтра? Эхъ, хозяйинъ, хозяйинъ!... Вотъ подлець я буду, коли она не достанется вамъ! Любить — ну, и ваша! Это ужъ самъ парень виновать, коли дѣвку изъ рукъ отпустилъ, послѣ того, какъ она ему въ любви своей открылась!... Ни заноры, ни тетеньки, ни маменьки не удержатъ дѣвицу, коли ей какой молодецъ по душѣ придется!... Вотъ только зѣвать теперь не нужно, дѣло нужно дѣлать, минутой дорожить!... Коли сказано, у ней женихъ, и свадьба близко — нужно вырвать у того жениха нежеланнаго ее изъ подъ носу, да и поминай, какъ звали!... Велимъ-ка самоварчикъ подать, сядемъ чай пить, да потолкуемъ, какъ тому дѣлу быть!... А то вы — залушу сейчасъ!... Сохрани Богъ! Вы въ такую минуту, чего добраго, ахнете по чихалу-то, такъ и поминай какъ звали, знаю васъ!...

Все свѣтлѣй и свѣтлѣй дѣлалось лицо у Григорья Степановича, и когда Сеня бончилъ, онъ подошелъ къ нему и опять положилъ ему руки на плечи.

— Сеня!... Помоги, Сеня! Устрой, голубчикъ!... Братомъ роднымъ назову, все добро свое отдамъ!... заговорилъ Григорій Степановичъ, и крѣпко сжималъ плечи Сени.

— Да ужъ уладимъ дѣло, я вамъ говорю!... Я и самъ очень ужъ люблю какое ни на есть горячее дѣло дѣлать — такъ вотъ и подмываетъ тебя всего, такъ и зудить!... И любо-то, и страшно!... Погодите, я пойду самоваръ велю становить, за чайкомъ-то ужъ больно хорошо бесѣда пдеть! Сейчасъ я.... Сеня ушелъ, и чрезъ четверть часа номерщикъ внесъ кипящій самоваръ. Разлилъ Сеня чай въ стаканы, скинулъ поддѣвку и сѣлъ къ столу.

— Ну, вотъ теперь и будетъ толковать, Григорій Степановичъ.... Главное — вы не тужите! Погорюемъ тогда, когда Катерину Петровну вашу мужъ изъ церкви поведетъ, а пока еще рано!... Пейте-ка чай, да рассказывайте мнѣ все дѣла ваши....

Григорій Степановичъ пододвинулъ себѣ стаканъ.

— Да все ужъ рассказалъ, Сеня, больше нечего, сказать онъ.

— Гм! Вы вотъ что: пошлите меня къ ней...

— Къ кому?

— Ну, къ Катеринѣ-то Петровнѣ своей....

— Зачѣмъ послать? Какъ?

— А такъ! Нужно поговорить съ ней, попытать ее, а тамъ ужъ и будемъ знать, что дѣлать....

— Да какъ же ты дойдешь до нее?

— Это ужъ мое дѣло, я ужъ знаю какъ!

— Сения, голубчикъ!... Поди къ ней, поговори, повидай, вѣсточку отнеси!...

— А вы чай-то не лейте!... Повидаю и поговорю.... Вѣдь теперь, Григорій Степановичъ, одинъ путь-то есть только....

Сения поставилъ блюдечко на столъ.

— Эхъ, какъ-бы раньше вы поговорили съ ней! съ досадой воскликнулъ онъ.

— А что?

— А то, что можетъ-быть, и безъ бою-бы досталась она вамъ, вотъ что! Пошли-бы тогда къ отцу ея, али-бы сваху послали, авось-бы и отдалъ онъ!... Вѣдь вы, слава Богу, не нищій какой, сами купецъ, черта-ли ему очень-то куражиться! Опять же она-бы ему сказала, что вотъ-де любовь онъ мнѣ, ну, поплакала-бы, поманежничала-бы, какъ тамъ ихнее сословіе умѣетъ, онъ-бы авось, говорю, и отдалъ, вѣдь одна дочь-то у него! Поломался-бы, постегалъ-бы ее, а все-бы отдалъ въ концѣ концовъ.... Ну, а коли ужъ теперь женихъ есть, такъ этимъ путемъ до дѣла не дойдешь! Коли теперь сказать.... Да вѣтъ, теперь и думать объ этомъ нечего!.. Теперь, хозяинъ, одно дѣло — украсть ее....

— Какъ украсть?

— А такъ же!... Подыскать попа тароватаго, свидѣтелей, да на тройку вашу красавицу, и аминь!

— Сения, голубчикъ!... Да вѣтъ, она не согласится на это!..

— Согласится, коли поджечъ хорошенько!... Я вотъ завтра

ввечеру доберусь до нее и все это улажу.... Вѣдь коли сказано, что любить васъ, такъ теперь и ей не сладко, особливо ежели женихъ-то не важный!... Я вотъ узнаю все, да и будемъ орудовать.... А какъ лихо укатимъ - то, Григорій Степановичъ!... У меня есть ямщикъ знакомый, оторви ухо парень, огонь! Лошади у него аховыя—такъ махнеть, что ахъ ти мнѣ!... Выйдетъ она, сударушка ваша, за ворота, подхватилъ ее, на тройку и вали!... Обвѣнчаесть, да въ Коломну домой махнете, а потомъ, педѣлку спустя, къ батькѣ съ поклономъ, упадетъ сердце-то!... Ну, и гуляй душа!...

Съ сверкающими глазами слушалъ Сеню Григорій Степановичъ, не проронилъ ни одного словечка, и когда Сеня кончилъ, тряхнувъ кудрями и весело улыбнувшись, онъ бросился къ нему на шею и началъ крѣпко цѣловать его.

— Ну, Григорій Степановичъ!... Катю свою цѣловать нельзя, такъ онъ меня цѣлуетъ!... Ха, ха, ха!...

— Лихой ты парень, Сенька! Молодецъ!

— Для овецъ!... Кончайте-ка чай-то, да и спать пора, завтра пораньше надо встать, потому скотъ пригонять. Любовь-то любовью, Григорій Степановичъ, а дѣло - то все бросать не слѣдъ, а то съ молодой женой и жить вечѣмъ будетъ; тещѣ-то послѣ такого сюрприза не вдругъ тоже мошну развяжетъ, поломаесть напередъ.... Ха, ха, ха!...

Григорью Степановичу не спалось эту ночь, и онъ поминутно ворочался съ боку на бокъ; то отрадные, то мрачныя думы шли ему въ головку и отгоняли сонъ далеко прочь. Сеня хоть не ворочался, а спалъ плохо: крѣпко обдумывалъ онъ планъ, высказанный хозяину, и почти къ утру ужъ все обдумалъ.

— Коли любить — будетъ наша! сказалъ онъ вслухъ и, повернувшись къ стѣнѣ, крѣпко заснулъ.

IX.

Въ воскресенье вечеркомъ Сеня отправился къ Сальниковымъ.

Онъ рѣшилъ, во что-бы то ни стало, повидать Катю и зная, что она съ такой охотой помогаетъ всѣмъ бѣднякамъ и принимаетъ различныхъ просителей, рѣшилъ разыграть роль одного изъ такихъ бѣдняковъ.

«Принять, допустить до себя — я ужъ знаю, что говорить, и постараюсь глазъ на глазъ съ ней остаться, а коли не удастся это—записку ей передамъ, опишу отъ себя все и сведу ихъ какъ-нибудь съ Григорьемъ Степановичемъ, а до той субботы ждать не рука: въ недѣлю-то много воды утечетъ!» думалъ Сеня и торопливо шелъ на Ордынку.

Подойдя къ дому Сальниковыхъ, Сеня замѣтилъ какое-то особое движеніе въ домѣ: всѣ окна блестѣли огнями, ворота были отворены настежь, два мужика посыпали тротуаръ и дворъ пескомъ. «Господи, подумалъ Сеня, —ужъ не свадьба-ли у нихъ сегодня!... Вотъ штука-то!... Ну, держись, Григорій Степановичъ!...»

— Богъ помочь, добрые люди! обратился онъ къ мужичкамъ, посыпающимъ дворъ пескомъ.

— Спасибо, братъ. Къ хозяину, штоль?

— Нѣтъ, братцы, не къ хозяину.... Хозяйку бы мнѣ повидать желательно....

— Какую хозяйку? Катерину Петровну?

— Ее самую, дочку-то хозяйскую.... Вишь ты, дѣло у меня такое до нея есть.... Сестру вотъ замужъ отдаемъ, а приданого нѣтъ; люди мы бѣдные, семейство большое, такъ охота у хозяйки вашей попросить изъ платевъ чего, али деньгами милость не будетъ-ли.... Слышали мы, что помогаетъ она, добрая, ласковая, говорятъ....

— Вѣрно, братъ, помогаетъ.... Такой другой по всей Москвѣ нѣтъ, андѣль барышня!.... Только нонѣ недосугъ ей будетъ принять тебя: самое ее замужъ отдають....

— Сегодня?!

— Нѣтъ, не сегодня; сегодня только смотрины будутъ, женихъ пріѣдетъ смотрѣть ее, а свадьба еще, бають, недѣли черезъ двѣ....

У Сени отлегло отъ сердца.

— Она завтра, молодецъ, тебя допустить, приходи, а сегодня недосугъ, потому женихъ безпримѣнно будетъ....

— Такъ. Приду завтра, не откажите доложить!

— Доложимъ, отчего не доложить! У насъ братъ, приказъ отъ нея—обо всѣхъ докладывать.

— То-то, слышали мы, добрая дѣвица.... А за кого выдають-то ее, ребятушки?

Дворники переглянулись.

— Не больно женихъ важенъ у нашей Катерины Петровны, братъ! сказалъ одинъ, вздохнувъ.

— Кто же такой?

— Дяди ея, Григорья Максимыча. прикащикъ, Сергѣй Ивановичъ.

— Прикащикъ?! Что же это за чудо такое—такую невѣсту за прикащика отдають? Богатъ, можетъ, очень?

— Нонѣ лѣтомъ не богаче насъ съ тобой былъ, а теперь, вотъ, какой сталъ, рукой не достанешь!

— То есть, отчего же это?

— А кто-жь его знаетъ! Полюбилъ, да полюбилъ хозяйинъ и вывелъ въ люди, а теперь, вотъ, и племянницу за него отдаетъ.

— Чудо!

— Чудо и то. Да и человѣкъ-то негожій: выпить любить, первую жену, говорятъ, въ гробъ вколотилъ....

— Такъ вдовецъ онъ?!

— Вдовецъ; нонѣ осенью овдовѣлъ только....

Сеня не зналъ, что и думать.

— Можетъ, развѣ не.... не любила ли его хозяйская-то дочь раньше? закинулъ онъ вопросъ и съ бьющимся сердцемъ сталъ ждать отвѣта.

— Ты непригожихъ такихъ рѣчей не говори, парень!... Наша Катерина Петровна чище голубки чистой!... Андель, одно слово, андель!...

— Ну, ужъ коли такъ, такъ я и не пойму! воскликнулъ Сеня.

— И мы, братъ, не болѣ твоео понимаемъ! Пытали тоже мерекать....

Сеня глубоко задумался.

— А вѣдь это на руку намъ! подумалъ онъ. Ежели такой женихъ, значить, Катерина Петровна ой-ой съ какой неохотой идетъ за него и куда, чай, рада будетъ освободить себя отъ этого жениха!... Эхъ, скорѣй, скорѣй надо дѣло дѣлать!...

— Завтра-то можно будетъ повидать ее, ребятушки? обратился онъ опять къ дворникамъ.

— Можно, можно. Только ты приходи днемъ, хозяина когда дома не бываетъ—это складнѣй будетъ....

— Спасибо, други, на добромъ словѣ.... Вотъ вамъ на чаекъ отъ меня....

— Полно, пошто эфто!... Самъ ты человѣкъ бѣдный....

— Ничего, сколько могу; коли вы допустите, такъ, можетъ, и впрямь получу что....

— Получишь, вѣрно получишь, приходи, а теперь, братъ, иди со двора-то: неравно хозяинъ выйдетъ...

— А на жениха взглянуть нельзя?

— Нѣтъ, другъ!... Какъ только пріѣдетъ онъ съ братомъ хозяйскимъ, да потомъ попа привезутъ—такъ и ворота на запоръ, нонѣ никого не будутъ пущать....

— Попа-то зачѣмъ?

— А вонѣ, слышь ты, смотрины, да и Богу, видно, хотять помолиться, а, можетъ, молебень,— доподлинно не знаемъ....

Сеня, озабоченный, вышелъ со двора и тихо, тихо пошелъ домой.

Точно къ похоронамъ, а не къ свадьбѣ готовились въ домѣ Петра Максимовича!

Самъ хозяинъ большими шагами ходилъ по освѣщенной залѣ; ходилъ мрачный, задумчивый, нерадостный. Марья Максимовна, съ заплаканными глазами, помогала Катѣ одѣваться, а Катя.... Катя не плакала—въ такія минуты слезъ не бываетъ. Она спокойно повидимому, одѣвалась, и только мертвенно блѣдное личико, да вздрагивающая безпрестанно верхняя губка—признакъ страшнаго потрясенія у очень нервныхъ людей — показывали, что невѣста не съ радостію, не съ ожиданіемъ счастья готовится встрѣтить жениха!...

Натуры, подобныя Катѣ, неспособны на борьбу, на отпоръ; онѣ сразу покоряются судьбѣ и волѣ своихъ властелиновъ и развѣ только съ помощію другаго, болѣе сильнаго, порываются сбросить съ себя тяжело иго.

Петръ Максимовичъ объявилъ Катѣ о женихѣ, давъ замѣтить, что выдать ее за этого жениха есть воля брата, что она должна идти за него, и Катя покорилась. Молодое сердце хотѣло любви, билось привязанностію къ иному; воображеніе рисовало лучезарныя картины счастья съ этимъ другимъ, но воля отца вела по другой дорогѣ, и ей, этой законной, непреложной волѣ, должно было повиноваться.

Такова была логика Кати.

Въ передней хлопнула дверь. Петръ Максимовичъ порывисто оглянулся туда.

— Батюшка пріѣхали, Петръ Максимовичъ, доложила горничная.

Въ залу неторопливой походкой вошелъ художавый, сѣдой, какъ лунь, священникъ. Помолившись на образа, онъ благословилъ Петра Максимовича и привѣтливо улыбнулся ему.

— Можно поздравить васъ, Петръ Максимовичъ? Слышалъ— доченьку просватали....

— Да, отецъ Евстигнѣй, просваталъ; дѣло ихнее, дѣвичье, такое, нужно съ рукъ сбывать....

— Поздравляю, поздравляю!.... Благослови ее Богъ, она заслуживаетъ счастья....

— Что Богъ дастъ, батюшка!.... Пожалуйте въ гостинную, чайку выкушайте пока, закусить, можетъ, пожелаете.... Пожалуйте, отецъ Евстигнѣй....

Со всѣми нѣсколько надменный и даже грубоватый, Петръ Максимовичъ со священникомъ обращался крайне почитательно и ласково; да иначе и нельзя было относиться къ этому симпатичному, внушающему невольное уваженіе старику, истинному другу и пастырю своихъ прихожанъ, всѣми любимому, всѣми уважаемому отцу Евстигнѣю.

— За кого выдасте Катерину Петровну, Петръ Максимовичъ? спросилъ отецъ Евстигнѣй, усаживаясь въ гостинной.

— За главнаго прикащика брата Григорья, батюшка, Сергѣемъ Ивановичемъ зовутъ его; выдали, можетъ, когда у брата?

Отецъ Евстигнѣй поднялъ брови.

— Видалъ.... вѣдь онъ вдовецъ, кажется?

— Да, вдовецъ... Человѣкъ ловкій, не глупый, только вотъ, развѣ, служащій, прикащикъ; по нашему положенію будто-бы не пара.

— Отчего-же? Этимъ гнушаться не слѣдуетъ.... вотъ другое дѣло—хорошій-ли онъ человѣкъ? Не преслѣдуетъ-ли главнымъ образомъ цѣль корыстную, зная состояніе невѣсты? Я говорю, что ваша дочь заслуживаетъ счастья: эта дѣвушка рѣдкой доброты!...

Петръ Максимовичъ нервно подергивалъ себя за бороду.

— Да... конечно... человѣка, вѣдь, узнать трудно, батюшка... Братъ хочетъ.... Прощу, батюшка, кушать чай—я отлучусь на

минутку: кое-что посмотрѣть тамъ нужно; сейчасъ, чай, прїѣдутъ... Не осудите, я сію минуту вернусь....

Петръ Максимовичъ вышелъ. По залѣ зашепестѣло женское платье, и въ гостинную медленно вошла Катя, старинная прїятельница и любимица отца Евстигнѣя. Дивно хороша была Катя въ этотъ вечеръ, но вся ея изящная, нѣжная фигурка точно сжалась подъ бременемъ невыносимо тяжелаго горя! Она была декольте, и бѣлыя, какъ мраморъ, плечи поминутно вздрагивали отъ нервной дрожи, грудь тяжело дышала, глаза сверкали лихорадочнымъ блескомъ....

Такими, вѣроятно, шли на страданія мученицы, страшно взволнованныя, измученныя уже нравственно, но твердыя рѣшимостью и подавленные непреклонной волей судьбы, которой отдались беззавѣтно, всецѣло...

— А вотъ, и невѣста дорогая!... сказалъ священникъ, подымаясь на встрѣчу Катѣ. — Здравствуйте, здравствуйте, моя барышня!.. Поздравляю васъ, желаю счастія, много, много счастія!...

Отецъ Евстигнѣй благословилъ Катю и, взявъ за руку, подвелъ ея дивану.

— Сядемте тутъ, потолкуемъ.... Что это вы блѣдная такая? Новой жизни боитесь?

Катя, опустивъ глаза, перебирала руками цѣпочку.

— Да, батюшка, страшно такъ.... Боюсь я чего-то....

— Ну, это общій удѣлъ всѣхъ невѣстъ... Жениха своего знаете?

Нравится онъ вамъ?

— Я его не видала... Это воли тятеньки, а я... я не хочу, батюшка!...

Какъ вдругъ порывисто схватила руку священника и начала покрывать ея горячими поцѣлуями; слезы градомъ полились изъ ея глазъ.

— Батюшка, батюшка, скажите мнѣ, чтобъ не отдавали меня!.. Я не хочу, не хочу!... Я.... я....

Катя истерчески зарыдала.

— Успокойтесь, дитя мое, успокойтесь!... Поговорите со мной откровенно, какъ на духу говорите.... Не плачьте, успокойтесь....

Отецъ Евстигнѣй погладилъ по головѣ дѣвушку и, поднявъ ее за подбородокъ, пылливо взглянулъ ей въ глаза.

— Быть можетъ, вы, — это въ ваши годы не рѣдкость, — дѣло обыкновенное, — любите когонибудь? Скажите мнѣ все, я выслушаю, дамъ вамъ совѣтъ....

— Батюшка, начала было Катя, но въ эту минуту по двору загремѣли колеса кареты, и чрезъ гостинную быстро прошла Марья Максимовна, на ходу поклонившись священнику.

— Женихъ пріѣхалъ, женихъ.... Катенька, поди, поправься, милая!...

Марья Максимовна поспѣшно вышла въ залу. Вслѣдъ за ней прошелъ туда же и Петръ Максимовичъ.

— Подите, умойте личико, голубушка, оправьтесь, а послѣ мы поговоримъ еще съ вами, времени еще много, успѣемъ и такъ, и сякъ дѣло сдѣлать.... Будьте бодры и вѣрьте въ милосердіе Божіе, сказалъ отецъ Евстигнѣй, нѣжно погладивъ дѣвушку по наклоненной русой головѣ.

Катя, сдерживая рыданія, поспѣшно ушла изъ гостинной.

Х.

Надушенный какими-то сильнѣйшими духами, завитой, въ модной визитѣ, гремя многочисленными брелоками и держа блестящій цилиндръ на отлетѣ, черезъ чуръ развязной походкой влетѣлъ въ гостинную «главный прикащикъ» Григорій Максимовича, Сергѣй Ивановичъ Панкратьевъ.

— Григорій Максимовичъ не будутъ-съ: не поздоровилось имъ

что-то-съ: Приказали почтеніе передать и замѣсто себя меня при-
слали-съ.... Батюшкѣ наше почтенье-съ....

Отецъ Евстигнѣй поднялъ было руку для благословенія, но Сер-
гѣй Ивановичъ съ вывертомъ подаль ему свою, обложенную въ
зеленую перчатку.

— Омноковеннымъ манеромъ поздороваемся-съ, потому нынче-съ
какъ-то ужъ эфта мода-то выходить стала-съ, рази только у про-
стонародія-съ, а то вобще не принято....

Отецъ Евстигнѣй опустилъ глаза и, пожавъ руку Сергѣя Ива-
новича, отошелъ къ сторонѣ.

Петръ Максимовичъ передернулъ усами и чуть, чуть поблѣднѣлъ.

— Прошу садиться, обратился Петръ Максимовичъ къ Пан-
кратеву. — Что же съ братомъ такое?

— Такъ-съ, разстройство чувствъ какое-то-съ; вѣроятно, съ
народомъ что-нибудь не поладили-съ, потому нынче съ народомъ
вобще трудно, избалованный, отвлекательный народъ-съ!

Сергѣй Ивановичъ поставилъ шляпу на столъ и сѣлъ на диванъ.

— Цыгарой не обезпокою-съ? обратился онъ къ Петру Мак-
симовичу и, не дожидаясь отвѣта, вынулъ серебряный портсигаръ
и закурилъ сигару.

— Сестра, поди позови Катю, да вели чай подавать, сказалъ
Петръ Максимовичъ, все время чувствующій себя какъ-то неловко
и безпрестанно мѣняя мѣсто, безцѣльно переставляя различные пред-
меты на столъ съ закуской.

— Сейчасъ, братецъ... Да, вотъ, она и сама идетъ...

Опустивъ глаза, судорожно сжавъ рукой пышную оборку платья,
медленно вошла Катя и остановилась подорогѣ.

— Вотъ, дочь моя... Прошу любить, да жаловать, прогово-
рилъ Петръ Максимовичъ и всталъ со стула.

— Очинно пріятно-съ! вскочилъ Сергѣй Ивановичъ. — Наше
вамъ почтеніе, Катерина Петровна!.. Позвольте почтеніе отдать-съ...

Женихъ подлетѣлъ къ Катѣ и подаль ей руку.

— Какъ поживаете-съ?

— Благодарю васъ....

— Не стоитъ-съ! Не угодно-ли на диванчикъ пожаловать? Бесѣду будемъ имѣть.... А то не угодно-ли по залѣ прогулку сдѣлать? Очинно даже съ барышней пріятно хожденіе имѣть и разговоръ политичный вести!... Проидесть? Сергѣй Ивановичъ подставилъ руку Катѣ. Та какъ-то безпомощно оглянулась кругомъ, помутившимися глазами повела въ сторону, гдѣ сидѣлъ отецъ Евстигнѣй, и, пошатнувшись, ухватилась рукой за плечо нежеланнаго жениха.

— Голова... грудь... Мнѣ дурно, дурно! прошептала она, и, какъ подкошенная, упала на полъ.

Отецъ и тетка бросились къ ней. Отецъ Евстигнѣй схватилъ графинъ съ водой и также подбѣжалъ торопливой, старческой походкой къ своей любимицѣ. Растерявшійся женихъ тупо поводилъ глазами и словно застылъ въ позѣ элегантнаго кавалера, съ вывернутой кренделемъ рукой.

— Разстегните ее!... Воды на голову, воды!... Спирту нѣтъ-ли.... суетливо говорилъ отецъ Евстигнѣй, трясущимися руками поддерживая головку Кати.

— Ай, мои батюшки!... Ай, мои батюшки! кричала Марья Максимовна, бѣгая кругомъ. — Угорѣла, видно, она, натонили нонѣ жарко очино.... Эй Василиса, Василиса!

— Тише!... Что ты орешь, безумная? сверкнулъ глазами въ сторону сестры Петръ Максимовичъ и, бережно поднимая съ полу Катю, какъ маленькаго ребенка, повесъ ее изъ комнаты, волоча по полу длиннымъ шлейфомъ ея бѣлаго платья....

— Угорѣли, видно, и то-съ, обратился Сергѣй Ивановичъ къ отцу Евстигнѣю, когда Петръ Максимовичъ, сопровождаемый сестрой и горничной, вышелъ.

— Здоровье ихнее дамское-съ, слабое, деликатное-съ, опять же робко, ежели теперича кавалеръ подойдетъ, и все такое....

— Да, конечно.... А, быть можетъ, и иная причина....

— Тысь, какая же это иная-сь?

— Сядьте вотъ сюда, я скажу вамъ нѣсколько словъ, проговорилъ отецъ Евстигнѣй, сядясь на стулъ и указывая на мѣсто рядомъ съ собою.—Вы, изъявивъ намѣреніе жениться на дочери хозяина этого дома, подумали-ли о томъ, что она, можетъ, и не любить васъ? обратился онъ съ вопросомъ къ Панкратьеву.

— Тонсь, какъ это?...

— А такъ, мой другъ.... Конечно, надъ каждой дѣвушкой имѣеть власть родитель или родительница, но тѣмъ не менѣе и ея собственная воля должна играть тутъ значеніе, ибо идти за кого бы то ни было только по волѣ родителей, безъ всякаго желанія съ своей стороны, есть подвигъ, но подвигъ очень тяжелый и для семейнаго счастія могущій имѣть послѣдствія крайне дурныя... Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что даже при бракѣ, въ церкви, священникъ спрашиваетъ....

— Вы для какой потребности говорите это, батюшка? Вродѣ проповѣди, што ли? Такъ, вѣдь, здѣсь не церковь-сь! Мы очинно даже хорошо понимаемъ себя-сь!... Вы тово-сь, энти антимоніи-то оставьте! нагло смотря на священника, проговорилъ Сергѣй.

— Говорю я это, другъ мой, для того, что бы поставить вамъ на видъ, что невѣста къ вамъ склонности не имѣеть и, если вы честный человекъ—вы должны....

— Ну, ужъ это вы тово-сь, напрасно, ваше пренедобіе!... Можетъ, онѣ къ намъ склонности и не имѣють, можетъ, у ихъ амурныя дѣла съ кѣмъ заведены, а только намъ до энтото дѣла нѣтъ-сь, и ежели таперича тятенькѣ ихнему и дяденькѣ желательнo отдать ихъ за меня-сь отдать, сама она не причемъ-сь.... Получите за благословеніе краснѣй блетъ и аминь-сь, а на счетъ разсужденіевъ энтихъ—ужъ вы тово-сь, помолчите!...

— А вспомните, какъ вы жили послѣднее время съ вашей первой женой... Не ваша-ли рука свела ее въ могилу? Не лежитъ-

ли на вашей душѣ грѣхъ въ ея смерти?... Я былъ ея духовнымъ отцомъ и знаю, что она умерла отъ побоевъ и жестокаго обращенія...

Сергѣй поблѣднѣлъ; лицо его искривила страшная злоба.

— Вы хотя и духовный отецъ, да мнѣ еще не смертный конецъ! дерзко проговорилъ онъ и всталъ. Ваше дѣло обвинчать, а не рѣчи энти говорить, а не желаете, такъ мы другаго найдемъ, отъ сотельнаго-то билета никто не откажется!...

Отецъ Евстигнѣй еще хотѣлъ что-то сказать, но вошелъ Петръ Максимовичъ.

— Ужъ извините, Катя что-то тово, прихворнула, угорѣла, знать, и то.... Побесѣдуемъ одни, а это.... Богу-то хотѣли помолиться—такъ ужъ въ другой разъ, проговорилъ онъ какимъ-то упавшимъ голосомъ.

— Ничего-съ, все единственно-съ, поспѣемъ.... закуривая сигару, сказалъ Сергѣй.

Молча почти, выпили стакана по два чаю будущіе тесть съ зятемъ и отецъ Евстигнѣй, и женихъ откланялся, общаясь пріѣхать опять «съ дяденькой Григорьемъ Максимычемъ». Вслѣдъ за нимъ ушелъ и отецъ Евстигнѣй.

Черезъ десять минутъ потухли огни въ домѣ Сальниковыхъ.

XI.

Морозило. Солнце садилось и послѣдними лучами обливало пеструю нанораму Замоскворѣчья. Тамъ и сямъ сверкали въ лучахъ заката кресты многочисленныхъ церквей; пурпуромъ горѣли стекла высокихъ церковныхъ оконъ; пестрѣли крыши домовъ, причудливыми узорами рисовались на подернутомъ дымкой небосклонѣ вѣтки обнаженныхъ деревьевъ. Въ воздухѣ стояла бодрящая свѣжесть первыхъ зимнихъ дней.

Пусто и тихо было и въ домѣ Сальниковыхъ, и на обширномъ дворѣ.

Петра Максимовича не было дома, а Марья Максимовна сумерничала по обыкновенію у себя на верху.

Это было на другой день послѣ такъ неудачно кончившихся смотринъ.

Обморокъ Кати продолжался не долго и особенно дурныхъ послѣдствій не имѣлъ на ея здоровье: она крѣпко и покойно уснула ночью, долго проплакавъ съ вечера, и встала утромъ почти здоровая, чувствуя только легкую слабость. Петръ Максимовичъ навѣстилъ ее утромъ, и, увидавъ здоровой, радостно улыбнулся.

— Что это ты вчера начудила, Катерина? А? Жениха то напугала ии-до! проговорилъ онъ, ласково глядя на дочь.

— Не знаю, такъ что-то, грустно улыбнулась Катя.

— Угорѣла, должно быть? Эти дурни наши съ головнями печи закрываютъ завсегда!...

Петръ Максимовичъ поближе подошелъ къ Катѣ.

— Аль женихъ тебѣ не любъ очень? тихо спросилъ онъ, заглядывая ей въ лицо.

— Не любъ, тятенька....

— Да чѣмъ же, дурочка? Мужчина ловкій, политичный, братъ Григорій его, вонъ, какъ развелъ!... Ничего — стерпится, слюбится, Катюша!... Я тебѣ говорилъ, что брату желательно женить его на тебѣ, а супротивъ брата я идти не долженъ!... Да коли бы и захотѣлъ идти, такъ нельзя, Катя!... Ты торговыхъ дѣловъ не знаешь, а коли бы понимала ихъ, я бы тебѣ показалъ дѣла наши.... Безъ брата Григорья мы.... да, просто на просто, нищіе!... Да.... А ты иди безъ горя, безъ слезъ, утѣши и меня, и дядю.... Да.... Вотъ ты и опять плакать собираешься! Эхъ, не люблю я этого, Катерина!... Охота-ли, не охота-ли, а идти надо, стало быть, и толковать нечего!... Ваша доля ужъ такая, Катюша.... Вотъ мать твою покойницу, силой

подъ вѣнецъ-то вели, побоями, — да какими еще побоями-то! выдали за меня, а жили, слава Тебѣ, Господи, хорошо всю жизнь!... Такъ-то, Катя.... Ну, прощай пока; ужъ привезу тебѣ гостинецъ хорошій.... Прощай....

Петръ Максимовичъ вышелъ, а Катя сѣла на диванъ и задумалась....

Волковъ предсталъ передъ нею, какъ живой, съ своими чудными, ласковыми глазами, съ душевной рѣчью, что хватается за сердце и щемитъ его больно и сладко....

— Ну, прощай же, прощай, мой милый, мой дорогой Гриша! шептала Катя, чувствуя, какъ у ней что-то точно обрывалось въ груди. Увидала тебя, моего ненагляднаго, полюбила, какъ никого никогда не любила, а теперь.... теперь прощай, мой дорогой, навсегда прощай!... Взглянуть бы на тебя еще одинъ разикъ, рѣчь твою услышать.... Нѣтъ, не надо, не надо!... Еще тяжелѣй, еще больнѣй сердцу будетъ тогда.... Не надо!... Прощай, мое солнышко красное, прощай!... А если бѣжать къ нему, сказать.... сказать ему: возьми меня, увези меня отсюда.... Нѣтъ, нѣтъ, страшно, стыдно и подумать объ этомъ!... Господи! Тебѣ угодно, что бы я шла не за любимаго, а за ненавистнаго, за посылаго — такъ пошли мнѣ, Господи, терпѣніе и.... и любовь къ моему суженому, а то я.... прости меня, Господи!... Я ненавижу его!...

И весь день дѣвушка была погружена въ думы о томъ, какъ она перенесетъ потерю любимаго человѣка? Любимаго первый разъ, и такъ страстно, такъ нѣжно!...

Отвѣтъ на этотъ роковой вопросъ долженъ былъ придти послѣ, а теперь не находилось его; теперь чувствовалось только всеѣмъ существомъ, что это страшно, страшно тяжело....

Когда начало смеркаться и все стихло въ домѣ, все улеглось отдыхать, Катѣ какъ-то страшно едѣлалось въ этой тишинѣ! Она надѣла шубку, накинула на голову платочекъ и вышла на

дворъ. На дворѣ было тоже пусто; только дворникъ дремалъ у воротъ, да собаки возились и играли на недавно выпавшемъ снѣгу, но съ улицы доносился шумъ: гдѣ-то звонили къ вечернѣ, гдѣ-то пѣли пѣсни.

Катя стала ходить въ глубинѣ двора, около рѣшетки сада, бѣгая съ выбѣжавшей къ ней маленькой дѣвочкой, дочерью одного дворника.

— Катерина Петровна, подошелъ къ ней дворникъ, — пришелъ тамъ молодецъ какой - то до вашей милости..... Сестру, слышь ты, замужъ выдаетъ, такъ не будетъ ли, говорить, милости помочь чѣмъ; бѣдныя, вишь они....

— Позови его, Иванъ, сюда, позови; я помогу имъ....

Катя была очень обрадована: въ минуты тяжелой грусти хочется дѣлать добро также, какъ и въ минуты радости и счастья.

Знакомый намъ Сеня, одѣтый хуже обыкновеннаго, подошелъ черезъ минуту къ Катѣ и поклонился ей.

— Здравствуйте, сударыня, сказалъ онъ, снимая шапку.

— Здравствуйте..... Вы надѣньте шапку, холодно, немного застѣнчиво проговорила Катя, встрѣтивъ бойкіе, веселые глаза Сени. — Вы сестру выдаете замужъ?

Сеня оглянулся кругомъ. Дворникъ отошелъ уже опять къ воротамъ, и только дѣвочка стояла вблизи, играя съ собакой.

— Охота бы выдать намъ одну красавицу за добраго молодца, да только добрые люди мѣшаютъ, сказалъ Сеня, пристально смотря на Катю.

— Кто мѣшаетъ?

— Добрые люди, молъ....

Сеня подошелъ поближе къ Катѣ.

— Прислалъ вамъ, Катерина Петровна, поклонъ и вѣсточку о себѣ Григорій Степановичъ Волковъ, хозяинъ нашъ, проговорилъ онъ.

Катя вспыхнула, потомъ поблѣднѣла и схватилась за рѣшетку сада, чуть, чуть не упавъ.

— Вы не бойтесь, Катерина Петровна, онъ не съ дурнымъ чѣмъ прислалъ меня, а любя васъ, пуще отца-матери, и прислалъ поклонъ, да слово одно велѣлъ передать... А я его, можно сказать, пріятель, и коли вы любите Григорья Степановича, такъ послушайте рѣчь мою, словно бы его самого слушали, ну, а коли не любь онъ вамъ—такъ и за ворота, а не то што-бъ обидѣть васъ чѣмъ или напугать....

Катя молчала, испуганно смотря на этого неожиданнаго посланнаго, дрожа всѣмъ тѣломъ. Никому еще, ни отцу, ни теткѣ, ни подругѣ какой не открывала она тайны завѣтной своей, вдругъ.... стоять какой-то незнакомый молодецъ, глаза такіе бойкіе, не то смѣются, не то ласкаютъ, бородку себѣ пощипываетъ, и говори съ нимъ, душу ему, этому незнакомому, выложи!...

— Такъ прикажете говорить, или вонъ идти? Жду слова вашего, не томите, Катерина Петровна.... Да что тутъ говорить-то!... Вѣдь дѣвицѣ не легко тоже про любовь-то свою чужому человѣку говорить, а я, такой ужъ угадливый уродился, вижу, что любь вамъ Григорій Степановичъ!... Такъ вотъ что скажу я вамъ: тоскуетъ онъ по васъ, изнываетъ, сна лишился, отъ хлѣба отбилو его!... Любитъ онъ и жалѣетъ васъ.... Жалѣетъ потому, что отдають васъ за Сережку этого, который жену свою побоями въ гробъ во-гналъ, по всѣмъ трактирамъ буйство дѣлаетъ, да безобразничаетъ, благо, дядюшка вашъ ему мошну свою открылъ, словно сыну.... Все узналъ я про жениха вашего, и коли вамъ жизнь мила—не ходите за него, Катерина Петровна!... Не разбиваю я васъ, потому что-де хозяинъ мой любить, и охота ему взять васъ, а жалѣючи за добро ваше, за красу жалѣючи, говорю это!... Григорію Степановичу достанетесь вы, другому-ли кому—это, какъ Богъ велить, да только не мужику сѣрому, Сережкѣ!... Григорій Степановичъ велѣлъ сказать вамъ, что коли вы не пойдете за этого жениха теперешняго, такъ любите вы его, хозяина нашего, или нѣтъ, а Сергѣю живому не быть: Григорій Степановичъ ему поклялся башку сшибить, а у хозяина моего что сказано, то сдѣлано!...

Это одно дѣло, а другое вотъ что: если любь вамъ Григорій Степанычъ, такъ же, какъ вы ему, такъ есть дорога быть за нимъ, за любимымъ, за пригожимъ, за такимъ, который душу положитъ за васъ!... А дорога та—обвѣнчаться тайкомъ.... Испугалась?... Эхъ, Катерина Петровна! И страшнаго-то тутъ нѣтъ ничего, ей Богу, нѣтъ!... Родитель не то что простить, а потомъ еще спасибо скажетъ!... Коли мыслимо, такъ мы уладимъ все.... Вотъ вамъ записка отъ Григорья Степаныча, въ ней все написано, прочитайте да завтра и отвѣтъ дайте.... Я приду, будто бы вы велѣли мнѣ за помощью-то на свадьбу сестрѣ придти; вы, для вида, и узелокъ какой-нибудь съ платицею, или тамъ съ чѣмъ приготовьте.... Прощайте пока.... А вы не бойтесь! Чего бояться то? Господи!... Вишь, на насъ лица нѣтъ!... До увиданья, барышня, будемъ радости ждать!...

Сеня низко поклонился Катѣ и пошелъ къ воротамъ.

— Ну, што, молодецъ? спросилъ дворникъ, выпуская Сеню въ калитку.

— Ангель, братъ, ваша хозяйка, ей Богу, ангель!... Пять цѣлковыхъ дала нонѣ, да завтра приказала придти: «кое-что, говорить, изъ одежды дамъ».

— Добрѣющая, братъ, она у насъ!... А вѣдь съ тебя на чайкъ, молодецъ, надо бы....

— Это какъ есть!...

Сеня досталъ кошелекъ. «А вѣдь мужикъ-то нуженъ будетъ, коли затѣя моя удастся! подумалъ онъ». Вишь, у нихъ ворота то съ кой поры запираютъ, а птичку-то выпускать, пожалуй, и ночью придется....

— Да знаешь что, любезный: пойдѣмъ со мной чай пить? Ты теперича доложилъ обо мнѣ, пустилъ во дворъ, завтра опять впустишь,—долженъ же я поподчивать тебя! сказалъ Сеня.

— Гмъ!... Ладно то бы эфто, ладно, да вишь ты!...

— Одинъ ты, что ли?

— Дворникъ то я одинъ, всегда у воротъ нахожусь.... Есть у насъ черные дворники, а вишь ты, снѣтъ они....

— Разбуди, ничего!... Ну, дай ему вотъ пятакъ на стаканчикъ....

— Рази што.... Такъ я сейчасъ приду. Ты куда пойдешь-то?

— А вотъ тутъ, недалече, трактиръ, насупротивъ краснаго-то дома....

— Ну, иди, заказывай, а я сейчасъ прибѣгу....

«Угостить его чередомъ надо: сильно пригодится парень, ежели что будетъ!» думалъ Сенья, неторопливо пробираясь по узкимъ тротуарамъ Грибоѣдовскаго переулка къ трактиру.

XII.

Не красно было написано письмо Григорья Степановича Волкова, да задумчиво, и Катя поняла его своимъ чуткимъ сердцемъ....

Всю ночь, послѣ свиданія съ Сеней, не спала настрадавшаяся дѣвушка; много думъ прошло въ молодой головкѣ; цѣлые потоки слезъ пролились на пуховую подушку; горяча была молитва дѣвушки предъ иконой Богородицы, которой благословила ее умирающая мать, и къ утру икона эта была снята со стѣны, вынута изъ массивной кіоты и уложена въ небольшой чемоданчикъ, давно какъ-то купленный Катей для путешествія на богомолье; въ тотъ-же чемоданчикъ положено было нѣсколько завѣтныхъ вещицъ, платье любимое, бѣлье кой-какое....

Чемоданчикъ былъ завязанъ въ узелъ, и тамъ же лежала записочка. Въ запискѣ было сказано:

«Я люблю васъ и считаю за добраго человѣка, вы не обидите меня.... Поручаю себя Владычицѣ Небесной и иду къ вамъ....

Завтра, въ десять часовъ вечера, ждите, я выйду.... Если обманете меня—я умру, и вамъ будетъ грѣхъ. До свиданья. К. С.»

Точно приговоренная къ смерти, ходила Катя весь день послѣ этого утра.

— Что съ тобой, Катенька? Видно, тебѣ очень нездоровится, голубушка? спросила Марья Максимовна, входя утромъ въ комнату племянницы и съ участіемъ глядя на Катю.

— Нѣтъ, ничего, тетя.... Такъ что-то....

— Какое, ничего, милая! Смотри, на тебѣ лица нѣтъ!... Не послать-ли за докторомъ?

— Нѣтъ, не надо, милая!... Мнѣ скучно, тетя, тяжело такъ.... Вотъ я скоро и уйду отъ васъ.... Прощай же милая, дорогая тетя!...

Катя бросилась на шею Марьѣ Максимовнѣ и заплакала.

— Полно, голубушка моя, полно!... Вѣдь не сейчасъ ведутъ тебя подъ вѣнецъ-то, еще поживемъ вмѣстѣ!... Да и замужъ отдадутъ, такъ въ одномъ городѣ жить будемъ....

Тетка усадила Катю на диванъ и стала гладить ея длинные, мягкіе, какъ шелкъ, волосы.

— Одѣнься, милая, да поѣдемъ въ городъ: купимъ что-нибудь; обновку себѣ какую-нибудь выберешь....

— Нѣтъ, тетя, мы сегодня не поѣдемъ, милая: мнѣ все-таки нездоровится немного....

— Лучше провѣтришься, освѣжишься....

— Нѣтъ, милая!

— Ну, какъ хочешь, я не неволю.... Чай пойдешь ешуть?

— Пойдемте, тетя....

— Зачѣмъ это ты, Катенька, икону-то выпула изъ кіоты?

— А я хочу.... Надо отдать ее чистить, потускла очень....

— А! такъ давай, я пошлю кого-нибудь.

— Нѣтъ, милая тетя: мы завтра поѣдемъ, такъ я сама завезу, попрошу получше сдѣлать....

— Ну, хорошо. Пойдемъ чай кушать....

Всегда ласковая съ теткой, Катя въ этотъ день особенно ласкалась къ ней и принималась плакать не одинъ разъ. Марья Максимовна приписывала и эти ласки, и эти слезы скорой разлукѣ и не желанному жениху, и съ особой нѣжностію относилась къ племянницѣ, что еще сильнѣе мучило ее. «Хоть бы она побранила меня, посердилась, все бы мнѣ точно легче было!» думала она.

Отецъ ей представлялся, точно въ тяжеломъ снѣ, гнѣвнымъ, страшнымъ, проклинающимъ ее, и при мысли объ немъ являлось скорѣе чувство страха, ужаса, чѣмъ жалости. «А потомъ онъ простить меня!» думала она. «Вѣдь, увидить Гришу потомъ, полюбить его!... Онъ простить, простить!...»

Часовъ около четырехъ Катѣ доложили, что пришелъ вчерашній молодецъ, «который на приданое сестрѣ просилъ».

У Кати подкосились ноги.

— Хорошо.... Скажи, чтобъ подождалъ, я сама выйду къ нему.... Тетя гдѣ?

— Отдыхаютъ въ мезонинѣ....

— Такъ пусть онъ войдетъ сюда....

Когда Сеня вошелъ, въ сопровожденіи горничной, въ комнату, Катя стояла на колѣняхъ передъ образомъ.

— Вотъ тутъ, что я обѣщала, сказала она, быстро поднимаясь съ колѣнъ, указывая на узелъ. Отдайте.... Благослови Богъ это дѣло.... Грѣхъ, большой грѣхъ, если вы обманываете меня!...

Сеня взявъ узелъ и обернулся лицомъ къ иконамъ.

— Вотъ на семъ самомъ мѣстѣ пусть меня разразитъ Царица Небесная, если у насъ есть намѣреніе обмануть васъ! торжественно проговорилъ онъ.

Горничная стояла тутъ-же, а ему еще много хотѣлось сказать Катѣ.

— Не съ обманомъ сюда шелъ я, и не у меня, ни у того, кто просить милости вашей — дурнаго и въ помышленіи нѣтъ!... Прощайте, дай вамъ Богъ счастья....

Сеня поклонился и вышелъ, кинувъ значительный взглядъ на Катю.

— Вотъ я получилъ, братъ, обѣщанное! сказалъ онъ дворнику. —
Пойдемъ опять въ трактиръ, надо тебя угостить....

— Да ужъ мнѣ и зазорно: все угощеніе, да угощеніе....

— Э, полно!... Пойдемъ-ка, пріятель, скорѣй, а то мнѣ некогда, вонъ много дѣла есть!

Черезъ часъ дворникъ вернулся изъ трактира, очень пьяный. Пошатываясь, прошелся онъ по двору, что-то бормоча подъ носъ и размахивая руками, потомъ вышелъ за ворота и сѣлъ на лавочку.

— Нѣтъ, братъ Иванъ, ты тово, подумай объ эфтомъ дѣлѣ! бормоталъ онъ, обращаясь къ себѣ. — Ты теперича дворникъ — долженъ ты хозяина соблюдать? Долженъ, потому ты хлѣбъ яво ѣшь и все такое!... Да.... они таперича што затѣяли? Гмѣ!... Катерину Петровну нашу убѣгомъ взять!... Она, гытъ, сама тово хочеть и тебя не оставимъ.... Знаю, што не оставитъ!... А оно дѣло неладное, нѣтъ!... Они мнѣ десять цалковыхъ дали и опшо сунили, а все это неладно, ей Богу, неладно!... Скрадутъ они Катерину Петровну нашу, а какіе они люди? Люди они сумнительные, потому тайкомъ дѣло дѣлають? Они, тово, обидятъ ее!... Обидятъ, а меня Петръ Максимычъ обидитъ!... Ой, какъ обидитъ!... «Ты, скажеть, дворникъ»? — Я дворникъ.... Пу, сичасъ въ участокъ!... Нѣтъ-съ, шалишь — я не допущу!...

Дворникъ всталъ, по лицу его разлилась блаженная улыбка.

— А ежели я теперича Сергѣю Иванычу знать дамъ и Григорью Максимычу — они ублаготворять меня!... Тысь, вотъ, какъ ублаготворять!... Плевое дѣло десять цалковыхъ!... «Вотъ, тебѣ, Иванъ, сто цалковыхъ, скажеть онъ»!... Вѣрно!... И я упрежу, ей Богу, упрежу, потому я обязанъ!... Я кто? — Я дворникъ....

Дворникъ вошелъ во дворъ, кликнувъ своего помощника и велѣлъ ему быть при воротахъ.

— А ты куда, дядя Иванъ? Аля спать охота послѣ угощенія-то? спросилъ помощникъ.

— Кто? Я спать?... Ннѣтъ, братъ, шалишь!... Я долженъ соблюдать себя, потому какъ я за старшаго!... Нда!... Я по дѣлу пойду.... Нужно мнѣ, очень, то ись, нужно, и я пойду!... Соблюдать долженъ я дѣло свое!...

Дворникъ рѣшительно махнулъ рукой и быстро зашагалъ по направленію къ Пятницкой улицѣ.

ХІІІ.

Въ то время, когда Катя имѣла свиданіе съ Сеней и отдавала ему узелокъ, Петръ Максимовичъ сидѣлъ у брата въ его конторѣ.

Оба брата были чѣмъ-то взволнованы. Григорій Максимовичъ большими шагами ходилъ по комнатѣ; лицо его было блѣдно, глаза дико блуждали; онъ безпрестанно дергалъ себя за воротникъ сорочки, точно что душило его.

Петръ Максимовичъ сидѣлъ у стола и нервно барабанилъ пальцами по ручкѣ кресла.

— Не то больно мнѣ, что женихъ—прикащикъ, мужикъ,—это ничего, мы тоже не баре какіе, опять же ты всегда можешь его человѣкомъ сдѣлать, ходъ ему дать, а то больно, что человѣкъ нехорошій! говорилъ Петръ Максимовичъ.—Всѣмъ извѣстно, какъ онъ съ первой-то женой жилъ!... Добрая-то слава лежитъ, а худая бѣжить.... Да и кромѣ того не похвалишь парня: ломаетъ изъ себя барина какого-то, манеры представляетъ, а выходитъ одинъ смѣхъ!... Со стороны-то смѣхъ, а родительскому сердцу больно.... Ой, ой, какъ больно!... Откажи ему, братъ, пока еще время не ушло, не губи Катю! съ дрожью въ голосѣ закончилъ Петръ Максимовичъ, и на глазахъ его блеснули слезы.

Григорій Максимовичъ сильнѣе рванулъ себя за воротъ; пуговицы сорочки отлетѣли и покатались по полу.

— Не могу я отказать ему!... Не могу!... какимъ-то хриплымъ голосомъ проговорилъ онъ.

— Да отчего? Скажите, Христа ради!... Что у насъ съ нимъ?... Григорій Максимовичъ остановился передъ братомъ.

— Что? спросилъ онъ упавшимъ голосомъ. — Что?... А то, что ежели я не отдамъ ему Катю твою.... такъ.... такъ въ Сибирь уйду, въ каторгу!...

Петръ Максимовичъ вскочилъ съ мѣста.

— Въ Сибирь?!.. Господи!... За что въ Сибирь?... Какъ?... Что ты сдѣлалъ?...

Григорій Максимовичъ подошелъ къ двери, заглянулъ въ корридоръ и заперся.

— Выслушай, братъ, исповѣдь мою.... Пришло время сказать тебѣ тайну мою! началъ онъ, усаживая брата на стулъ и садясь съ нимъ рядомъ.

— Не мучь, братецъ, Бога ради!... Скажи, что такое стряслось надъ тобой? весь блѣдный, проговорилъ Петръ Максимовичъ.

— Прошлымъ лѣтомъ ѣздилъ я на заводъ свой, началъ Григорій Максимовичъ, — былъ со мной Сергѣй этотъ самый.... Снимали мы у мужиковъ сѣнокосы и, пробывъ тамъ около сутокъ, поѣхали домой. Выѣхали мы съ завода въ самое послѣ обѣда, жара была въ тотъ день страшная, а мнѣ безпримѣнно нужно было въ Москвѣ быть къ вечеру.... Ёдемъ мы этакъ шагомъ, потому у меня кладъ хрупкая такая была: у одного барина, сосѣда по дачѣ моей, посуду старинную я купилъ — знаешь, какъ я охочь до стариннаго-то всего былъ. Ну, и ѣдемъ мы пашкомъ этакъ, Сергѣй править.... Жара — силы никакой нѣтъ! Конь, буланый, въ тѣ поры запряженъ былъ, — бьется, шалить, оводы его донимаютъ, страхъ какъ, да и я заморился очень, и задумали мы переждать въ лѣску гдѣ-нибудь жару это.... Свернули этакъ съ дороги въ перелѣсочекъ, коня отпрягли, а сами чайникъ нагрѣли, — завсегда чайникъ-то со мной въ дорогѣ бываетъ... Сидимъ, чай пьемъ, рому

я выпилъ изъ походной бутылки, и порядкомъ, надо быть, выпилъ, потому въ голову, особливо въ жару-то такую, мнѣ сильно ударило...

Вдругъ слышимъ выстрѣлъ.... Вздрогнули это мы, испугались, а конь пуще нашего испугался, — рванулъ, тарантасъ на бокъ, недоуздокъ порвалъ и убѣгъ.... Зло меня взяло такое — страхъ! Посуду, думаю, разбилъ, а я за нее полтора ста цалковыхъ далъ, да и рѣдкая, думаю, вещь такая; опять-же конь убѣжалъ—гдѣ его искать? Убьется или уйдетъ, конь горячій, дорогой.... Распалило это меня такое зло, да и ромъ-то въ головѣ гулялъ, вскочилъ я.... И выходитъ изъ-за кустиковъ человѣкъ.... Старенькій такой, сѣденькій, одёжка на немъ плохенькая, ружье въ рукахъ.... Бросился я къ нему, со зла-то своего, да какъ свистну его бутылкой по виску — только охнулъ старикъ и упалъ на траву, кровью обливаясь....

— Убилъ?! въ ужасѣ воскликнулъ Петръ Максимовичъ.

— Убилъ....

— Господи, Господи!... Ну, ну!... Потомъ-то что?

— Ну, стою я надъ нимъ, надъ убитымъ, себя не помню, не знаю — сонъ-ли это, правда-ли.... А въ это время по дорогѣ ѣхалъ какой-то молодецъ верхомъ, Богъ его знаетъ, кто онъ такой!... Увидалъ онъ коня нашего и поймалъ его, а поймавши, и привелъ къ намъ.... Увидалъ это все, перекрестился и жалостно такъ говорить мнѣ: «хорошаго, говорить, человека ты убилъ, добраго; я, говорить, зналъ его».... Страхъ меня взялъ, ужасъ, какой-то!... Донесетъ на меня, думаю, человѣкъ этотъ!... Сталъ я ему денегъ давать — не взялъ: «за такое, говорить, дѣло денегъ я не возьму, а молчать, говорить, буду», и велѣлъ мнѣ молиться за душу убитеннаго Степана....

Блѣдный, какъ смерть, слушалъ Петръ Максимовичъ брата, и, когда Григорій Максимовичъ кончилъ и, опустивъ голову на грудь, крѣпко, крѣпко задумался, Петръ Максимовичъ тронулъ его за плечо:

— Ну, чѣмъ все кончилось это, братецъ?

— Дождались мы вечера, сняли со старика одежду и на огонькѣ ее сожгли, а ружье его въ ручьѣ утопили — «ограбили-де старика, люди, молъ, скажутъ».... Закидали его листьями, травой сухой и уѣхали....

Григорій Максимовичъ всталъ.

— Не знаю я съ той поры покою себѣ, братецъ! заговорилъ онъ. — И совѣсть меня мучить, и убитый старикъ всюду передъ глазами у меня, какъ живой, и странно мнѣ!... Страшно грѣха, страшно и суда земнаго!..

Ничѣмъ не запятнано имя мое; родитель, и дѣдъ, и прадѣдъ наши хорошими людьми были, всей Москвѣ извѣстны были, никто дурнаго слова про насъ не смѣлъ сказать, и вдругъ.... И вдругъ поведутъ меня въ халатѣ арестантскомъ, съ тузомъ бубновымъ по городу солдаты.... Съ ворами, съ грабителями поведутъ, кандалы надѣнутъ!... Будутъ смотрѣть на меня люди — вѣдь всѣ знаютъ меня — и скажутъ: «ведутъ Григорья Максимовича Сальникова»!... Убийцу ведутъ! На большой дорогѣ человѣка убили»!... А потомъ Сибирь, каторга!...

Не съ родителями и кости мои положить, а далеко отъ родины, въ сторонѣ, куда воровъ, да разбойниковъ шлютъ — схоронять меня!...

Григорій Максимовичъ зарыдалъ, какъ ребенокъ, и уналъ головой на столъ.

— Я молюсь за убіеннаго мной Степана, панихиды по немъ служу, нищю братію одѣляю, на монастыри жертвую, на себя посты накладываю — авось Господь и помилуется меня, отпустить мнѣ невольный грѣхъ мой; но здѣсь, на этомъ то свѣтѣ, убійцамъ не прощаютъ, судятъ ихъ и караютъ, окаянныхъ!...

Григорій Максимовичъ замолчалъ, склонивъ голову.

— Такъ и пошолъ послѣ того Сергѣй этотъ мучить тебя? тихо спросилъ Петръ Максимовичъ.

— Да.... Сначала онъ деньгами съ меня братъ началъ, какъ въ свой сундукъ, ко мнѣ ходилъ; пошвыривать ими сталъ, безобразія заводить.... Потомъ въ главные прикащики сталъ проситься, а ужъ послѣ того, какъ овдовѣлъ онъ, и Катю за себя сватать сталъ.... Пришелъ ко мнѣ одинъ разъ и говорить.... Эхъ, ужъ не поминать лучше!... Братъ, отдай за него дочь, пощади ты мою старость, не дай на позоръ мою сѣдую голову, не губи меня, братъ!... Она добрая, Катя твоя, она смиритъ его, уласкаетъ, человѣкомъ, авось, сдѣлается.... Я буду за нее молиться, братъ, въ монастырь уйду, все добро свое ей отдамъ!...

Петръ Максимовичъ глубоко вздохнулъ.

— Судьба ее, видно, такал, братъ,—пусть идетъ!... Только мало надежды на счастье съ этимъ человѣкомъ!... Ты бы далъ ему денегъ, братъ, пусть бы ѣхалъ куда-нибудь, дѣло бы свое завелъ....

Григорій Максимовичъ махнулъ рукой.

— Все давалъ! воскликнулъ онъ.—И слышать не хочетъ: подавай ему Катю,—красавица вишь она!... Онъ знаетъ, что она одна у насъ, и все равно—послѣ смерти нашей ей все достанется....

Петръ Максимовичъ хотѣлъ что-то сказать, но въ это время постучались въ дверь.

Григорій Максимовичъ отперъ.

— Что тебѣ? спросилъ онъ вошедшаго конторщика.

— Пришелъ тамъ дворникъ отъ Петра Максимовича, очень, говоритъ, нужно зачѣмъ-то видѣть васъ....

— Что такое случилось? тревожно спросили оба брата.

— Не знаю-съ, пожалуйста къ Сергѣю Ивановичу во флигель: они туда дворника-то позвали, а меня за вами послали-съ...

— Пойдемъ, братъ, сказалъ Григорій Максимовичъ.—Что тамъ еще у тебя.... Не съ Катюшей-ли развѣ что?...

Оба брата поспѣшно вышли изъ комнаты, въ сопровожденіи конторщика.

XIV.

Было часовъ десять вечера.

По Большой Ордынкѣ мелкой рысью ѣхала лихая тройка, запряженная въ большія сани. Подъѣхала къ Грибоѣдовскому переулку, ямщикъ сдержалъ лошадей и обернулся къ двумъ сѣдокамъ, которые сидѣли въ саняхъ.

— Тутъ, што-ли, ждать-то будемъ?

— Да тутъ, отвѣтилъ одинъ изъ сѣдоковъ. — Я пойду туда одинъ, выведу пташку нашу и сюда приведу пѣшкомъ, а то на коняхъ-то къ воротамъ ѣхать несподручно: замѣтно очень будетъ....

— Сеня, голубчикъ, страшно мнѣ что-то! сказалъ другой сѣдокъ.

— Вона!... Ужъ коли затѣяли дѣло, такъ робѣть нечего, Григорій Степанычъ, а надо кончать его!... Вы ждите тутъ, а то и проѣхать подальше не мѣшаетъ, да коли я замѣшкаюсь—вы не тревожьтесь, потому, можетъ, и задержка какая выйти.... Ну, я пойду съ Богомъ.... Ждите двоихъ!... Салопъ-то приготовьте закутать ее, а то, чай, въ какой-нибудь легкой шубѣ выйдетъ—некогда будетъ долго-то одѣваться!... Ну, до увиданья!...

Говорившій эти слова, сбросилъ съ себя въ сани барашковый тулупъ и, оставшись въ одной коротенькой поддѣвкѣ, проворно пошелъ въ Грибоѣдовскій переулокъ, а тройка шагомъ пошла вдоль по Ордынкѣ.

Читатели, конечно, догадались, что это были Григорій Степановичъ Волковъ и Сеня.

Дойдя до воротъ Сальниковскаго дома, Сеня осторожно постучалъ въ калитку.

— Кто тамъ? вполголоса окликнулъ его дворникъ.

— Я, братъ, за птичкой пришелъ—отвори! отозвался Сеня.

Щелкнулъ желѣзный засовъ, и калитка отворилась.

— Входи сюда, молодецъ, выйдешь, чай, скоро; съ полчаса ужь огонь у хозяевъ-то погасили, спать всё легли, сказалъ дворникъ, впуская Сеню въ ворота и захлопывая калитку.

— Тихе, дядя!... погоди, зачѣмъ ты калитку-то запираешь?...

— А ужь такъ нужно, другъ любезный! проговорилъ дворникъ и повернулъ ключъ во внутреннемъ замкѣ калитки.

— Продашь, видно, чертовъ сынъ! съ бѣшенствомъ проговорилъ Сеня и хотѣлъ было схватить дворника за руку, но тотъ бросился на него, а изъ угла дворницкой сторожки выскочили оба Сальниковы и схватили Сеню сзади.

Въ одинъ моментъ, ударомъ ноги сшибъ Сеня съ ногъ дворника и, тряхнувъ плечами, вырвался изъ рукъ Григорія Максимовича, который, какъ желѣзными клещами, держалъ его повыше локтей...

— Не подходи, купецъ, убью! крикнулъ Сеня и выхватилъ изъ кармана привязанную на ремень гирьку.

— На такія дѣла, все равно, что на кражу, съ пустыми руками не ходять! проговорилъ онъ, задомъ пятясь къ воротамъ.

— Не уйдешь братъ: заперто!... Не пустимъ живаго!... Ребра переломаетъ! крикнулъ Григорій Максимовичъ и опять было бросился къ Сенѣ.

— Стой, купецъ! вдругъ воскликнулъ Сеня и шагнулъ впередъ....

Григорій Максимовичъ вдругъ отступилъ назадъ и, дрожа всѣмъ тѣломъ, смотрѣлъ на Сеню, отстраняя рукой бросившагося было на него дворника.

— Узналъ, знать, и ты меня? проговорилъ Сеня. — А я тебя сразу узналъ, хоть и не видалъ съ той поры, какъ лѣтомъ на Калужской дорогѣ встрѣтилъ.... Вотъ, гдѣ Богъ встрѣтиться-то привелъ!... Не ждалъ, не гадалъ, а привелось увидеть еще разъ.... Такъ, вотъ, кто Григорій-то Максимовичъ Сальниковъ!...

— Оставьте его! оставьте! сказалъ Григорій Максимовичъ и взялъ Сеню за руку. — Это ты?... Тамъ, на Калужской дорогѣ.... Господи, Господи, еще свидѣтель!...

Петръ Максимовичъ и дворникъ съ недоумѣніемъ смотрѣли на эту сцену.

— Пойдемъ сюда, молодецъ, пойдемъ! заговорилъ Григорій Максимовичъ и повелъ Сеню въ дворницкую сторожку. — Братъ, иди съ нами, иди!... А ты....

Григорій Максимовичъ обернулся къ дворнику.

— А ты пди въ домъ къ Сергѣю Иванычу.... Скажи ему, что мы идемъ сейчасъ.... Поймали, скажи.... Взяли.... Иди, иди скорѣй!...

Дворникъ бѣгомъ побѣжалъ къ дому.

— Эка встрѣча, Господи! воскликнулъ Сеня. Ну, дѣло!... Пойстой, постой.... Теперь я понимаю, почему за прикащика то сердешную Катерину Петровну неволей выдаютъ: этотъ прикащикъ-то тотъ самый парень, который тогда тамъ на дорогѣ былъ?... А, разбойникъ, вотъ онъ што задумалъ!... Ну, нѣтъ, погоди теперь!...

— Да, да, за того за самага выдаемъ ее!... А ты кто? Какъ ты знаешь Катю? Давно-ли она любитъ тебя? на перебой спрашивалъ Сеню Григорій Максимовичъ, почти безумными глазами смотря на него и не переставая дрожать всѣмъ тѣломъ.

— Гдѣ намъ, Григорій Максимычъ, любить такихъ!... Не меня любитъ Катерина Петровна ваша, а хозяина моего, коломенскаго кунца, Григорія Степановича Волкова... А я.... не взыщите ужъ! — Хотѣлъ украсить ее, чтобъ не доставалась она кровопійцѣ этому, Сергѣю Ивановичу вашему, который свою жену въ могилу вогналъ!... Да теперь, авось, и воровать не нужно будетъ....

— Господи, что дѣлается только у насъ?! воскликнулъ Петръ Максимовичъ.

— Молодецъ, обратился онъ къ Сенѣ, — скажи ты, Бога ради: какъ-же спозналась моя дочь съ хозяиномъ твоимъ? Давно-ли? Кто онъ? Гдѣ онъ теперь?...

— Все узнаете, Петръ Максимовичъ! Самъ хозяинъ придетъ къ вамъ, попроситъ отпустить ему вину его невольную — что тайно

хотѣлъ увезти дочь вашу, и сватовъ пришлетъ.... За него-то ладнѣй отдать, чѣмъ за Сергѣя этого проклятаго!...

— Нельзя, нельзя этого! заговорилъ Григорій Максимовичъ. Онъ не такой, какъ ты, онъ донесетъ на меня, погубить.... Господи! Да что-же это за мука такая!... Не сонъ-ли это тяжелый!...

— Донесетъ? спросилъ Сеня, кто донесетъ? Сергѣй-то вашъ?... Да развѣ онъ не причастенъ къ дѣлу тому? Развѣ онъ не уложилъ свою жену въ гробъ побоями лютыми?... Ха, ха! Донесетъ!... Свою-то бы шкуру онъ поберегъ хорошенько, а не то, что доносить!... Увидать бы его мнѣ только.... Не горюйте, Григорій Максимовичъ, не горюйте и вы, Петръ Максимовичъ: все это, видно, такъ Богомъ суждено, и худаго тутъ ничего нѣтъ!... Обо всемъ этомъ дѣлѣ ни одна душа живая не узнаетъ, и пойдетъ все, какъ у добрыхъ людей бываетъ: нежеланнаго жениха со двора долой и, коли угодно будетъ, хозяина моего затѣмъ возьмете.... Хорошій человекъ мой хозяинъ, и лучше его не найти вамъ жениха для Катерины Петровны, ей-Богу, такъ!... А то дѣло, на Калужской-то дорогѣ—забудьте, Григорій Максимовичъ!... Простить вамъ его Богъ за добродѣтель Катерины Петровны, а люди не узнаютъ ничего, потому я не скажу никому, а Сергѣй.... ему самому до себя будетъ!...

Странную картину представляли эти три человекъ на пустынномъ дворѣ Сальниковаго дома!...

Сеня, красный отъ волненія, разгорѣвшійся, не смотря на довольно морозный вечеръ, стоялъ въ своей коротенькой поддѣвкѣ, въ надвинутой на бокъ барашковой шапкѣ, ловкій, смѣлый, бойкій, и горячо говорилъ, забывъ только что минувшую опасность и думая только о своемъ другѣ-хозяинѣ.

Петръ Максимовичъ задумчиво поглаживалъ бороду и тоже забылъ, кажется, что онъ на дворѣ, въ одномъ легкомъ пальто, весь отдавшійся думамъ, а его братъ, то блѣднѣя, то вспыхивая яркимъ румянцемъ, напряженно слушалъ Сеню, и когда тотъ кончилъ, схватилъ его за руку и дрожащимъ отъ волненія голосомъ сказалъ:

— Спаси же насъ, молодецъ!... Избавь отъ врага лютаго!... Пойдемъ въ горницу, пойдемъ.... Онъ тамъ, съ ней, съ Катей!... Братъ! можетъ, самъ Богъ послалъ намъ этого человѣка!... Пойдемте, пойдемте туда!...

XV.

Въ бархатной коротенькой шубкѣ, повязанная маленькимъ платочкомъ, сидѣла Катя въ гостиной на диванѣ, пойманная предупрежденнымъ женихомъ, въ тотъ самый моментъ, когда она хотѣла выходить изъ дому.

Катя не плакала. Крѣпко стиснувъ руки, устремивъ глаза въ одну точку, сидѣла она недвижимая, какъ статую, и только высоко поднимающаяся грудь показывала, что это живой человѣкъ. Прижавъ головой къ столу, тутъ-же сидѣла Марья Максимовна и негромко рыдала.

Былъ тутъ и оскорбленный женихъ. Заложивъ руки въ карманы модныхъ свѣтло-сѣрыхъ брюкъ, стоялъ онъ посреди комнаты и, весь красный отъ волненія и вынутаго «для успокоенія нервовъ» вина, извиль, и Катю, и ея тетку злыми, ядовитыми словами.

— Вотъ онъ, дочери-то богачей, смиренницы-то, затворницы-то!... Словно послѣдняя дѣвка деревенская, съ какимъ-то прохвостомъ бѣжать задумала!.. Эхъ, вы-съ, полюбовница прикащичья!.. Чѣмъ же это-съ мы-то не любимъ вашей милости? Денегъ у насъ мало-съ? Собой не взяли? Ловкости достаточной нѣтъ?... Почише васъ не побрезговали бы нами-съ! Али мы задумали честно, благородно дѣло устроить, такъ вамъ это противно? Лучше, должно быть, убѣгомъ - то уйти за какого-нибудь сиволанаго мужика-съ!... А вотъ, жениху этому вашему ребра посчитаютъ путемъ, да въ участокъ отправятъ... Ха, ха, ха!... Вотъ будетъ женихъ важ-

ный-съ!... Да и вашей милости достанется на орѣхи-съ, да-съ!.. Тятенька-то, видно, потворщикъ у васъ, вродѣ тетеньки вотъ эфтой, которая не смогла усмотрѣть за вами-съ, ну, такъ мы съ дяденькой озаботимъ себя науку то вамъ надлежащую сдѣлать!... На мои бы руки за эту музыку— я бы сдѣлалъ сюрпризъ!.. Да-съ... Позвалъ бы бабъ, поздоровѣй которыя, разложили бы, да всыпалъ бы сотню горячихъ!... Шкуру бы спустилъ!...

Лицо Сергѣя Ивановича перекопилось отъ злобы; онъ сдѣлалъ два шага къ Катѣ.

— Тетя, тетя, боюсь!.. Онъ бить меня хочетъ!... крикнулъ въ ужасѣ Катя и прижалась къ спинѣ дивана.

— А, боюсь теперь!... А бѣгать съ любовникомъ не боишься? Погоди, голубушка, погоди! проищишь Сергѣй и отошелъ отъ Кати.

По залѣ раздались поспѣшные шаги нѣсколькихъ человѣкъ.

— А-а! воскликнулъ Сергѣй. — Видно, сюда ведутъ молодца-то... Повидайтесь съ нимъ!...

Катя порывисто вскочила съ дивана и впиалась глазами въ дверь... На лицѣ ея изобразилась страшная тревога и отчаяніе.

Распахнулась дверь, и въ гостинную вошелъ Сеня; сзади шли отецъ и дядя Кати.

Сергѣй быстро пошелъ было на встрѣчу, но въ двухъ шагахъ не доходя до Сени, остановился, точно пораженный чѣмъ то, и вперилъ въ него изумленные глаза. Остановился и Сеня.

— Вотъ онъ женихъ-то кто! улыбнулся Сеня. — Добраго здоровья, Сергѣй Ивановичъ, какъ поживать изволите?... Супругу-то покойницу поминаете-ли! Не очень-ли грустите по ней?... Что смотрите? Не узнали, ваше степенство!.. Нѣтъ, я такъ сразу узналъ....

Сеня обернулся къ Петру Максимовичу.

— Прикажете, Петръ Максимовичъ, сестрицѣ вашей увести отсюда Катерину Петровну: кой объ чемъ поговорить нужно съ

женихомъ-то; да такое поговорить, что невѣстѣ, можетъ, и неприятно будетъ....

— Сестра, иди на верхъ... Иди, Катя, и ты, иди, проговоришь Петръ Максимовичъ, подходя къ дочери.

Нетвердой походкой вышла Катя изъ гостиной, бросивъ умоляющій взоръ на отца. Марья Максимовна послѣдовала за ней.

Сеня, по уходѣ Кати съ теткой, вплотную подошелъ къ Сергѣю Ивановичу и взялъ его за руку. Поморщился оторопѣлый женихъ отъ желѣзной руки Сени, которая сдавила ему кисть, и опустили глаза подъ сверкающимъ взглядомъ Сени.

— Жениться вздумалъ! заговорилъ Сеня. — Доносомъ хозяина напугалъ? Страхомъ каторги заставилъ ангела Божіа, Катерину Петровну, за себя выдать?... А самъ ты не былъ въ дѣлѣ-то въ томъ, на Калужской-то дорогѣ, участникомъ? Не виѣстѣ старика-то зарывалъ? Ахъ ты, воровская душа!... Да погоди, не рвись, не коси глаза-то — не страшно!... А отчего же тогда не донесъ на хозяина!... Поди, доноси теперь... Скажутъ тебѣ: а гдѣ ты раньше былъ? Чего молчалъ до той поры, пока тебѣ, жениху не-прошенному, дверь показали?..

— А ты... ты отчего не донесъ? весь блѣдный, спросилъ Сергѣй, ежась отъ могучаго пожатія Сениной руки.

— Я-то? Я, братъ, не зналъ, кто вы, не на кого и доносить мнѣ было. Да... пока я доносить-то ѣздилъ—вы ужь уѣхали, слѣдъ вашъ простылъ!.. Что, другъ, опѣшилъ?... Вотъ теперь я, какъ узналъ, такъ донесу!.. Хозяинъ-то твой, подъ горячій часъ, хмѣльной, человека убивши, добро началъ творить, добрыя дѣла дѣлать и ужь, можетъ, замолилъ грѣхъ свой у Бога.... А ты?... Ты не доносилъ на него изъ корысти, сокъ пилъ изъ хозяина своего, а потомъ задумалъ голубку чистую въ свое гнѣздо воронье затащить... Была у тебя, песъ, и раньше голубка, да заклевалъ ты ее!...

Глаза Сени засверкали дикой злобой; красивые черты открытаго лица его исказились бѣшенствомъ!...

— Что ты съ женой-то сдѣлалъ?... Задумалъ Катерину Петровну за себя взять, красотой ея, да деньгами прельстился и сталъ тиранить жену свою кроткую, да тихую!...

Тиранилъ ее день и ночь, не одну плеть измочалилъ объ нее, не одну метлу исхлесталъ и добился своего — вколотилъ ее въ гробъ... И вдовымъ сталъ, другую жену задумалъ взять!... Песъ ты смердящій, песъ!.. На тебя-то коли донести, да 'старога садовника, который слушалъ по ночамъ стоны жены твоей сердешной, свидѣтелемъ поставить, да ее, покойницу жену твою, изъ могилы вырыть—тебя мало повѣсить, разбойника!... Да не бойся; не донесу на тебя!... Не донесу, Сергѣй Ивановичъ, московскій купецъ богатый, а самъ съ тобой счеты сведу, долженъ ты мнѣ: жена твоя, Марья Васильевна, покойница, любила въ дѣвицахъ молодца одного, и мыслилъ тотъ молодецъ съ ней счастье найти, да уѣхалъ въ дальнюю сторону, и отдали ее силой-неволей за тебя, на потѣху, на страду!.. Молодецъ-то тотъ—я, Сергѣй Ивановичъ, и ужъ я самъ сведу съ тобой счетъ, и за себя, и за нее, и за Катерину Петровну!...

Не попадая зубъ на зубъ, трясаясь всѣмъ тѣломъ, съ помутившимися глазами, слушалъ Сергѣй Сению, и ни однимъ звукомъ не отвѣтилъ, когда тотъ кончилъ и оттолкнулъ его отъ себя.

— Прикажете, Петръ Максимовичъ, честь честью проводить жениха, обратился Сѣня къ Петру Максимовичу.

Сергѣй задрожалъ еще сильнѣе и посмотрѣлъ кругомъ.

— Что трясешься то? насмѣшливо спросилъ его Сѣня. — Не бойся: бить не будутъ тебя!.. Женихъ Катерины Петровны съѣдетъ со двора честью, только назадъ-то не вернется!...

Невѣрными шагами, точно пьяный, вышелъ Сергѣй изъ гостиной, не поклонившись хозяевамъ, и какъ-то пугливо, по заячьи косясь на Сению...

— Господи! Господи! прошепталъ Петръ Максимовичъ, садясь на стулъ.

Братъ его медленно подошелъ къ нему и, опустившись на колѣни, поклонился въ ноги.

— Прости Христа ради, братецъ, за грѣхи мои окаянные!... Спасая свою грѣшную голову, хотѣлъ я погубить дочь твою невинную!... Прости, братъ!...

Петръ Максимовичъ поднялъ брата и поцѣловалъ его.

— Полно, братъ, Богъ съ тобой!.. Не легко и тебѣ было, сердешному!.. Молодецъ, обратился Петръ Максимовичъ къ Сенѣ, — ты вызволилъ насъ изъ бѣды удачью своей, да умомъ....

— Полно вамъ хвалить меня, Петръ Максимовичъ! перебилъ Сеня, махнувъ рукой. Простите меня за тревогу, за намѣренье мое... Прощенья просимъ пока—хозяинъ, ой-ой, какъ ждетъ чай меня!.. Завтра онъ къ вамъ свата пришлетъ, коли милость ваша будетъ....

— Не надо свата! воскликнулъ Петръ Максимовичъ. Пусть хозяинъ твой жалуется къ намъ завтра чай кушать... Видно, Богомъ суждено -- быть ему зятемъ моимъ!... Суженаго конемъ не объѣдешь!... Пріѣзжай и ты съ нимъ....

— Гмъ!.. Не прикащичье дѣло съ хозяевами невѣсть смотрѣть ѣздить, да ужь коли вы не брезгуете, да хозяйская воля будетъ—я пріѣду.... До свиданья, Петръ Максимовичъ, до свиданья, Григорій Максимовичъ!.. Успокойте Катерину-то Петровну: куда какъ тяжело чай, ей бѣдной!..

— А какъ же этотъ-то... Сергѣй-то какъ? спросилъ Григорій Максимовичъ, глядя то на брата, то на Сеню.

— Сергѣй-то? А Сергѣй вашъ будетъ думать теперь, какъ бы ему башку свою сберечь... Не сберечь ему только се!... Позовите вы работниковъ и велите его со двора метлой проводить, а тамъ... тамъ ужь я сведу съ нимъ счеты! проговорилъ Сеня, мрачно сверкнувъ глазами.

— А если онъ... Если онъ помѣняетъ радости наней и... и донесетъ на меня, себя не сберегал...

— Ха, ха, ха! засмѣялся Сеня. Это онъ-то? Полно вамъ, Григорій Максимовичъ! Трусливъ Сережка, какъ заяцъ, а блудливъ, какъ кошка... нѣтъ, не какъ, кошка, а какъ волкъ зубастый!... Нѣтъ, не бойтесь этого, Григорій Максимовичъ. Такъ, до свиданія, мое вамъ почтеніе глубокое!

Сеня поклонился и торопливо вышелъ.

У воротъ онъ встрѣтилъ дворника и, взявъ его за окладистую рыжую бороду, крѣпко потрясъ ее.

— Слѣдовало бы тебя, рыжій шутъ, поучить за продажу твою, да ужъ Богъ съ тобой—дѣло-то не такъ вышло!

И Сеня вышелъ изъ воротъ.

XVI.

Предоставимъ Сенѣ объяснять Григорью Степановичу, чѣмъ и какъ кончилось дѣло похищенія Кати, и расскажемъ читателю въ краткихъ словахъ исторію Сениной любви.

Года за два до описанныхъ въ предыдущихъ главахъ событій, Сенѣ приходилось бывать по дѣламъ торговли въ селѣ Черкизовѣ, Московскаго уѣзда. Приставалъ онъ тамъ постоянно у крестьянина этого села Василья Прохорова; приставалъ не с проста: очень правилась ему дочка Василья Прохорова — Маша. Тихая, кроткая, почти красавица собой, Маша крѣпко пришлась по душѣ пылкому молодцу! Сеня, — бойкій, разбитной, ловкій, подчасъ дерзкій на языкъ, — никогда не былъ нахаленъ съ женщинами вообще, а нѣжная, стыдливая Маша тѣмъ болѣе возбуждала въ немъ чувство невольнаго уваженія и, любя ее, онъ долго ничего не говорилъ про свою любовь, но одинъ разъ замѣтилъ, что дѣвушка какъ-то

особенно смотрѣла на него, и когда онъ поймалъ этотъ взглядъ — покраснѣла; онъ понялъ, что и она не совсѣмъ равнодушна къ нему, а понявъ это, открылъ и свою душу. Просто объяснились молодые люди и стали любить другъ друга, но любовью чисто платонической, что рѣдко бываетъ у простаго народа.

Поцѣлуи при встрѣчѣ и проводахъ, горячія рѣчи, прогулка въ какуюнибудь рошу вечеромъ—и только. «Она будетъ моею, лебедка бѣлая, думалъ Сеня, женюсь, Богъ дастъ, на ней, дѣла свои устроивши, молодаго хозяина на ноги поставивши!» и терпѣливо ждалъ желаннаго дня.

Проживъ такимъ образомъ съ Машей около году, Сеня долженъ былъ ѣхать въ Оренбургъ, куда посылалъ его хозяинъ; поѣздка должна была продолжаться мѣсяцевъ пять, шесть, а къ дѣвушкамъ стали ужъ и женихи свататься.

«Эхъ, плохо дѣло!» думалъ Сеня и загрустилъ не на шутку. Жениться сейчасъ же было невозможно — дѣла не такъ шли, а ждать.... Кто знаетъ, что случится въ эти пять, шесть мѣсяцевъ?

Сеня рѣшился посвататься къ Машѣ съ тѣмъ, чтобы играть свадьбу подождать.

Отецъ дѣвушки выслушалъ рѣчи Сени и задумчиво началъ тербить бороду.

— Парень ты, Сенюша, хорошій, добрый; заговорилъ онъ, — оно не больно ты въ капиталѣ, штобы очень, по случаю дѣловъ-то хозяйскихъ, ну да эфто ничаво, съ Божіей помощью поправишься, а вотъ, што неладно: ждать-то больно долго, голова! Прождемъ мы тебя, жениховъ со двора ссылатъ будемъ, а ты насъ обманешь—тогда,—какъ? Вѣдь дѣвкѣ позоръ, другъ!

— Я обману? Никогда я, Василій Прохорычъ, никого не обманывалъ, а ужъ тебя, въ такомъ дѣлѣ и подавно не обману!... Коли по душѣ говорить—братъ твоей Марьи Васильевны я и не видывалъ, и больно она мнѣ по мыслямъ приплась.... Никогда

не обману, вотъ, тебѣ моя клятва передъ Господомъ! горячо произнесъ Сеня.

— Ты этого, молодецъ не говори! тропуль степенный мужикъ Сеню за плечо. Въ жизни-то чего не бываетъ, другъ! Не то что дѣвку обманешь, а отца роднаго проведешь! Да... Опять же голы-то наши въ Божьихъ рукахъ: пошѣ ты живъ, здоровъ, а на утро тебя на погостъ повезутъ! Въ мірѣ-то все бываетъ.... А я тебѣ вотъ что скажу: коли любя тебѣ Марья моя—я отдамъ ее за тебя. Ты поѣзжай съ Богомъ по дѣлу своему, по времени письмо спылай, меня Богъ грамотѣ умудрилъ, самъ буду твои записки читать и знать буду, што ты не перемѣнилъ мыслей своихъ и, пріѣхавши, свадьбу сыграемъ, а я повременю малость выдавать-то Марью.... Вотъ, какъ дѣлають по нашему, по мужицки-то. Да... Коли судьба ей, Марьи моей, быть за тобой—будетъ, а коли нѣтъ такой судьбы, и другому она предназначена Богомъ—не быть!... Вотъ, тебѣ мой сказъ, хошь слушай, хошь нѣтъ, а эфто мое послѣднее слово!...

Сеня уѣхалъ.

Еслибъ на пять лѣтъ онъ уѣхалъ и тогда бы не забыть ему ласковыхъ очей зазнобы своей, душевныхъ рѣчей ея, сердца добраго, да, видно, и въ самомъ дѣлѣ «не судьба» была владѣть ему Машей!...

Скитаясь по оренбургскимъ стѣнямъ, проводя одинъ день въ одномъ мѣстѣ, а другой за сто верстъ, въ другомъ, проѣзжая иной разъ по двое сутокъ верхомъ съ гуртомъ скота — не до писемъ ему было конечно, а дѣла задержали гораздо дальше, чѣмъ предполагалась, и.... Маша вышла за другаго!

Сергѣй Ивановичъ Панкратьевъ, тогда еще просто Сергѣй Ивановъ, посватался къ ней, имѣя въ Чиркизовѣ какую то родню и зная Машу, и ее, силой почти, какъ это часто водится, выдали за него. Женихъ онъ былъ ничего, на мѣстѣ на хорошемъ въ

Москвѣ жилъ, парнемъ былъ степеннымъ, да и деньжонки у него водились; скупъ былъ молодецъ и до денегъ охочъ.

Когда Сеня пріѣхалъ, Маши въ Черкизовѣ уже не было!... Узналъ бѣднякъ, что ее выдали въ какую-то дальнюю деревню, что мужъ ее въ Москвѣ живетъ у какого-то Сатина и простился мысленно съ ней. Хотѣлось бы повидать, да гдѣ ее искать будешь? Отецъ къ тому времени умеръ, мать къ ней жить уѣхала, и словно не бывало ничего!...

И вотъ, теперь, узнавая у служащихъ Григорья Максимовича о томъ, что за человѣкъ соперникъ Григорья Степановича, Сеня открылъ въ этомъ соперникѣ и своего разлучника, отнявшаго у него любимую дѣвушку и согнавшаго въ могилу!...

Бесѣдуя одинъ разъ съ садовникомъ Григорья Максимовича, Сеня услышалъ, какъ Сергѣй Ивановичъ мучилъ и тиранилъ покойную жену свою.

— Въ гробъ ее, голубушку, загналъ, злодѣй! говорилъ садовникъ. — Индо ужасъ меня бралъ, какъ послушаешь, бывало, стонъ ея!.. Кровь пилъ изъ сердечной!...

— Да что-же это значитъ? Поведенье, что-ль, плохо было у его жены? спросилъ Сеня.

— У Марьи-то Васильевны? гмъ!.. Да я жъ тебѣ говорю — ангелъ была!

— Какъ ее звали?

— Марья Васильевна звали; изъ села Черкизова!...

— Господи, Боже мой!... Такъ вотъ, кто жена у него была!.. И ее то онъ заколотилъ въ могилу? Анаѣма, волкъ лютый!..

— А ты зналъ, што-ль, ее? спросилъ садовникъ съ удивленіемъ глядя на Сеню.

— Зналъ...

— И я знавалъ ее, въ дѣвицахъ еще когда была; Васильемъ Прохорычемъ отца-то ее звали, мнѣ приводилось бывать въ Черкизовѣ!...

— Она! прошепталь Сеня и, не прощаясь съ садовникомъ, ушелъ.

Ничего не сказалъ онъ Григорью Степановичу про свое открытіе, но поклялся въ душѣ—не только помѣшать выдать Катю за ненавистнаго ему теперь вдвойнѣ Сергѣя, но и отплатить послѣднему за загубленную жизнь дорогой ему женщины....

XVII.

Нельзя узнать было Катю на другой день послѣ того, какъ Сеня выпроводилъ нежеланнаго жениха ея! Точно расцвѣла она, точно оправилась послѣ тяжелой болѣзни! Утромъ же объявилъ ей Петръ Максимовичъ, что она уже не невѣста Сергѣя Ивановича.

— Брату Григорью пришло желаніе не выдавать тебя за Сергѣя Ивановича, сказалъ Петръ Максимовичъ, послѣ первыхъ объясненій, довольно впрочемъ короткихъ, объ ея жаланіи тайно обвинчаться съ Волковымъ.

— Нежелательно видно брату это потому, продолжалъ Петръ Максимовичъ,—что ты опозорила себя, рѣшившись бѣжать изъ родительскаго дома.

— Тятенька, родной, голубчикъ! воскликнула Катя, бросаюсь къ отцу. Простите меня, не корите!... Не было силъ у меня идти за него, постылаго, нелюбимаго!... Или руки на себя наложить, или нѣ быть за нимъ.

— Такъ бѣжать-то было зачѣмъ?

— Голубчикъ, тятенька, я.... я люблю его!

— Любишь!... Эхъ, дочка, дочка, избаловали мы тебя!... Ну, да видно, тому такъ и быть!... Сегодня Волковъ пріѣдетъ къ намъ, и коли онъ понравится мнѣ и брату—мы отдадимъ ему тебя;

охота тебѣ была бросить домъ отцовскій и къ нему бѣжать—иди, и меня не знай!...

Катя точно замерла отъ послѣднихъ словъ отца и, блѣдная, взглянула на него; Петръ Максимовичъ, давно страдающій, давно измученный горемъ дочери, не захотѣлъ больше мучить ее.

— Ну, ладно, Богъ съ тобой! сказалъ онъ, взявъ ее за подбородокъ. — Прощаю тебѣ вину твою!... Досталось тебѣ, дочка, досталось и мнѣ!... Коли любъ тебѣ Волковъ — да благословить васъ Богъ!... Прямо ужь скажу тебѣ, что и мнѣ онъ милѣе прежняго жениха твоего.... Приготовляйся поди—женихъ утромъ будетъ.

И Катя ожила.

Крѣпко билось молодое сердечко при мысли, что вотъ скоро, скоро придетъ и женихъ, женихъ любимый, желанный; женихъ, для котораго было пожертвовано всѣмъ! Блистающая красотой, веселая и радостная стояла Катя въ своей комнатѣ, ожидая призыва идти къ жениху, который уже сидитъ у отца.

Григорій Степановичъ, вмѣстѣ съ Сеней, пріѣхалъ къ Сальниковымъ утромъ. Неловко было ему идти въ домъ, изъ котораго онъ вчера еще только хотѣлъ украсть самый дорогой предметъ, но Сени успокоилъ его.

— Простите меня, Петръ Максимовичъ, за вину мою! заговорилъ Волковъ, входя въ комнату. — Не хватало силъ у меня совладать съ собой, видя, что за немилаго отдають Катерину Петровну!... Случай свелъ меня съ вашей доч рью, и полюбилась она мнѣ, а сердцу не укажешь, Петръ Максимовичъ! Если бы не выдавали ее ни за кого, или бы выдавали за челоуѣка хорошаго, я бы не посмѣлъ дѣлать такъ; но какъ узналъ я чрезъ добрыхъ людей, что за женихъ у ней—нестерпимо стало мнѣ!...

— Ну, оставимъ это, сказалъ Петръ Максимовичъ, кто старое

помянетъ—тому глазъ вонь!... Прошу въ горницы.... Вотъ это братецъ мой, Григорій Максимовичъ, прошу знакомымъ быть!

Григорій Максимовичъ, постарѣвшій за одну ночь, блѣдный и осунувшійся, молча пожалъ руку Волкова.

Когда все усѣлись въ гостинной, и дѣвушка подала чай, Петръ Максимовичъ прямо приступилъ къ дѣлу.

— Не больно ладно зачалось у насъ дѣло, заговорилъ онъ,— да, видно, такъ Богу угодно, и супротивъ Его Святой Воли намъ не идти, стало быть надо и кончать начатое.... Мысль имѣете взять за себя дочь мою, Григорій Степановичъ?

— Если будетъ угодно вамъ и братцу вашему, то осчастливьте— дозвольте зятемъ быть!... Не богатъ я, Петръ Максимовичъ, далеко мнѣ до васъ, и не слѣдъ-бы, можетъ, идти мнѣ къ вамъ въ зятя, но если вы желаете имѣть зятемъ не богача, а человѣка, который-бы далъ счастье вашей дочери, а вамъ-бы почтительнымъ сыномъ былъ, такъ дозвольте мнѣ надежду имѣть.... Худаго чего за мной, кажись, нѣтъ, дѣло свое веду, слава Богу, недурно, и на родинѣ, въ Коломнѣ, полагаю, меня не охаютъ....

— Вѣрно и въ правду, сама судьба дѣло такъ ведетъ, Григорій Степановичъ! сказалъ Петръ Максимовичъ.

— Да, это судьба, братъ! тихо промолвилъ Григорій Максимовичъ. И не намъ, грѣшнымъ, передѣлывать задѣланное ею!... Берите мою племянницу, а его дочь!... Любите ее, она заслуживаетъ этого.... Только вотъ что: вы не прочь будете другое дѣло начать?

— Какое вѣдь дѣло, Григорій Максимовичъ? Я свое-то хорошо знаю и люблю, а впрочемъ, если случай будетъ, я не прочь и другое взять...

— Такъ я передамъ вамъ свое.... У меня Катя единственная наслѣдница, у брата тоже она одна, и мы отдадимъ вамъ все свое дѣло. Вижу я сразу,—привыкъ людей-то отличать—что вы чело-

вѣкъ хорошій и смѣло передаю вамъ все.... У меня домъ, стоитъ онъ пустой—переходите въ него и живите съ Богомъ....

— Не много-ли слишкомъ два-то счастья, Григорій Максимовичъ? Катерины Петровны мнѣ и одной будетъ, а вы правьте своимъ дѣломъ, ума у васъ хватитъ, не занимать стать, а коли помощникъ нуженъ—берите меня!

— Брату помогайте, а я отдохну, будетъ съ меня!... Пора и о душѣ подумать....

Поцѣловались оба брата съ будущимъ зятемъ и помолились Богу.

— Завтра Богъ дастъ, чередомъ помолимся, по обряду, а теперь—просимъ покорно хлѣба-соли отвѣдать.... Эй, кто тамъ?... Позовите сюда Катеньку....

Съ пылающими щечками, взволнованная, но глубоко счастливая вошла Катя въ гостиницу.

— Вотъ, и невѣста, проговорилъ Петръ Максимовичъ, сдерживая улыбку.— Знакомы немного?

— Знакомы, Петръ Максимовичъ! улыбнулся Волковъ, кланяясь Катѣ и тоже сконфуженный.

— Побесѣдуйте пока, а я сію минуту.... Братъ, подь-ка сюда, слово до тебя есть.

Волковъ быстро подошелъ къ Катѣ и взялъ ее за руки.

— Катерина Петровна.... Катя!... Солнышко мое ясное, дорогая моя!... Не во снѣ-ли вижу я это?... Моя, моя будетъ!... Сколько настрадалась-то, моя голубушка!

— Еще бы готова перенести столько-же, лишь бы... лишь бы отдали меня за тебя, мой дорогой, чуть слышно прошептала Ката, любовно смотря на Волкова.

Сеня, сидѣвшій тутъ же, порывисто всталъ. Лицо его было блѣдно, на глазахъ дрожали слезинки.

Волковъ обернулся къ нему.

— Вотъ кто устроилъ наше счастье, Катя! нѣжно проговорилъ Волковъ.— Мало жизни моей, чтобы отплатить ему за все!

— Э, полно вамъ, Григорій Степановичъ! сказалъ Сеня, под-
ходя къ влюбленнымъ.—Поздравляю васъ, Катерина Петровна съ
запорученнымъ женихомъ, а васъ съ невѣстой, да кстати и просьба
у меня есть до васъ: дозвольте мнѣ Оренбургъ ѣхать: нужно тамъ
кончать кое что.... Теперь дѣло на мази—и безъ меня управитесь....

— А на свадьбѣ моей не хочешь пировать, Сеня! съ упрекомъ
сказалъ Волковъ.

— Эхъ, Григорій Степановичъ, тяжело мнѣ на чужое-то счастье
смотреть—свое вспоминается! Нѣтъ, дозвольте ужъ ѣхать.... Стени
увиджу, дороги знакомыя, коней киргизскихъ—авось, отпадетъ отъ
сердца, а то ужъ больно не въ силу приходится!

Глубокое отчаяніе слышалось въ словахъ молодаго человѣка, и
Волковъ понялъ это отчаяніе.

— Если такъ—поѣзжай, Сеня.... А ты не горюй: авось, и
найдешь себѣ по душѣ кого....

— Нѣтъ ужъ, Григорій Степановичъ, счастье дважды не при-
ходитъ!... Было оно у меня, да вырвалъ злодѣй—надо только
размыкать горе теперь!... Прощенья просимъ, Катерина Петров-
на.... Желаю вамъ счастья, да согласія. Можетъ, не увидимся
скоро.... Прощенья просимъ.... Попросите тятеньку простить, что
не отдавъ почтенія ухожу—нездоровится крѣпко....

Сеня поклонился и вышелъ изъ гостинной.

— Что у него за горе, Гриша? спросила Катя Волкова, какъ-то
невольно ласкаясь къ нему и почти противъ желанія называя
«Гришей» и въ то-же время стыдись этого.

— Любилъ онъ тоже одну дѣвушку, Катя, да случилось съ
ней что-то, не то замужъ вышла, не то умерла....

— Бѣдный!.... Не всѣмъ, видно, такое счастье, какъ намъ....
А какой онъ хорошій, добрый?...

— Да, онъ много, много помогъ намъ, Катя!

Еще и еще хотѣли-бы говорить счастливые женихъ и невѣста,
но отецъ и дядя Кати вошли въ комнату.

— Поговорили? улыбнулся Петръ Максимовичъ. Теперь просимъ милости закусить, чѣмъ Богъ послалъ, да о дѣлѣ толковать будемъ... А это вотъ, роспись невѣстина, Григорій Степанычъ....

— Помилуйте, Петръ Максимовичъ!... Не затѣмъ я на самовольное завладѣніе Катерины Петровны посягнулъ, чтобъ ея взять!... Мнѣ нужна не она, а....

— Нѣтъ, погоди. зять будущій! Мы живемъ по старинному, какъ наши отцы жили, и намъ не слѣдъ отступать отъ старины... Получи-ка вотъ. Свахѣ роспись-то отдаютъ, да ты вишь торопливъ больно, безъ свахи дѣло задѣлалъ, самъ и получаешь!... Бери-ка, да пойдемъ....

Въ росписи, рукой самого Петра Максимовича, поверхъ всевозможныхъ вещей изъ женскаго туалета и домашнихъ принадлежностей, было написано: 1) деньгами пятьсотъ тысячъ въ билетахъ и процентныхъ бумагахъ; 2) каменный двухъ-этажный домъ съ надворными къ нему постройками и землей на Пятницкой улицѣ, по дарственной записи отъ дяди, московскаго первой гильдіи купца, Григорья Максимовича Сальникова.

XVIII.

Опустѣлъ флигель въ саду Григорья Максимовича!... Въ тотъ-же день, когда Волковъ, въ качествѣ счастливаго жениха, былъ въ первый разъ у Петра Максимовича, Сергѣй переѣхалъ на новую квартиру, куда-то въ номера. Два нанятыхъ носильщика укладывали его имѣнье на ломовика, а самъ Сергѣй Ивановичъ ходилъ по опустѣлымъ комнатамъ своего флигеля и курилъ сигару за сигарой. Ни одинъ человѣкъ изъ прикащиковъ и работниковъ Григорья Максимовича не пришелъ проститься съ нимъ. Въ конторѣ, въ помѣщеніи прикащиковъ, въ дворницкой—шли различ-

ные толки о такомъ неожиданномъ и скоромъ паденіи любимца. Сперва думали было, что Сергѣй Ивановичъ переѣзжаетъ на новую квартиру, по случаю свадьбы, т. е. переходитъ въ новый домъ, куда и введетъ свою молодую жену, но скоро обнаружилось, что его *прогоняютъ*, его, еще вчера могущественнаго и сильнаго, еще вчера счастливаго жениха хозяйской племянницы-красавицы и богачки! Обнаружилось это такимъ образомъ: рано утромъ Сергѣй Ивановичъ прошелъ изъ своего флигеля въ домъ и спросилъ у находящагося тамъ конторщика—всталъ-ли Григорій Максимовичъ.

— Встали съ; чай у себя въ комнатѣ кушаютъ, пожалуйста....

— Нѣтъ.... Поди, скажи, что я пришелъ и желаю видѣть его, сказалъ Сергѣй.

Конторщикъ, видя каждый день, какъ Сергѣй Ивановичъ безъ всякаго доклада входилъ смѣлой и гордой походкой въ комнаты хозяина, очень удивился. Но ему пришлось удивиться еще больше, видя, что, когда онъ доложилъ Григорію Максимовичу о приходѣ Сергѣя, Григорій Максимовичъ нервно вздрогнулъ, точно ему подали какую-нибудь отвратительную гадину, и вскочилъ съ мѣста.

— Къ черту!... Скажи ему, чтобъ онъ шелъ вонъ!... Сейчасъ, сію же минуту вонъ!... Со двора вонъ, совѣмъ.... Въ конторѣ расчетъ ему сдѣлать, и.... чтобъ къ вечеру его духа не было!

Сергѣй слышалъ эти слова и, когда конторщикъ вышелъ—онъ уже ушелъ.

И пошли толки!

Говорили и то, и се, но никто не могъ положительно объяснить причину такого крайне сораго паденія.

— Зазнался очень! Всякую мѣру перешелъ—вотъ, его и сократили! говорили одни.

— Нѣтъ, не то! утверждали другіе.

Говорятъ, хозяинъ узналъ, что онъ сталъ пить, да развратничать и отказалъ ему, да и Петръ Максимовичъ отъ дочери прогналъ...

Но какъ-бы то не было, а къ полудню уже флигель стоялъ пустой,

а Сергѣй сидѣлъ въ конторѣ и безучастно смотрѣлъ на конторщиковъ, которые сводили принятые отъ него счета и страшно мучались въ безтолковомъ лабиринтѣ цифръ. Трудно было сводить денежные счета съ человѣкомъ, который ходилъ въ хозяйскій бумажникъ, какъ въ свой собственный, и безотчетно, безконтрольно велъ дѣла въ теченіи многихъ мѣсяцевъ!

— Тутъ никакихъ записей нѣтъ, когда вы брали деньги и по скольбу въ мѣсяцъ жили, обратился главный конторщикъ къ Сергѣю, — ужъ вы попросите самого Григорья Максимовича расчитать васъ....

Сергѣй помолчалъ.

— Книгъ никакихъ я почти не велъ, глухо заговорилъ онъ, — я дѣломъ правилъ, и вы скажите хозяину, чтобы онъ приказалъ дать мнѣ записку въ принятіи отъ меня дѣла, а денегъ его мнѣ не нужно, я безъ расчета уйду....

— Награбилъ, чай, на всю жизнь, такъ на кой тебѣ чертъ деньги! почти вслухъ сказалъ конторщикъ и отправился докладывать Григорью Максимовичу. На этотъ разъ Сергѣю было вѣдѣно придти комнату.

Защелкнувъ ключемъ дверь Григорій Максимовичъ и остался глазъ на глазъ съ своимъ бывшимъ управляющимъ.

— Уходи отъ меня сегодня-же, я не могу тебя видѣть! не гляди на Сергѣя, началъ Григорій Максимовичъ. — Пилъ ты изъ меня кровь, мучилъ меня довольно и захотѣлъ еще замучить вроткую, невинную дѣвушку.... Я злодѣй, я понесу мзду за убійнаго въ горячій часъ человѣка, но ты... ты понесешь больше!... Ты побоями, съ умысломъ умертвилъ свою жену!... Не тебя мнѣ бояться нужно было, а тебя меня!... Страшно мнѣ было принять позоръ, и я боялся тебя, а теперь я очистилъ душу покаяніемъ и молитвой, самъ хочу отдать себя въ руки судей — пусть судятъ и наказуютъ меня!... Теперь я не боюсь доноса, да ты-то боишься теперь!...

Григорій Максимовичъ подошелъ къ конторкѣ и вынулъ изъ нея пачку денегъ,

— Вотъ, тебѣ за твои услуги, сказалъ онъ, подавая деньги Сергѣю. Прежде которыя бралъ—это не въ счетъ, тѣ не жалованье твое были.... Иди, я на тебя зла не имѣю.... Если у тебя есть душа человѣческая—вспомни о судѣ Божиѣмъ: на тебѣ много грѣховъ.... Ну, иди....

— Попадите вы-то меня, Григорій Максимовичъ!... Ежели будетъ что—не доносите на меня.... Жену-то я билъ, не было бы чего....

Григорій Максимовичъ грустно улыбнулся.

— Не бойся, не доносу!... Еще два человѣка знаютъ о томъ, какъ ты тиранилъ и муками въ могилу ее, бѣдную, загналъ.... Садовникъ-старикъ знаетъ, да тотъ молодецъ, который помогъ намъ глаза открыть, во время Катю отъ тебя спасъ.... Садовникъ не пойдетъ доносить, да и нѣтъ его—на родину ушелъ, можетъ ужъ, и померъ, слабъ былъ, а вотъ, тотъ молодецъ—его берегись!... Онъ не донесетъ, не пойдетъ по судамъ, а коли встрѣтитъ тебя гдѣ—пожалуй, и подымется въ сердцѣ его мука страшная: жена-то твоя его невѣстой была, и крѣпко, крѣпко любилъ онъ ее!... Коли хочешь ты пожить—ты ему не попадайся!... Иди, Богъ съ тобой....

Молча поклонился Сергѣй Григорію Максимовичу и вышелъ изъ комнаты.

XIX.

Сеня затосковалъ не на шутку.

Какъ ни уговаривалъ его Григорій Степановичъ, какъ ни утѣшалъ—онъ только отмадчивался и уныло покачивалъ головой. Любя по братски хозяина, Сеня былъ счастливъ его успѣхомъ; но видъ

чужой радости, видъ человѣка, счастливаго любовью, готовящагося обладать любимой дѣвушкой—бередилъ его, заживающую было рану, и Сеня не выдержалъ.— «Много теперь хлопотъ у васъ, Григорій Степановичъ, сказалъ онъ хозяину, да и свое дѣло торговое надо покончить. Коли вы за новое теперь возьметесь, я вамъ человѣка дамъ, пріятель у меня есть, мясникъ тоже; онъ вамъ поможетъ,—человѣкъ вѣрный и хорошій, а мнѣ погулять дозвольте.... Не пью я, почитай, вовсе, а понѣ вотъ, такъ и сосетъ въ груди, такъ и щемитъ сердце!... Авось, погулявши, забудусь... Словно живая, встаетъ передо мной моя голубушка бѣлая, съ рѣчью своей ласковой, съ глазами любовными!... Эхъ, какъ тяжело, Григорій Степановичъ!... Этта во снѣ ее видѣлъ... Стоитъ, будто, она блѣдная такая, на глазахъ слезы, на лицѣ мука и протягиваетъ ко мнѣ руки, а руки-то всѣ въ крови.... Сзади Сережка стоитъ и тираниить ее на смерть, плетью киргизской бьетъ.... Проснулся я—потъ холодный выступилъ, зубы стучать, за сердце словно тисками кто схватилъ.... Не сносить мнѣ головы, Григорій Степановичъ!... А коли уберегу себя—въ Оренбургъ меня отпустите, я буду дѣло вести; хотите—ваше поведу, хотите—свое начну; у меня есть деньжонки, да и вы не оставите....

— Еще бы я тебя оставилъ! ласково сказалъ Григорій Степановичъ.—А погулять-погуляй, теперь и время погулять: хозяинъ женихомъ объявлевъ.... Поѣзди по Москвѣ, потѣшь себя; денегъ не жалѣй—я твой вѣчный должникъ, Сева, голубчикъ!... Только ты не пей много, Сеня.... Въ винѣ братъ, горя не утопишь, только пуще распалишь его....

— Авось утоплю.... Нѣтъ, ужъ вы позвольте мнѣ покружиться, Григорій Степановичъ!... Погуляю ужъ одинъ разъ въ своей жизни и крѣпко погуляю, а тамъ увидимъ....

И загулялъ же Сеня!.. Такія натуры, разъ прорвавшись, не знаютъ удержу. У нихъ въ минуты разгула, вызваннаго какимъ-нибудь потрясеніемъ, и жизнь—кошѣйка, и судьба—индѣйка! Все ставится на карту,

Прошла полоса, не сломала натуры, не убила здоровья — человекъ спасенъ, выигралъ ставку, и опять вошелъ въ колею, по которой и дойдетъ до тихой и безмятежной пристани.... Не выдержала натура кризиса — человекъ погибъ.

И погибъ не въ грязи, не день за днемъ мельчая или ползая, какъ раздавленный ногою червякъ, а съ трескомъ и шумомъ... Во время войнъ такіе люди часто дѣлаются героями, творя чудеса храбрости, не изъ желанія славы, а съ цѣлью погибнуть въ дѣлѣ.

Сергѣй Ивановичъ тоже загулялъ. Но у этого были другія побужденія, другая натура, и его загулъ былъ не то, что загулъ Сени. Сергѣю Ивановичу не удался задуманный планъ, сорвалось на самомъ интересномъ мѣстѣ — и мелкая душонка возмутилась; надо было чѣмъ-нибудь полѣчиться, надъ чѣмъ-нибудь сорвать зло, и онъ съ досады, со злобы сталъ кутить. Впрочемъ, попойки и развратъ занимали у него не послѣднее мѣсто и до катастрофы: послѣдняя только дала новый толчекъ.

Таскался изъ трактира въ трактиръ, изъ одного развеселаго заведенія въ другое. Сергѣй утѣшался тѣмъ почетомъ, который ему тамъ оказывали, и бѣрежился надъ половыми, извозчиками и «барышнями», платя за это легко нажитыми деньгами.

Было воскресенье. По люднымъ улицамъ Москвы кипѣла праздничная жизнь. Кипѣла она и во всевозможныхъ ресторанахъ, трактирахъ и харчевняхъ.

Вечеркомъ въ одномъ веселомъ трактирѣ у Каменнаго моста сидѣла разнообразная публика и «гуляла» вельась подѣ звуки машины. У нѣкоторыхъ столиковъ сидѣли разряженные «барышники», громко смѣясь и уничтожая дешевенькое вино и чай.

Было весело, людно и шумно и по русски — на распашку. Машина играла веселыя пѣсни, нѣкоторые подпѣвали ей, возбуждаемые всеобщимъ весельемъ, и половые едва успѣвали удовлетворять требованіямъ многочисленныхъ гостей.

Въ «чистой половинѣ», за круглымъ столомъ, силою установленномъ чайнымъ приборомъ и бутылками, сидѣлъ Сергѣй Ивановичъ, въ обществѣ трехъ разряженныхъ барышень.

Развалился на стулѣ и играя многочисленными брелоками, Сергѣй Ивановичъ сыпалъ остроты, каламбуры, шутки, возбуждая хохотъ и визгъ своихъ собесѣдницъ.

— Что вы насъ этими мадерами-то кислыми поите, чертъ васъ задави! кричалъ Сергѣй Ивановичъ на изогнувшагося передъ нимъ полового. Поддай намъ шипанскаго лучшаго, розоваго!... Вотъ, такого, какъ ихнія щечки!... Живо, а то въ рыло получишь!...

— Въ единый моментъ-съ! Фрухтовъ прикажете на закуску-съ?

— Тащи!... Я люблю жить, во какъ!... У меня, штобы въ моментъ все!... А деньги плевое дѣло!... Вотъ, женюсь—брошу все. . . Женюсь на барышнѣ, на дворянкѣ, потому что я манеру люблю.... У меня, штобы по французскому говорила, деликатность знала!... А энтихъ дуръ-то необразованныхъ я не люблю.... За меня сватали милліонершу, Сальникову Катьку, да я къ черту ихъ послалъ!... У меня первая жена красавица первѣющая была, изъ-подъ ручки поглядѣть, да дура, деревня была, и я ее.... Умерла она, туда ей дорога, намъ деревенщины-то неотесанной не нужно!...

— Плохо поминаешь покойницу, Сергѣй Ивановичъ!... Не въ церкви съ молитвой, а въ трактирѣ съ бранью, Сергѣй Ивановичъ, купецъ богатый!... Плохо, раздался чей-то голосъ сзади Сергѣя.

При первыхъ звукахъ этого голоса задрожалъ Сергѣй Ивановичъ и оглянулся.

Позади его стоялъ Сеня, который давно уже пришолъ въ трактиръ и сидѣлъ за сосѣднимъ столикомъ, со знакомымъ своимъ, троечнымъ-явничкомъ, возвратившись съ загородной поѣздки.

— Плохо, плохо, поминаешь жену свою, Сергѣй Ивановичъ! повторилъ Сеня.

Опустилъ глаза предъ сверкающимъ взоромъ Сени Сергѣй Ивановичъ и безсознательно началъ наливать въ рюмку вино трясущейся рукой.

— Съ новосельемъ, Сергѣй Ивановичъ, поздравляю вашу милость! Нравится-ли новая квартира?... Да что вы все молчите? Али гнушаетесь компаніи нашей? Полноте!... Вѣдь я тоже купеческій прикащикъ.... Оно не такой довѣренный, какъ вы, а все же.... Дозвольте компанію имѣть? Мы старье-то счета оставимъ пока, послѣ потолкуемъ!... успѣемъ!... можно присѣсть?

— Я.... Я ничего, я что-же.... Садитесь.... Вотъ гуляемъ... Не угодно-ли выкупать чего? бормоталъ Сергѣй, не имѣя силъ совладать съ собой. Компанія его съ удивленіемъ смотрѣла то на Сению, то на него.

— Выкупать-то? Ничего, можно.... Я вѣдь не пью почти ничего, а нонѣ вотъ загулялъ на радостяхъ, хозяинъ женится у меня. Беретъ невесту хорошую — Сальникову, Катерину Петровну, не знаете-ли?

Сергѣй позеленѣлъ отъ злобы.

— Коли хочешь погулять съ нами, да забыть старое, такъ садись, да пей, а то что же ты.... Не разберешь тебя.... Я не сержусь, не сердись и ты, мало-ли чего не бываетъ.... Ты ужь не сердись, говорю....

— Не сердиться? Я не сержусь, Сергѣй Ивановичъ!... Только вотъ встрѣтились-то мы напрасно.... Эхъ, напрасно!... Не встрѣчаться-бы лучше: забыли-бы мы другъ друга, и шабашъ!... Видно, судьба ужь такъ привела, а супротивъ судьбы ничего не подѣлаешь, Сергѣй Ивановичъ!... Ну, за здоровье ваше!

Сеня залпомъ выпилъ стабанъ вина. Лицо его было блѣдно, глаза сверкали непримиримой злобой и ненавистью, но Сергѣй не замѣтилъ этого, и видя, что Сеня съль съ нимъ и пьетъ его вино, подумалъ, что тотъ готовъ на примиреніе.

— Такъ-то вотъ лучше! воскликнулъ онъ и снова налилъ стаканъ.— Пей еще!

— Выпью.... Эхъ, не нужно бы намъ встрѣчаться, Сергѣй Ивановичъ!

— Да отчего же?... Ну, брось, помиримся!... А ты по мнѣ будь: я обиды не помню! Забылъ, все забылъ!... Пей, выпью, и я... Я, братъ, гуляю съ горя, потому меня обидили, надули... Пустиакъ все!...

Сеня выпилъ еще стаканъ и отошелъ къ своему столу.

— Поѣдемъ опять, штоль, Сеня, куда? спросилъ ямщикъ, который ужъ былъ сильно пьянъ и едва сидѣлъ на стулѣ.

— Поѣдемъ, задумчиво сказалъ Сеня.

— Вотъ важно!... Заберемъ барышенъ этихъ и махнемъ въ Стрѣльну!... Во какъ махнемъ!...

— Пей, Сеня, ей Богу пей!...

— Не искалъ я его, не хотѣлъ погибели ему: пусть, молъ, живетъ, грѣхи свои отмаливаетъ, тихо говорилъ Сеня, опустивъ голову и крѣпко стиснувъ край стола, а какъ увидалъ теперь— не терпится сердце!... Поднялось у меня внутри что-то, душитъ меня, давить.... Не могу!... И теперь передъ глазами у меня сонъ мой.... Голубушка моя, лебедушка бѣлая!... Какъ ты ласкала меня, какъ любила меня... Какъ обвивала шею руками бѣлыми.... Лежишь ты теперь въ могилѣ сырой, давить тебя крышка гробовая, и убійца твой, мучитель лютой, тутъ, со мной сидитъ, вино пьетъ, балагурить....

Не могу я, не могу!...

Порывисто вскочилъ Сеня со стула и подошелъ къ Сергѣю Ивановичу.

— Что тутъ сидѣть—поѣдемъ въ Паркъ, Сергѣй Ивановичъ! сказалъ онъ, взявъ Сергѣя за плечо— Ямщикъ у меня здѣсь, тройка лихая, поѣдемъ.... Ужъ коли сошлись мы съ тобой, такъ покончимъ, какъ судьба велитъ!....

Сергѣй поднялся со стула.

— Поѣдемъ!... Гулять, такъ гулять!... Цѣлуй меня, чертъ тебя задави!...

— Я не Іуда, чтобъ цѣловать тебя... Послѣ поцѣдуемся.... Ну, Васька, иди, выводн тройку!..

Сергѣй досталъ бумажникъ, бросилъ на столъ крупную депозитку, приказавъ получить за все и, пошатываясь, пошелъ съ Сеней изъ трактира.

— Барышень бы съ собой взять.... А? обратился онъ къ Сенѣ.

— Тамъ много.... Все бы тебѣ барашень!... Была у тебя жена, краше всѣхъ дѣвицъ на свѣтѣ, не сберегъ ее, другую захотѣлъ и.... Эхъ, напрасно встрѣтились мы съ тобой сегодня!...

Помогъ Сеня сѣсть Сергѣю въ сани, посадилъ съ нимъ рядомъ совершенно охмѣлѣвшаго ямщика, и самъ сѣлъ на козлы.

— Ну вы, залетныя! крикнулъ онъ на лошадей и съ мѣста пустилъ вскачь всю тройку.

Сергѣй, пьянымъ голосомъ, затянулъ какую-то пѣсню.

XX.

Во весь опоръ неслась тройка по многолуднымъ улицамъ и переулкамъ Москвы, едва успѣвали сворачивать встрѣчные экипажи; кучера и извозчики проклятіями провожали бѣшенаго ѣздока, а городовые бросались было догонять его, но тройка летѣла и летѣла....

Миновали Тверскую заставу, мелькнули вокзалъ Смоленской дороги, пустынные дачи, Петровскій паркъ — тройка понеслась по шоссе.

Ямщикъ крѣпко спалъ, бормоча при толчкахъ несвязныя слова.

Сергѣй Ивановичъ покрикивалъ на лошадей, безпрестанно при-

поднимаясь въ саняхъ и пытаясь обнять Сеню, который безпощадно гналъ тройку.

Миновали село Всесвятское.

Сеня сталъ сдерживать распаленную тройку.

— Шибче, шибче гони. чертъ тебя задави! пьянымъ голосомъ крикнулъ Сергѣй.

— Будеть, накатались! промолвилъ Сеня. Тройка пошла шагомъ.

— Эхъ, важно!... Весело! крикнулъ опять Сергѣй.

— Весело? обернулся къ нему Сеня. И мнѣ тоже весело.... А прежде еще веселѣй бывало, Сергѣй Ивановичъ.... Эхъ, куда, какъ веселѣй!... Вотъ въ такія-же мѣсячныя ночи, только лѣтомъ теплымъ, гуливалъ я, бывало, по полямъ, да лѣсамъ.... Вдвоемъ гуливалъ, Сергѣй Ивановичъ, съ дѣвушкой любимой.... Да какая дѣвушка-то была!... Обласкаетъ, бывало, приголубить, глазами всю душу согрѣетъ.... Горе-ли у тебя на сердцѣ, забота-ли въ головѣ—все пройдетъ, какъ съ ней, съ этой дѣвушкой, побудешь!... Изъ села Черкизова была эта дѣвушка, Машей ее звали, Сергѣй Ивановичъ!...

Сергѣй пристально посмотрѣлъ на Сеню и поблѣднѣлъ.

— Ты.... ты оставь это.... Помирились, забыли, ну, и оставь.... Полно такъ глядѣть-то.... полно!... Индо страхъ беретъ!... заговорилъ Сергѣй, съ ужасомъ смотря на покрытое смертной блѣдностью, искаженное злобой лицо Сени.

— Забыли, говоришь?... Ты-то, можетъ, и забыть, да я не забыть.... И не забыть мнѣ никогда, видно, этого!... Не забыть голубки бѣлой моей, которую ты заклевалъ, воронъ!...

Сеня бросилъ возжи и перескочилъ черезъ облучекъ въ сани.

— Не забыть, говорю. Сергѣй Ивановичъ, мнѣ того, какъ ты, денегъ съ богатой жены захотѣвши, побоями, тиранствомъ въ могилу загналъ ее!... Вѣдь жизни, отца съ матерью, роду-племени она милѣй мнѣ была! И ее-то ты замучилъ, несъ проклятый!

Сеня схватилъ Сергѣя за воротъ.

— Оставь.... оставь!... хрипло крикнулъ Сергѣй, рванувшись назадъ, и вѣцпился руками въ поддѣвку Сени.

— Нѣтъ, не оставлю я тебя теперь!... Не искалъ я твоей гибели, а попался ты мнѣ.... суди меня Богъ и царь—я не отпущу тебя живаго!...

Въ смертномъ ужасѣ метнулся Сергѣй въ сторону, но желѣзная рука Сени соскользнула съ ворота крахмальной рубашки его и стиснула горло.

— Голубчикъ.... родной.... прости, прости!... Отпусти меня, хриплымъ шепотомъ началъ молить Сергѣй, изгибаясь всѣмъ тѣломъ. Рука Сени сжалась крѣпче.

— Богъ и она такъ молила тебя!... И она такъ извивалась въ твоихъ рукахъ, отъ твоей плети.... Слабая, больная, въ темной горницѣ, безъ людей, мучилась она отъ побоевъ твоихъ, и некому было остановить твою лютость, песъ!... Некому было вырвать ее изъ когтей твоихъ! шепталъ Сеня, склонившись надъ быющимъ въ предсмертной агоніи Сергѣемъ и все крѣпче и крѣпче сжималъ руку. Глаза его налились кровью, на лбу выступили жилы, зубы судорожно стучали.

Послѣдній разъ метнулся Сергѣй, хватаясь за что попало руками, изъ груди его вырвался предсмертный хрипъ и, откинувшись назадъ, онъ вытянулся и смолкъ; только ноги выбивали частую дробь по передку саней.

— Издохъ! прошепталъ Сеня и, сдавивъ еще крѣпче горло своей жертвы, поднялся въ саняхъ.

— Покатались, Сергѣй Ивановичъ!... Закончили гулевой день пиромъ великимъ.... Прощай-же.... Голубушка, Маша родная! прости ты мѣ грѣхъ мой!... Не могъ, силушки моей не хватило, не отплатить за тебя!...

Тройка давно шла шагомъ, погромыхивая бубенчиками. Импицкъ спалъ, вскрикивая что-то во снѣ.

Всталъ Сеня въ саяхъ, поднялъ трупъ Сергѣя и бросилъ его изъ саней на дорогу.

— Спи тутъ, Сергѣй Ивановичъ.... На роду, видно, тебѣ была написана такая кончина!... Хотѣлъ ты жену себѣ красавицу, богатую взять, въ роскоши жить. а замѣсто того... Окаянный я, окаянный убійца!...

Сеня повернулъ тройку и опять сѣлъ на козлы.... Задѣло полозьями саней за лежавшій ничкомъ трупъ и перевернуло его. Луна освѣтила искаженное предсмертной судорогой лицо; вѣтерокъ поигралъ бородой.... Дико крикнулъ Сеня на лошадей, рванувъ возжами, и тройка понеслась обратно къ Москвѣ.

Отъ сильныхъ толчковъ и качки ямщикъ проснулся и сѣлъ въ саяхъ, протирая глаза.

— Домой, штоль, эфто мы ѣдемъ, Сеня? спросилъ онъ, оглядываясь кругомъ.

— Домой....

— А гдѣ-же эфтогъ купецъ-то, котораго съ собой взяли?

— Тамъ... Остался гулять....

— Дѣло... Загуляетъ же онъ, коли такъ!... А ты не больно гони, Сеня, заморились кони-то.... Не гони, молъ!... Вотъ кабачекъ тутъ есть—не опохмѣлиться-ли намъ?... Заворачивай-ка, Сеня!...

Сеня сдержалъ лошадей и завернулъ къ какому-то загородному трактирчику.

XXI.

Въ домѣ Григорія Максимовича все кипѣло дѣятельностію. Парадные комнаты отдѣлывали заново, и по всему дому суетливо бѣгали маляры, обойщики, штукатуры, стекольщики и т. п. людѣ. На дворъ то и дѣло вѣзжали воза съ мебелью, посудой и прочимъ.

Въ конторѣ тоже усиленно работали, приготовляясь сдать дѣла новому хозяину, Григорію Степановичу Волкову. А новый хозяинъ и времени не имѣлъ часто бывать въ своемъ будущемъ домѣ: цѣлые дни проводилъ онъ у неvěсты, счастливый, любящій до самозабвенія и нѣжно любимый. Въ домѣ неvěсты тоже приготовлялись къ свадьбѣ: съ утра до ночи сновали модистки, прикащики изъ модныхъ магазиновъ съ цѣлыми тюками товаровъ, а также и обычные посѣтители Кати—различные бѣдняки, чающіе помощи и въ изобиліи ее находящіе у Кати всегда вообще, а теперь въ особенности.

У Кати гостили ея родственницы-подруги, и весь домъ смотрѣлъ какимъ-то праздничнымъ. Женихъ цѣлыми коробами возилъ конфекты, фрукты, и все это наполняло карманы всей молодежи въ домѣ Сальниковыхъ, отъ подругъ неvěсты до ребятишекъ дворниковъ. Веселились и ликовали всѣ обитатели этого дома, отъ мала до велика.

Катя была безконечно счастлива.

Все ближе и ближе сходясь съ своимъ женихомъ, она все сильнѣе и сильнѣе привязывалась къ нему, находя каждый день новыя, симпатичныя ей, черты въ его характерѣ. Полюбивъ Григорья Степановича по первому впечатлѣнію, произведенному его счастливой наружностью и великодушнымъ поступкомъ у Симонова монастыря, сходясь затѣмъ при короткихъ встрѣчахъ, — Катя теперь только вполнѣ оцѣнила его, и мимолетная любовь превратилась въ крѣпкую, прочную привязанность.

Волковъ тоже еще больше полюбилъ Катю, если только возможно было полюбить больше того, какъ онъ ее любилъ и ранѣе.

Но *полнаго* счастья, говорятъ, на землѣ не бываетъ,—такъ было и съ моими героями: темнымъ облакомъ легли на свѣтлой жизни Волкова и Кати исчезновеніе Сени и отъѣздъ Григорья Максимовича.

Получивъ отъ Григорія Степановича разрѣшеніе и даже одобреніе

«погулять», Сеня, какъ читатель уже знаетъ, гулялъ, но во время этого широкаго «гулянья» онъ все-же бывалъ и съ хозяиномъ; ночевалъ у него, исполнялъ даже кой-какія порученія, но уѣхалъ отъ него одинъ разъ утромъ Сеня и больше не возвращался, а дня черезъ два, Григорій Степановичъ получилъ отъ него письмо изъ Рязани, въ которомъ Сеня прощался съ хозяиномъ и говорилъ, что онъ ѣдетъ куда-то далеко, «размыкивать горе», но куда именно—не писалъ. Ни объ имуществѣ своемъ, которое было у Григорія Степановича, ни о деньгахъ, которыя обѣщалъ ему передать Григорій Степановичъ, Сеня не писалъ. Письмо было кратко: «Дорогой другъ и хозяинъ, Григорій Степановичъ! Прощайте! Буду, куда глаза глядятъ, размыкивать горе. Не обижайтесь, что не прощался буду: очень ужъ тяжело мнѣ!.... Желаю вамъ счастья на много лѣтъ. Голубушкѣ Катеринѣ Петровнѣ мой низкій поклонъ. Вашъ по гробъ Сеня».

Крѣико загрустили Волковъ и Катя объ Сенѣ.

— Не сносить ему головы, знаю я его! сказалъ Волковъ Катѣ, прочитавъ письмо.

— Онъ любитъ куда какъ крѣико, и ужъ коли разбередили ему рану его—не вынесетъ!... У насъ съ нимъ, Катенька, нравъ-то одинаковый: потеряй-ка я, храни Богъ, тебя!... Да я и не знаю, чтобы со мной было!... А вѣдь онъ потерялъ.... Жаль, ой какъ жаль парня!

И невольно туманился Григорій Степановичъ, вспоминая о своемъ другѣ. Грустила и Катя.

Если не такъ сильно, какъ неожиданное исчезновеніе Сени, то все же значительно печалило влюбленныхъ и непреклонное рѣшеніе Григорія Максимовича уѣхать изъ Москвы, — тоже почти «куда глаза глядятъ», — до свадьбы. Объявилъ объ этомъ Григорій Максимовичъ сначала брату, а потомъ и Волкову съ Катей.

— Да куда-же ты поѣдешь, братъ, отъ свадьбы-то? Погоди,

попируй! замѣтилъ Петръ Максимовичъ, когда братъ объявилъ ему о неперемѣнномъ желаніи ѣхать.

— Нѣтъ, поѣду.... Поѣду сперва къ Преподобному Сергію, помолюсь тамъ, поговѣю, можетъ, а тамъ въ Ростовъ поѣду, въ Ярославль, угодникамъ тамошнимъ поклониться, а оттуда буду держать путь въ Соловецкій монастырь.... Если братія этой святой обители не погнушается мной—я тамъ и останусь.... Будеть, пожилъ, погрѣшилъ, пора и о душѣ подумать....

— Не смѣю, братъ, удерживать тебя, да и не такой ты человекъ, чтобъ задуманное перемѣнить, а вотъ попросить свадьбу отправить, попрошу.... Не огорчай жениха съ невѣстой, отпразднуй свадьбу, да и съ Богомъ, коли охота тебѣ помолиться, говорилъ Петръ Максимовичъ.

— Нѣтъ, не удерживай, братъ.... Не мнѣ на свадьбахъ пировать!... Передалъ я тебѣ дѣло, да зятю будущему, все устроилъ, Катеньку обезпечилъ, и кончено дѣло.... Все я съ себя снялъ, што на душѣ у меня было, одного не снялъ,—грѣха! И его-то вотъ пойду отмаливать у Господа.... Нѣтъ, поѣду....

И быстро засбирался Григорій Максимовичъ!

Формально переданы были имъ дѣла брату, а домъ Волкову, который и дѣлами долженъ былъ завѣдывать, женившись на Катѣ, и въ нѣсколько дней Григорій Максимовичъ былъ свободенъ и готовъ, и дня за три до свадьбы, въ концѣ мясоѣда, предъ Филипповскимъ постомъ, онъ и уѣхалъ.

Быль отслуженъ напутственный молебенъ, на которой собрались лишь самые близкіе друзья Сальниковыхъ; послѣ молебна подали обѣдъ, и Григорій Максимовичъ, потрапезовавъ «въ послѣдній разъ», какъ онъ выразился, простился со всѣми, прямо говоря, что ѣдетъ онъ, по всему вѣроятію, *навсегда!*...

Поплакали, сильно поплакали на проводахъ самого «главы дома»!... Старушка, мать Григорья Максимовича, прощалась съ нимъ ужъ безъ всякой надежды увидаться, и ее еле-еле привели

въ чувство, всю разбитую, подавленную горемъ. Прослезился и Петръ Максимовичъ, поплакать и Волковъ, полюбившій умнаго, крайне симпатичнаго въ минуты покоя Григорья Максимовича, рыдала Катя, любимица своего суроваго дяди и нѣжно его любившая; не плакать только самъ отъѣзжающій.

Строгой и покойно было его энергичное лицо, значительно похудѣвшее за послѣднее время.

— Не плачьте, а радуйтесь, что я ѣду, сказалъ онъ, уже совершенно готовый къ отъѣзду. Ёду я не на гулянье, не за дѣлами мірскими, суетными, а на молитву.... Ёду вымолить у Господа себѣ отпущеніе грѣховъ, а вамъ счастье, согласіе, да любовь.... Услышана ли будетъ моя молитва — того не знаю, а молиться буду и мірское оставляю.... Вамъ мой совѣтъ: жить по закону, любить другъ друга нѣже самого себя; трудиться честно, не больно руку-то въ карманъ ближняго запускать — толку въ этомъ мало!... Вотъ у меня богатства сколько было, а пришлось о смерти подумать и противно оно, богатство земное!... Не обижайте никого, это главное.... Вотъ Катя пусть вамъ примѣромъ служитъ: добрая, чистая душа у ней!... Ты, Гриша, — обратился Григорій Максимовичъ къ Волкову, — люби ее, береги, добрая она тебѣ жена будетъ.... Препоручаю я тебѣ свое дѣло, да и братъ, чай, захочетъ отдохнуть и тоже тебѣ отдать свое, такъ vedi его честно. Торговое дѣло — хорошее дѣло, да только ведемъ-то мы его куда какъ не ладно!... Мало больно мало торговыхъ людей, которые-бы честно-то вели свою торговлю.... Заѣла насъ корысть, и забываемъ мы съ ней все.... Все забываемъ!... Помни, что у человѣка богатаго подъ рукой много народу, и не обижай этотъ народъ, вникай въ нужду-то его, считай за людей, а не за скоть.... Я, грѣшный, во хмѣлю былъ крутъ очень.... Много, много горя дѣлалъ я тогда людямъ!... Ты вотъ не пьешь, Гриша, и не пей, въ винѣ проку мало.... Ну, прощайте.... Не горюйте, говорю, обо мнѣ, а радуйтесь, да поминайте въ молитвахъ....

Перецѣловался со всѣми Григорій Максимовичъ и вышелъ изъ дому, крѣпко наказавъ никому не провожать себя.... Въ простомъ длинномъ сюртукѣ, съ небольшимъ кожанымъ сакъ-волажемъ, съ палкой въ рукахъ вышелъ Григорій Максимовичъ изъ своего богатаго дома и, помолившись на всѣ стороны, до земли поклонившись сверкающимъ въ лучахъ зимняго заката московскимъ церквямъ, пѣшкомъ пошелъ на далекое богомолье, съ твердой рѣшимостью никогда не возвращаться на родину....

XXII.

Погоревали, погоревали о Григоріи Максимовичѣ и успокоились: нужно было думать о свадьбѣ.

Дня за три до вѣнца, Григорій Степановичъ перешелъ въ свой новый, роскошно отдѣланный домъ.

Дивились и толковали обитатели Замоскворѣчья! Катерина Петровна Сальникова, красавица, богачка, выходила замужъ за какого-то, никому неизвѣстнаго мясника изъ Коломны, да еще и въ домъ его взяли, этого неизвѣстнаго, худароднаго жениха! Головы ломали досужія кумушки надъ всемъ, происходившемъ въ домѣ Сальниковыхъ. Да и не однѣ кумушки, а и солидные, степенные кушцы, хорошо знающіе братьевъ Сальниковыхъ, не мало дивились. «Что нибудь да не такъ тутъ!» говорили всѣ. «Сперва Катерину просватали за кого-то другаго, за управляющаго, что-ли, какого; потомъ управляющаго этого Григорій Максимычъ прогналъ, и теперь выдаютъ ее за мясника изъ Коломны!... Чудно, очень чудно!»... Отъѣздъ Григорья Максимовича тоже надѣлалъ много шума и толковъ, но въ чемъ дѣло, какія причины руководили братьями Сальниковыми—никто не зналъ.

И вотъ, всѣ сосѣди, всѣ знакомые Сальниковыхъ получили приглашенія пожаловать на бракосочетаніе дочери Петра Максимовича, Екатерины Петровны, съ купцомъ Григорьемъ Степановичемъ Волковымъ. Вѣнчаніе должно было происходить въ одной изъ приходскихъ церквей въ Замоскворѣчьи, а свадебный столъ и балъ въ домѣ Григорья Степановича Волкова, на Пятницкой улицѣ.

Длинной вереницей стояли кареты и прочіе экипажи около церкви; густая толпа народа тѣснилась на церковномъ дворѣ и паперти, но въ церковь, помимо приглашенныхъ, никого не пускали: стояла полиція.

Не въ обычаѣ у купцовъ стараго закала ставить полицію у дверей храма въ день вѣнчанія, но Петръ Максимовичъ невольно долженъ былъ нарушить порядокъ, опасаясь изгнаннаго, опозореннаго жениха и ожидая съ его стороны вмѣшательства и скандала.... Не зная Петръ Максимовичъ, что человѣкъ, котораго онъ опасался, не могъ уже никому причинить безпокойства и зла!...

Шли толки, пересуды и предположенія въ толпѣ у церкви. Сочиняли и выдумывали небывалыя вещи о женихѣ и невѣстѣ. А она, эта счастливая невѣста, въ газѣхъ и цвѣтахъ, сіяющая счастьемъ и радостью, приготовлялась ѣхать въ церковь, гдѣ ее ждалъ желанный, обожаемый женихъ!...

Вотъ показался и поѣздъ невѣсты. Толпа хлынула на паперть, и никакія усилія полиціи не могли уже сдержать ее—слѣдомъ за невѣстой большая часть народа вошла въ храмъ.

Хоръ чудовскихъ пѣвчихъ грянулъ входный концертъ, и Катя торжественно вошла въ церковь, сопровождаемая шаферами и подругами.

Чудно хороша была Катя въ день своей свадьбы!

Воздушное газовое платье, отдѣланной какой-то серебристой тончайшей тканью и мѣстами перехваченное fleur d'orang'emъ, точно прозрачнымъ облокомъ одѣвало ея изящную фигуру; скромно причесанные и убранные тѣми же цвѣтами волосы легкой ко-

ронкой лежали на головкѣ, покрытые бѣлымъ, какъ снѣгъ, подвѣчнымъ вуалемъ.

Опустивъ глаза, съ стыдливомъ румянцемъ, но съ улыбкой счастья шла она на встрѣчу жениху, и толпа не могла удержаться отъ громкаго шепота одобренія.

Григорій Степановичъ, статный, красивый и тоже ликующій счастьемъ, одѣтый просто, т. е. не въ кургузый фракъ, а въ сюртукъ, ловко сидѣвшій на его статной фигурѣ, произвелъ на толпу впечатлѣніе также очень хорошее.

— Вотъ такъ парочка! Вотъ такъ женихъ съ невѣстой!... Эіе красавцы оба, Господи! раздавались повсюду голоса.

Началось вѣнчаніе.

Раскатами грома загремѣлъ голосъ соборнаго дьякона, начавшаго обрядъ.

Залились и зарокотали дисконты и басы пѣвчихъ.

Съ кроткой и счастливой улыбкой подошелъ къ брачующимся отецъ Евстигнѣй.... Много сказали его выразительные глаза Катѣ!...

И невольно, въ эти торжественныя, глубоко счастливыя минуты понеслись передъ Катей воспоминанія....

Дорога въ Симоновъ монастырь, встрѣча съ «Гришей» и прогулка съ нимъ.... Затѣмъ женихъ, *тотъ*, другой, нежеланный, представился ей.... Точно холодомъ пахнуло откуда-то на Катю при этой мысли и защемило сердце болью.... Не тутъ-ли онъ? Не слѣдить-ли онъ за ней злыми глазами? Не готовить-ли ей мести! Не замышляетъ-ли чего противъ «Гриши, дорогаго милаго Гриши»...

Катя невольно оглянулась назадъ. Веселыя улыбающіяся, довольныя лица подругъ, родныхъ, знакомыхъ и незнакомыхъ встрѣчали ея глаза, и легко, легко стало дѣвушка.... Отъ глубины души молилась она, устремивъ глаза на ярко освѣщенныя лики святыхъ иконъ.

А *тотъ* женихъ....

Долго лежалъ онъ на холодномъ ложѣ своемъ, освѣщенный лунной. Вѣтерокъ шевелилъ его бородой и усами, растрепалъ бантъ моднаго галстука.... Тихо, тихо было кругомъ. Но вотъ тишину ночи прорѣзалъ точно какой-то жалобный, стонащій звукъ.... Еще и еще пронесся онъ въ воздухъ. Точно плакалъ кто-то и стоналъ.

Ближе и ближе къ дорогѣ раздавался этотъ звукъ.

То были волки въ прилегающемъ къ дорогѣ лѣсу.

Вотъ, они вышли на дорогу, поюхали воздухъ и гуськомъ, одинъ за другимъ, подошли къ лежащему навзничъ человѣку....

Это было за нѣсколько дней до того, какъ невѣста этого человѣка, счастливая, довольная, вѣнчалась съ другимъ.

XXIII.

И женихъ Григорій Степановичъ съ Катей, счастливо, хорошо женился. Первое время туманило ихъ счастье отсутствіе Григорья Максимовича и Сени, но скоро къ этому какъ-то привыклое, и жизнь вошла въ обычную колею.

Катѣ не давала, конечно, ни на минуту своему «Гришѣ» тосковать объ его пріятелѣ Сенѣ, да и самъ Григорій Степановичъ скоро привыкъ къ разлукѣ съ нимъ, съ одной стороны утѣшенный Катей, а съ другой стороны успокоенный сознаніемъ, что Сения не такой парень, чтобы погибнуть.

«Ну, погорюетъ, потоскуетъ, а тамъ и успокоится!» думалъ Григорій Степановичъ и весь отдался нахлынувшему на него счастью.

Одинъ радостный день смѣнялся другимъ, и съ каждымъ новымъ днемъ «молодой» находилъ новыя прелести въ своей подругѣ.

Много новаго и интереснаго дала Григорью Степановичу и перемѣна дѣятельности.

На широкихъ размѣрахъ заведенная торговля Сальниковыхъ могла удовлетворить самому дѣятельному, самому предприимчивому человѣку, и Волковъ, всегда крайне трудолюбивый, вполне отдался дѣлу и, обладая практическимъ умомъ и «смѣткой», скоро вникнулъ въ него и повелъ его блестяще.

Родные и знакомые Сальниковыхъ, сначала удивленные и даже какъ-бы недовольные партіей, которую сдѣлала Катя, съ перваго же визита молодыхъ полюбили Григорья Степановича и поняли, что Петръ Максимовичъ не ошибся, взявъ его въ зятя. Послѣ дальнѣйшаго знакомства съ молодымъ, всѣ окончательно уже стали любить и уважать его, особенно, когда увидали его умѣнье, энергію и ловкость въ дѣлѣ, что такъ цѣнится въ торговомъ мірѣ.

Многіе не понимали только отъѣзда Григорья Максимовича, и отъѣздъ этотъ долго волновалъ умы всѣхъ знакомыхъ. На одномъ вечерѣ у богатаго фабриканта, дальняго родственника Сальниковыхъ, самъ Григорій Степановичъ объяснилъ всѣмъ присутствующимъ этотъ отъѣздъ. Вышло это такимъ образомъ: зашла рѣчь о ловкомъ веденіи дѣла Григорьемъ Максимовичемъ, его вспомнили, погоревали объ немъ, и одинъ изъ гостей обратился къ Волкову съ вопросомъ—куда и почему уѣхалъ дядя его жены?

— Вы, конечно, это отлично знаете, а насъ всѣхъ крайне интересуетъ этотъ внезапный и скорый отъѣздъ, сказалъ купецъ.

— Да-съ, я знаю, отвѣтилъ Григорій Степановичъ.—Дядюшка просто на просто отдохнуть захотѣли и, увидавъ во мнѣ, не хвастовски говоря, человѣка, способнаго править дѣломъ — передали мнѣ его. Вѣдь знаете, господа, что въ торговомъ дѣлѣ, особенно при началѣ то его, не безъ грѣха, а дяденька, — человѣкъ богомольный, христіанинъ хорошій, ну и захотѣлъ объ душѣ своей заботу имѣть, покончить дѣло-то, да Богу помолиться.... Они теперь въ Соловецкой обители гостятъ.... Очень довольны тамошнимъ мѣстомъ и прогостятъ долго тамъ....

Всѣ остались удовлетворены этимъ объясненіемъ и очень скоро

привыкли къ отсутствію, замѣтнаго хотя, но и тяжелаго коммерсанта, замѣненнаго другимъ, новымъ, молодымъ, обладающимъ всѣми достоинствами стараго хозяина и не имѣющаго его недостатковъ.

Въ такія-же хорошія отношенія Волковъ всталъ и съ народами. О Петръ Максимовичъ, его сестрѣ и Катѣ — нечего и говорить, они просто обожали Гришу. Катя наслаждалась полнымъ счастьемъ, а отецъ и тетя были счастливы ея счастьемъ.

Пошли дни счастливые, радостные, веселые...

Волковъ не ограничился только тѣмъ, что лично, своей особой, ошачливилъ Катю; нѣтъ, онъ не былъ эгоистомъ, способнымъ лишь въ своей личности находить все утѣшенія для любимаго человека; онъ постарался устроить жизнь Кати такъ, что и помимо супружескаго счастья, она бы могла находить удовольствіи; закрытые до сихъ поръ для Кати театры, цирки, вечера и прочія удовольствія онъ сдѣлалъ доступными и почти каждый вечеръ дѣлалъ для Кати какой нибудь сюрпризъ, то привези билетъ въ театръ, то устраивая вечеринку, то вывозя ее куда-нибудь въ гости.

И эта разнообразная жизнь не давала Катѣ возможности скучать въ часы разлуки съ мужемъ, когда послѣдній былъ занятъ дѣлами.

Цѣлый новый міръ открылся для молодой женщины.

Опера, никогда не представляющаяся ей даже въ воображеніи, дала ей множество наслажденій, крайне благотворно повліявъ на ее впечатлительную душу. Драма перенесла ее въ какой-то иной міръ, но съ явленіями, знакомыми ей, испытанными, пережитыми, но непонятными до сихъ поръ.

И все эти новыя впечатлѣнія произвели крайне благотворное вліяніе на Катю: она точно разцвѣла: точно бутонъ дорогаго ароматнаго цвѣтка, подъ вліяніемъ свѣта и тепла, распустился и зажилъ всею существомъ. Катя похорошѣла не только наружно, но и внутренно. Природныя наклонности дѣлать добро, любить — приобрѣли какую-то новую форму, сдѣлались сильнѣе, изъ безот-

четнымъ побужденій обратились въ необходимость, основанную на логикѣ ума. Видя прежде нуждающагося человѣка, Катя только сердцемъ чувствовала, что этому человѣку нужно помочь, облегчить его участь; нынѣ Катя цѣлымъ рядомъ размышленій сходилась съ потребностью сердца. Благотворительность ея облеклась въ форму, выработалась въ систему. Помогъ этому ея другъ, тоже счастливый ея счастьемъ,—отецъ Евстигнѣй. Зайдя какъ-то къ Катѣ посидѣть, отецъ Евстигнѣй между прочимъ сказалъ своей любимицѣ:

— Вотъ, теперь вы счастливы, довольны; жизнь ваша идетъ непрерывнымъ рядомъ радостей и удовольствій — не позабыли-ли вы своихъ обязанностей къ ближнимъ? Вы всегда такъ любили дѣлать добро, дѣлаете-ли вы его нынѣ? Не забыли-ли о чужомъ горѣ, избывъ свое?

Катя покраснѣла.

— Ахъ, батюшка, нѣтъ! воскликнула она. — Я такъ хочу всѣхъ обрадовать, всѣхъ утѣшить и дѣлаю кой-что, но....

— Что, дитя мое?

— У меня нѣтъ денегъ....

Катя конфузливо улыбнулась. Улыбнулся и отецъ Евстигнѣй.

— Да? Отчего же это?

— Я свои всѣ еще до свадьбы раздала; много раздала и вещей много раздала, а просить у Гриши мнѣ совѣстно: я думаю, что будетъ недоволенъ....

— Ай, ай, какая вы нехорошая!... Неужели вы думаете, что Григорій Степановичъ откажетъ вамъ! Ай, ай!... Вы его, значить, считаете за человѣка скупаго, злаго?

— Нѣтъ, батюшка!... Но я такъ много истратила.... Мнѣ подарили денегъ папаша, дядя, тети и Гриша подарилъ, а я всѣ уже истратила ихъ....

Отецъ Евстигнѣй разсмѣялся и погладилъ склоненную головку Кати.

— Ахъ вы моя дѣвочка, дѣвочка!... Вѣдь надо, другъ мой,

добро-то дѣлать умѣючи.... Вотъ, вы раздали все, и нѣтъ у васъ больше, а бѣдныхъ-то ой-ой, какъ много!... Давать помощь нужно только человѣку, истинно нуждающемуся, а то вѣдь много людей такихъ, которые въ промыселъ обратили нищенство; иной просить не потому, что ему нужно на необходимое, а потому только, что любить легкую наживу... Да. Вотъ мы поговоримъ объ этомъ съ вами и Григорья Степановича пригласимъ на совѣтъ, да и устроимъ такъ, что будутъ осчастливлены многіе, истинно бѣдные, жалкіе люди....

Долго говорилъ отецъ Евстигнѣй съ Катей, и не пропали его слова даромъ: при церкви было основано попечительство о бѣдныхъ, подъ покровительствомъ Кати; въ церковь же была пожертвована довольно значительная сумма, проценты съ которой должны были идти на приданое бѣднымъ дѣвушкамъ прихода и на нужды церкви.

Кромѣ этого, Григорій Степановичъ далъ въ ея распоряженіе доходы съ дома Петра Максимовича, переданнаго въ собственность Волкова, съ переходомъ отца Кати на жительство къ ней. Катя, подъ руководствомъ отца Евстигнѣя, стала нѣкоторымъ образомъ попечительницей всего прихода и занялась этимъ дѣломъ не только съ охотой, но и увлеченіемъ. Жизнь молодой женщины, глубоко счастливой у домашняго очага, наполнилась дѣятельностью, выходящей за предѣлы семьи.

Это дало ей новое счастье.

XXIV.

Пришли святки.

— Ну, Катя, мы теперь отдохнемъ съ тобой и повеселимся, моя милая, а то оба мы работаемъ ужъ очень усердно, пожалуй, и силы надорвешь! сказалъ какъ-то Григорій Степановичъ Катѣ.

— Ты-то, правда, много работаешь, ну, а я что такое дѣлаю? улыбнулась Катя.

— Э, нѣтъ, Катенька, не говори: ты еще больше моего дѣла-то дѣлаешь! Совсѣмъ захлопоталась моя женка, похудѣла даже, бѣдная! полусмѣшливо, полусерьезно сказалъ Григорій Степановичъ, лаская свою жену.

— Да чѣмъ-же; Гриша?

— А твои бѣдныя, а твое попечительство-то! Отецъ Евстигнѣй надняхъ говорилъ мнѣ, что ты и его-то замучила дѣлами!

— Шути, шути, насмѣшничай надо-мной!

— Безъ шутокъ, Катя!

— Ну, такъ будемъ отдыхать.... Ты вотъ побольше со мной будешь сидѣть, а то я тебя иногда по цѣлымъ днямъ не вижу: совсѣмъ бросилъ меня съ дѣлами своими! надудла губки Катя.

— Идетъ! А кромѣ того мы будемъ ѣздить въ гости, въ театры. да еще знаешь что?

— Что?

— Устроимъ мы вечеринку для близкихъ знакомыхъ и вечеринку веселую—съ ряжеными!

Катя весело разсмѣялась.

— Это-бы отлично, Гриша, но папаша будетъ сердиться: онъ не любитъ этого, милый....

— Пустое! Папаша заляжетъ всегда спать съ семи часовъ въ своемъ мезонинѣ и не услышитъ ничего, а тетеньку мы подготовимъ, она и сама не прочь повеселиться-то!

— Конечно!... Какъ это отлично, Гриша! Я, мой милый, почти никогда и ряженныхъ-то не видала!...

— Ну, вотъ увидишь.... Мы, Катя, и сами нарядимся, и тетеньку нарядимъ!

— Ну?

— Право! Я наряжусь казакомъ, у меня и одажда-то такая

есть, съ Дону я еще на память привезъ, — а тебя нарядимъ.... Какъ-бы тебя нарядить? Придумай-ка!

— Меня!... Я нарядусь въ малороссійскій костюмъ, Гриша! Вѣдь казаки тоже малороссіяне? Да? Ну, вотъ мы и будемъ казакъ и казачка!

— Отлично! Я тебѣ покажу, какъ сдѣлать настоящій малороссійскій костюмъ, я ужъ знаю, наглядѣлся на хохлушекъ-то....

— Хорошо, Гриша. А кого мы пригласимъ къ себѣ?

— Ты подругъ пригласи, которыхъ знаешь, а я кой-кого изъ своихъ товарищей. Весело проведемъ время, а потомъ на тройкахъ кататься поѣдемъ....

Катя была въ восторгѣ отъ затѣи своего мужа и живо принялась за приготовленія къ импровизированному маскараду. Подруги были приглашены на совѣщаніе, и въ комнатахъ Кати открылась цѣлая мастерская; кроили, шили, примѣряли, перешивали! Цѣлые ворохи разноцвѣтныхъ матерій таскались въ комнаты молодой.

Наступилъ и день маскарада.

Петра Максимовича не пришлось даже и спать укладывать: точно нарочно, въ этотъ день, онъ уѣхалъ къ одному своему старинному пріятелю, имѣющему подъ Москвой прядильную фабрику, погостить дня на три.

Утромъ Катя одѣлась въ приготовленный костюмъ и позвала мужа посмотрѣть на нее.

Ахнулъ Григорій Степановичъ, увидавъ свою жену въ картинномъ малороссійскомъ костюмѣ! На диво была хороша Катя въ немъ.

Коротенькая юбочка изъ нестрой матеріи, стянутая *запаской*, живописно обрисовывала красивыя, роскошныя формы Кати; маленькія ножки, обутыя въ красныя, на высокихъ каблукахъ, *черевики*, казались еще меньше; роскошно вышитая шелками сорочка облегла высокую грудь и стягивалась на талии кованымъ *очкуркомъ*; на русой, гладко причесанной головкѣ, былъ надѣтъ вѣнокъ изъ

борвинокъ, васильковъ и золотистыхъ колосевъ; въ длинной косѣ были вплетены разноцвѣтныя ленты, шею и грудь покрывали кораллы, янтари и бусы.

— Катенька, душенька, да ты вѣдь съума всехъ сведешь въ этомъ нарядѣ! воскликнулъ Григорій Степановичъ и бросился цѣловать свою Катю.

— Тихе, тихе, изомнешь все! отталкивала его Катя. — Такъ хорошо!

— Чудо, какъ хорошо, моя милая! Ужъ видалъ я на Украинѣ красавицъ, а такой еще не приводилось!

— Ты тоже будешь очень хороша, Гриша!

— Ну, что я!... Ты-то, ты-то, экая прелесть!... Вотъ-бы Катя, увидалъ тебя въ этомъ нарядѣ Сергѣй Ивановичъ....

Катя поблѣднѣла даже при этомъ имени, точно облако прошло у ней по лицу.

— Зачѣмъ ты поминаешь объ немъ, Гриша! съ упрекомъ сказала она. — Ты знаешь, какъ мнѣ больно, тяжело вспоминать обо всемъ этомъ!...

— Прости, Катенька, не буду больше!... Дорогая моя, какъ настрадалась-то ты!... Милая....

— А гдѣ онъ, Гриша? Я его еще и теперь боюсь, онъ мнѣ во снѣ часто снится....

— Богъ его знаетъ, гдѣ онъ.... Кутилъ онъ, говорятъ, шибко, пилъ, а потомъ вдругъ пропалъ; ухлопали гдѣ-нибудь въ пьяной компаніи.... Ну, Богъ съ нимъ, Катя! Простимъ ему все и будемъ счастливы....

Григорій Степановичъ постарался замѣять непріятный разговоръ планами о вечеринкѣ, и Катя успокоилась.

Часовъ съ семи начали собираться гости. Въ обширномъ залѣ набралось до двадцати самыхъ разнообразныхъ масокъ. Тутъ были турки, гусары, цыганки, испанки, а кто нарядился клоуномъ и смѣшилъ общество различными остротами и ужимками. Любимая

подруга Кати, хорошенькая блондинка, Вѣрочка Шишкина, одѣлась сестрой милосердія, что чрезвычайно шло къ ея кроткому, доброму личику, (почти всѣ наряженные были безъ масокъ, особенно дѣвушки); сестра Вѣрочки, подвижная, суетливая дѣвушка, нарядилась офицеромъ и очень мило играла роль ловкаго, услужливаго кавалера: подруга Марьи Максимовны, разбитная купеческая вдова Аграфена Александровна Большеглазова, любительница всевозможныхъ увеселеній, изображала вакханку, довольно впрочемъ скромную по костюму, а бухгалтеръ ея конторы, вѣчно подвыпившій и красный, какъ ракъ, Иванъ Александровичъ Хатринъ — Бахуса. Хохотъ, шутки, остроты, шумъ, взвизгиваніе дѣвушекъ и восторженные восклицанія толпившихся въ дверяхъ прикащиковъ и горничныхъ наполняли весь домъ.

Марья Максимовна, сначала и слышать не хотѣвшая о томъ, чтобы явиться, въ срединѣ вечера, подговоренная Аграфеной Александровной и нѣсколько подвыпившая, вдругъ явилась въ залу, въ наскоро приготовленномъ костюмѣ маркитантки, и стала угощать гостей виномъ и десертомъ. Вечеръ сдѣлался еще оживленнѣе.

Часовъ около десяти, раздался звонокъ, и прислуга объявила Григорію Степановичу, что прибыли еще новые ряженые.

— Трое какихъ-то, Григорій Степановичъ, одинъ — толстякъ, чудакомъ какимъ-то выражень, а то черкесы. что-ли, какіе, въ маскахъ!... Говорятъ, знакомые ваши....

— Прянять ихъ, принять! Конечно, знакомые, коли знаютъ, что у насъ вечеринка. Зовите ихъ!

Въ залу вошли трое замаскированныхъ. Впереди шелъ толстый, приземистый господинъ, одѣтый рыбакомъ. На немъ была какая-то блуза, высокіе сапоги, съ боку висѣло ведро съ рыбой; въ одной рукѣ онъ держалъ длинную удю, въ другой — складной стулъ, какіе, обыкновенно, берутъ любители рыбной ловли, собираясь на охоту. Толстякъ какъ только что вошелъ въ залу, такъ разло-

жилъ свой стулъ и, усѣвшись на него началъ дѣлать видъ, что ловить рыбу.

— Узналъ, узналъ сразу! сизалъ со смѣхомъ Григорій Степановичъ, подходя къ рыболову. — Иванъ Петровичъ Лобовъ, господиныхъ рыболовъ-то!... Вотъ, спасибо, что пріѣхалъ, дружище!...

Рыболовъ снялъ маску и открылъ свое добродушное, смѣющееся лицо.

— Эка толщина-то проклятая, воскликнулъ онъ, — и вырядиться-то нельзя: сію минуту узнають!... Ну-ка, вотъ этихъ-то узнай! показалъ онъ на своихъ спутниковъ.

Всѣ обступили ихъ.

Наряженные были мужчина и женщина. Плотный широкоплечій станъ мужчины облекалъ киргизскій балахонъ, расшитый шелками и изукрашенный разноцвѣтной кожей. Лохматая киргизская шапка съ высокимъ верхомъ, была надвинута на верхнюю часть лица, а нижнюю — закрывала маска съ густымъ вуалемъ. Женщина, высокая, стройная, была одѣта киргизкой и тоже плотно замаскирована.

— Ну-ка, узнай! повторилъ Иванъ Петровичъ, хорошій знакомый Волкова, имѣвшій съ нимъ когда-то дѣла еще въ Оренбургѣ. Съ Бабьего городка тащился сюда, больной, чтобы тебѣ гостей показать!... Только что изъ Оренбурга пріѣхалъ, измучился, страхъ какъ, а все-же пріѣхалъ!... Ну-ка, молодая, узнайте вы. У мужа-то, видно, глаза плохи стали, — испортилъ, цѣлые дни и ночи на васъ глядѣвши, — вы-то узнавайте!

Катя подошла, было, поближе, но замаскированный порывисто шагнулъ къ ней навстрѣчу и быстро сдернулъ съ себя шапку и маску...

Передъ Катей стоялъ Сеня.

— Сеня, дорогой, голубчикъ! воскликнули въ одинъ голосъ Григорій Степановичъ и Катя, бросаясь къ Сенѣ.

Катя, забывъ гостей, забывъ все, въ порывѣ неудержимой радости, обняла Сеню и начала покрывать поцѣлуями его взволнованное лицо.

— Ха, ха, ха! добродушно смѣялся Лобовъ. Вотъ, такъ штука! При мужѣ-то, при мужѣ-то цѣлуетъ!... Ха, ха!... Да и тотъ хорошъ молодецъ!... Сеня, Сенька, Сенька, разбойникъ, невѣста ревнуетъ! Что ты дѣлаешь, каналья?... Ха, ха, ха!...

— Невѣста?! Какая невѣста? воскликнулъ Григорій Степановичъ.

— Такая, братъ! продолжалъ хохотать Лобовъ. Ты думаешь, что тебѣ одному можно невѣстѣ-то высватывать? Шалишь, Гриша, и мы себѣ невѣсту нашли!... Сымай маску-то, Оля, чего стоишь! обратился онъ къ замаскированной и, поднявшись со стула, снялъ съ своей спутницы вуаль.

Опустивъ глаза, покрытая густымъ румянцемъ застѣнчивости, передъ гостями и изумленнымъ Григоріемъ Степановичемъ стояла статная дѣвушка съ нѣсколько киргизскимъ типомъ лица, но очень красивая и симпатичная.

— Вотъ, и невѣста нашего Сеньки, прошу любить, да жаловать! проговорилъ Лобовъ. Ну, чего глядите? Красавица, Катерина Петровна, попросите-ка тетеньку гостей вашихъ занять, а сами пойдете въ какую-нибудь горенку, да потолкуемъ, побесѣдуемъ, а то, вишь, Сеня-то нашъ, самъ не свой—охота ему душу излить, да и вамъ съ мужемъ, поди, охота поговорить съ нимъ.... Пойдемте-ка, матушки.... Чайку намъ прикажите дать, водочки....

— Не осудите, господа, мы сейчасъ вернемся.... Вишь, пріятеля хозяинъ-то обрящилъ, задумшевнаго пріятеля своѣго!...

Молодые извинились передъ гостями, что на минуту оставляютъ ихъ, и ушли изъ зала вмѣстѣ съ пріѣхавшими.

Гости продолжали веселиться.

XXV.

Правдивая исторія наша кончилась. читатель, скажемъ только нѣсколько словъ о виновникѣ счастья Волкова и Кати—Сенѣ.

Послѣ страшной прогулки за Всесвятское, Сеня потерялъ, какъ говорится, голову. Мучительное отчаяніе овладѣло всеѣмъ существомъ его, и онъ не зналъ, что дѣлать, куда дѣваться отъ этого страшнаго, невыносимаго состоянія.... Мысль о самоубійствѣ явилась ему спасительницею, и ужъ холодный стволъ револьвера коснулся до воспаленнаго лба молодого человѣка, но въ эту отчаянную минуту въ головѣ пронеслась другая мысль. мысль о загробной жизни, и револьверъ полетѣлъ въ сторону....

Вино заглушило на нѣсколько часовъ муки, и въ дикомъ разгулѣ Сеня забывался иногда, но за этимъ наставали минуты, часы, цѣлые дни еще болѣе тяжелаго отчаянія, и бѣдный страдалецъ доходилъ до сумасшествія. Наконецъ онъ рѣшился ѣхать куда-нибудь, чтобы въ иной обстановкѣ, съ иными людьми, забыться, отдохнуть.

Попалъ онъ въ глухую сторону Оренбургской губерніи, въ какую-то отдаленную станицу. Дорога, безсонныя ночи, сотни верстъ на конѣ съ какимъ-нибудь киргизскимъ табуномъ, цѣлые сутки подъ открытымъ небомъ въ мятель, въ стужу — все это утомляло тѣло, но облегчило душу. Сеня точно отдохнулъ; тяжелый нравственный недугъ прошелъ.

Въ это самое время онъ встрѣтился въ Верхнеуральскѣ съ своимъ московскимъ знакомымъ, — имѣющимъ въ этой мѣстности какія-то дѣла, — Иваномъ Петровичемъ Лобовымъ. Добродушный, крайне симпатичный Иванъ Петровичъ, видя, что молодому человеку что-то не по себѣ, взялъ его подъ свое покровительство и сталъ всеѣми силами стараться помирить съ жизнью, не пытаясь

даже узнавать причины тоски и разочарованія давно любящего Сени. Иванъ Петровичъ нашелъ ему дѣло, съумѣлъ заинтересовать этимъ дѣломъ, и Сень началъ окончательно приходить въ себя. Въ это время надъ нимъ стряслась бѣда, оказавшая впрочемъ впоследствии великую услугу ему.

Проѣзжая по дѣламъ Ивана Петровича самой глухой, самой незаселенной мѣстностью Оренбургской губерніи, Сень наткнулся на какихъ-то бродягъ, по всему вѣроятію, бѣглыхъ. Сень вѣхалъ верхомъ, хорошо вооруженный, но бродягъ было пять человѣкъ, одинъ другого предприимчивѣе, одинъ другого алчнѣе и одинъ другого голоднѣе и, не смотря на геройское сопротивленіе, на силу и ловкость Сени, ему пришлось уступить.

Бродяги избили его, обообрали до-чиста, отняли лошадь и бросили на произволъ судьбы въ глухой степи, въ мятель, почти нагаго.

Но Сень видно суждено было жить: его подымали какіе-то проѣзжіе, привели въ чувство и доставили къ Лобову.

Чисто отеческую заботливость показалъ Иванъ Петровичъ по отношеніи къ Сенѣ. Его берегли, какъ любимого сына, ухаживали, не щадя ничего, и хотя побои бродягъ были тяжки — крѣпкая натура молодого человѣка вынесла болѣзнь. Сень оправился.

У Ивана Петровича жила, не то служанкой, не то воспитанницей, взятая имъ ребенкомъ и имъ же крещенная киргизка, оставшаяся свироткой послѣ одного служащаго у Лобова киргиза, женатаго на русской. Звали ее Ольгой. Это была дѣвушка добрая, кроткая и весьма не дурная собой, не смотря на киргизское происхожденіе. Ольга ухаживала за больнымъ Сеней, какъ сестра, а потомъ полюбила его. Обновленный тяжелой болѣзнью, Сень всталъ, точно другимъ человѣкомъ; прошлое казалось тяжелымъ сномъ, а настоящее.... А настоящее было хорошо: хотѣлось жить, любить, и Оля стала невѣстой Сени.

Исповѣдавъ во время болѣзни свое тяжелое прошлое священнику—

онъ облегчилъ душу, какъ простой, рускій, истинно-вѣрующій человекъ.

— Поѣдемъ въ Москву, Сеня, прогуляемъ тамъ святки, а потомъ и свадьбу отпирuemъ, во, какъ отпирuemъ! сказалъ Иванъ Петровичъ, и они прѣхали въ Москву....

Послѣ долгихъ скитаній, послѣ многихъ тревогъ Григорій Степановичъ нашелъ тихую безмятежную пристань. Нашелъ ее и Сеня....

Такъ было суждено, читатель!

К О Н Е Ц Ъ.

9и.

Цена 1 руб.

4